

У. Л. Уилмхерст

МАСОНСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

«Существует лишь одна правильная монета — разумение,* и лишь в обмен на неё должно всё отдавать; лишь в этом случае будут неподдельны и мужество, и рассудительность, и справедливость — одним словом, подлинная добродетель: она сопряжена с разумением, все равно, сопутствуют ли ей удовольствия, страхи и все иное тому подобное или не сопутствуют. Если же все это отделить от разумения и обменивать друг на друга, как бы не оказалась пустою видимостью такая добродетель, поистине годная лишь для рабов, хилая и подложная. Между тем, истинное — это действительно очищение от всех [страстей], а рассудительность, справедливость, мужество и само разумение — средство такого очищения. И быть может, те, кому мы обязаны учреждением мистерий, были не так уж просты, но на самом деле еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов. Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, "много тирсоносцев, да мало вакхантов",** и "вакханты" здесь, на мой взгляд, ни кто иной, как только истинные философы. Одним из них старался стать и я — всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская.»

Сократ в диалоге Платона «Федон»

* У Уилмхерста — "мудрость" — прим. ред.

** То есть "много стремящихся, но мало посвящённых", или "много званых, но мало избранных" — прим. ред.

ВСЕМ ТРУЖЕНИКАМ ДУХА

ВВЕДЕНИЕ

МАСОНСТВО И РЕЛИГИЯ

Эта книга была задумана как продолжение и дополнение к моему предыдущему сочинению «Смысл масонства» («Meaning of Masonry»), впервые опубликованному в 1922 году. То было собрание статей, напечатанных мною в порядке робкого эксперимента, в надежде, что они смогут пробудить интерес некоторых Братьев к более глубокому и философическому аспекту франкмасонства. Однако книга встретила неожиданно теплый прием во всех частях света и уже выдержала несколько изданий. Не скрою, мне весьма отраднo это сознавать; но моя личная удовлетворенность данным обстоятельством не идет ни в какое сравнение с той благодарной радостью, которую вызывает повсеместно проявляющееся стремление намного глубже, нежели раньше, вникнуть в суть и цели масонского движения, сопровождаемое к тому же бурным ростом численности Братства. Похоже на то, что масонское Братство постепенно возрождается и, как я уже отмечал раньше, этот процесс возрождения неминуемо должен не только повлечь за собой нравственное совершенствование и просветление отдельных личностей и Лож, но и благотворно отразиться в конечном счете на всей объединяющей их системе — на всей структуре масонского сообщества.

А в данных обстоятельствах, в свою очередь, становится возможным более подробно и, если так можно выразиться, с большей убежденностью говорить о предмете, который, как убеждает меня широчайший спектр субъективных и объективных свидетельств, вызывает немалый интерес у многих членов Братства. В силу этого я и предлагаю вниманию читателя данную книгу, посвященную той же самой теме, что и прошлое мое сочинение, но рассматривающую ее под несколько иным углом зрения и содержащую более подробное истолкование многих вопросов, лишь поверхностно и схематически изложенных в предыдущем издании.

Под «масонским посвящением» я подразумеваю, конечно же, не просто ритуал приема в Орден, но само умозрительное франкмасонство (охватывающее как рядовой состав Братства, так и высшие его ступени), рассматриваемое как особый метод интеллектуального наставления и духовного руководства — метод, предлагающий своим искренним и старательным приверженцам сразу и концепцию жизни, и правильный ее образ, и путь к дальнейшему совершенствованию и приближение к истинной жизни (и даже вхождение в нее) и к сверхъестественному Свету высшего порядка. Коль скоро масонство по самой сути своей представляет собою поиск этого сверхъестественного Света, публикуемые ниже заметки схематически расположены в соответствии с последовательностью этапов этого поиска: поначалу речь идет о переходе от тьмы к Свету; затем — о самом «пути» и о Свете, который дарует продвижение по нему; и, наконец, о той стадии, где Свет достигает своей предельной яркости, что является следствием настойчивого продвижения по «пути» до его завершения. В последней заметке я сделал повторный обзор истории Ордена, его нынешних тенденций и перспектив на будущее.

В своем ревностном стремлении подчеркнуть, насколько важна для них причастность к жизни и деятельности Братства, некоторые его члены испытывают тем не менее затруднения в определении «места» и характера франкмасонства. Что это: религия, философия, моральный кодекс или нечто иное? Учитывая повышенный интерес к данному вопросу, я нахожу целесообразным начать свое повествование именно с попытки дать на него ответ.

Несмотря на то, что масонство явно заключает в себе некоторые религиозные элементы и многочисленные рекомендации религиозного свойства, называть его религией все-таки не следует. И хотя кто-то из Братьев может с полным на то основанием заявить (и многие действительно это делают): «Масонство — моя религия», — его никоим образом не следует классифицировать как религию и представлять общественности как таковую. Достаточно заглянуть в «Уставы», чтобы понять, что вся система была изначально задумана как нечто независимое и существующее отдельно от религии, и что единственным требованием, предъявляемым Орденом к своим членам, является вера в Божество и соблюдение требований Нравственного Закона. При этом каждый Брат сохраняет абсолютную свободу выбора вероисповедания и формы Богослужения.

Масонство не является также и философией, хотя и опирается на внушительный философский базис, который, впрочем, не проявляется открыто в масонских учениях и ритуалах, поскольку Братьям предлагается самостоятельно приобщаться к нему через самообразование. Этот философский базис представляет собою Гнозис, или древнее как мир Учение Мудрости, в той или иной степени унаследованное восточными Ведами, египетской, халдейской и орфической системами посвящений, школами пифагорейцев и платоников и всеми Храмами мистерий — как давно исчезнувшими, так и ныне существующими, христианскими и нехристианскими. Ожидается, что нынешнее возрождение масонского Ордена неминуемо повлечет за собою пусть медленное, но верное повышение интереса к этой философии и, возможно, даже полномасштабную реставрацию мистерий, запрещенных на протяжении последних шестнадцати столетий. Однако подробнее об этом будет сказано в последней главе книги.

В соответствии с официальным определением, масонство является «морально-этической системой». И это определение справедливо, но только в двух смыслах, из которых чаще всего вспоминают только об одном, истолковывая его исключительно как «моральный кодекс». Но человеку вовсе не обязательно вступать в тайное Братство, чтобы изучать этику и мораль; не нужны для этого и особая форма организации и сложный церемониал. Основы морали человек должен постигать и постигает в обычной, повседневной жизни; это необходимо уже для того, чтобы просто стать достойным членом общества. Но, как знает каждый масон, «строгое следование нормам морали» является необходимым предварительным требованием для вступления в Орден; нельзя вступить в Орден и только потом, уже будучи членом Братства, приобщаться к высоконравственному образу жизни. В самом деле, Орден настоятельно требует от своих членов неукоснительно следовать моральному Закону и подчеркивает необходимость культивирования определенных этических добродетелей, без которых постижение духовной науки не представляется возможным. Это и есть первоначальный, наиболее очевидный смысл, который мы вкладываем в понятие «морально-этическая система».

Но в своем исконном значении (равно как и в дополнительном — масонском понимании) слово «мораль» может восприниматься и так, как мы обычно воспринимаем «пьесы-моралите». Эти пьесы суть литературный или драматический способ выражения духовной истины. В них истина излагается аллегорически и в соответствии с определенными устоявшимися принципами и методами (*mores*). Их можно считать эквивалентом традиции, или «ритуала», который священнослужители именуют «сарумским ритуалом», или литургией. Следуя этой же самой трактовке, «Моралия» Плутарха являет собою по сути цикл исследований *mores*, утверждавшихся древними религиозными школами мистерий.

Следовательно, во втором своем значении «морально-этическая система» представляет собой «систематизированный и драматизированный метод морального совершенствования и философского наставления, основанный на древней традиции и давно утвердившейся практике». Этим методом как раз и является посвящение. Вся его схема и практика основаны на аллегории и символах; и долг каждого франкмасона — научиться интерпретировать и понимать их, дабы использовать потом заложенный в них смысл во благо себе и окружающим. Только так и можно постичь смысл существования всей системы; и если масону это не удастся, он так и будет пребывать во тьме (к чему намеренно предрасполагает сама система) и не сможет понять подлинное значение и секреты Ордена, пусть даже формально он остается его членом. Существование Ордена и его морально-этической системы просто подтверждает тот факт, что высшая истина действительно есть и что она имеет своих хранителей; но Братство отнюдь не склонно навязывать эту истину кому бы то ни было и предоставляет каждому масону возможность самостоятельно трудиться на ниве ее постижения. Ибо истина, ее подлинные аспекты не поддаются непосредственной передаче; их можно излагать только в виде аллегорий и символов, мифа или таинства. Их интерпретация и усвоение остаются пожизненной задачей каждого, кто стремится к ее постижению; ведь пока человек не сделает истину частью самого себя, он не может с уверенностью сказать, что это действительно истина; прежде чем обрести знание, необходимо сперва очень этого пожелать и приложить усилия. «Я не знаю точно, что они означают, — говорил святой Бернар Клервосский об аллегориях и символах, — но чем плотнее завеса, скрывающая за собою духовные реалии, тем более прекрасными и притягательными они нам представляются; и ничто так не подстегивает наше стремление приобщиться к ним, как этот деликатный, но труднопреодолимый запрет».

Следовательно, масонство — как «морально-этическая система» (следуя определению) — является не религией и не философией, но одновременно наукой и искусством, теорией и практикой; именно такой подход был присущ всем школам Древней Мудрости и мистерий. Ученику-неофиту прежде всего предлагалась картина жизненного процесса; затем ему рассказывали историю возникновения души и ее нисхождения в этот мир, демонстрировали всё несовершенство и ограниченность ее нынешнего состояния, но отмечали при этом, что существует научный метод, благодаря которому душу можно вновь усовершенствовать и вернуть в прежнее возвышенное состояние. То была научная часть программы древних школ — теория, предлагаемая ученикам в первую очередь, дабы они смогли уяснить себе цель и назначение мистерий и представить себе, какие предварительные процедуры открывают доступ к ним. Далее вступает в действие другая часть программы — практическая деятельность ученика, направленная

на самого себя: самоочищение, установление контроля над собственной чувственной природой, корректировка нежелательных привычек, дисциплинирование мышления, умственных процессов и воли строгими правилами жизни — овладение искусством жить, так сказать. Когда же ученик приобретет достаточный опыт как в теории, так и в практике и сможет благополучно выдержать некоторые тесты (и никак не раньше), он удостоивается привилегии посвящения — тайной церемонии, производимой уже посвященными опытными учителями. Подробности этой церемонии никогда не раскрывались посторонним.

Так, в нескольких словах, выглядела древняя наука мистерий — в Египте ли, в Греции или где-то еще; и эта же самая наука, хотя и в до крайности сжатой и изрядно выхолощенной форме, была сохранена и поддерживается до сих пор в современном масонстве*.

* Желающим ознакомиться с более подробным и толковым описанием мистерий могу порекомендовать недавнее (1918 года) переиздание сочинения М. А. Атвуд «Поучительное исследование герметических мистерий» («A Suggestive Inquiry into the Hermetic Mystery»), а также пространное введение в суть предмета, написанное лично мною и опубликованное Тейтом, Белфастом и Уоткинсом (Лондон). (Из доступной на русском языке литературы можно также отослать читателя к главе "Древние мистерии" в первом разделе книги Ч. Ледбитера "Внутренняя жизнь" — ред.)

Подтверждению и демонстрации данного факта посвящены как предыдущая, так и нынешняя мои книги. Помимо этой цели, я написал их также в надежде на то, что осознание подлинного предназначения масонского Братства поможет его членам направить дальнейшее развитие Ордена в нужное русло, дабы превратить его наконец в подлинный инструмент посвящений, преодолев его нынешнюю направленность исключительно на социальные вопросы и благотворительность. Безусловно, роль и назначение масонства невозможно осознать в полной мере, не ознакомившись предварительно с мистериями древности, ибо, как сказал поэт (Патмор), знавший о древности всё, или почти всё:

«Кто по Старой Дороге прошел — новый мир отыскал.

Виден свет молодой с убеленных сединами скал!»

Принимая во внимание вышеназванную цель масонства, можно заключить, что хотя оно и не является религией, но тем не менее совместимо со всеми религиозными учениями и лояльно к ним. В то же время оно представляет собою нечто большее, чем обычная религия, поскольку Орден посвящений (подобно монашеским Орденам старых церквей) ставит себе целью более серьезное просвещение и более углубленное приобщение к истине и мудрости, нежели массовые религии. Однако участие в таком Ордене требует от его приверженцев более суровой

самодисциплины и более строгого контроля над собственным умом и волей. Массовое религиозное учение любого народа, будь то христианство или какое-то иное вероисповедание, рассчитано прежде всего на людей не слишком дисциплинированных и потому неспособных к «усвоению более тяжелой духовной пищи», ибо таких в любой стране большинство. Оно приспособлено для обычного «человека с улицы», не спеша ковыляющего по дороге жизни. Посвящение же предназначено только для людей подготовленных — отважных духовных атлетов, жаждущих проникновения в глубинные тайны бытия и страстно желающих как можно скорее достичь тех вершин, на которые их способен вознести только пробудившийся дух.

Но разве наблюдающийся ныне все более массовый (хотя, разумеется, пока еще далеко не всеобщий) отход от традиционных религий и общепринятых форм богослужения следует объяснять исключительно распространением безбожия, а не диаметрально противоположным ему фактом роста духовных и интеллектуальных запросов многих людей, коих уже не удовлетворяют традиционные верования, поскольку жесткие условия современной жизни побуждают их требовать четкого объяснения и надежного интеллектуального базиса для каждого шага, предписываемого им религиозными установлениями? А отход от церкви многих искренне ищущих Бога и религиозно мыслящих людей и обращение их к иным формам религиозного самовыражения, включая масонство, — разве не объясняется он в значительной мере тем же самым обстоятельством и тем фактом, что церкви, хотя и утверждают веру, дают надежду и провозглашают любовь, не могут дать людям того, что всегда предлагали древние мистерии, а именно — ясного и четкого философского истолкования жизни и Вселенной? Напомню, что речь идет не о доказательствах, ибо не может быть исчерпывающего доказательства у конечных истин, но об интеллектуальном стимуле к изучению объектов духовной, а не чувственной природы.

Скажу сразу, что в мои намерения никоим образом не входит восхваление масонства в ущерб существующим ныне церквям и религиям, равно как и устройство «соревнования» между институтами, которые в принципе не могут соревноваться между собою, но могут лишь дополнять друг друга. Я только констатирую давно и хорошо известные факты: общество всё более склоняется к тем источникам информации, которые наиболее полно удовлетворяют его интеллектуальные и духовные запросы, тогда как церковь сейчас этим запросам явно не отвечает предлагая лишь крохи в сравнении с тем, чего от нее в действительности требуют. Развивающийся человеческий интеллект уже перерос — не религиозные истины, но способ их изложения, который был вполне адекватен прежним, более спокойным, нежели сейчас, временам, но неприемлем в нынешних условиях, когда людям необходима более солидная пища для ума.

Пожалуй, есть смысл напомнить о том, как совсем недавно охарактеризовал сложившуюся ситуацию человек недюжинного ума, к тому же, в силу своей расовой принадлежности не связанный с религией и традициями западного мира — индусский религиозный учитель, посвященный, участвовавший в работе Всемирного конгресса религий в Чикаго как представитель ведантистов. Впоследствии он предпринял ознакомительную поездку по Европе и Америке, дабы ближе узнать и оценить существующие там религиозные организации и взятые ими на вооружение методы. Сделанные им выводы можно суммировать следующим образом: «Западный идеал — действительный (быть активным); восточный — страдательный (быть

пассивным). Совершенную жизнь создает гармония этих двух начал. Западные религиозные организации (церкви и секты) имеют ряд серьезных недостатков, из-за чего постоянно порождают зло, неведомое на Востоке, свободном от чрезмерной заорганизованности. Идеальные условия создаст разумное сочетание этих противоположных методов. Для западной души — благо, когда человек рождается в лоне церкви, но ужасно, если он и умирает там же, поскольку в религии должен быть рост. Молодого человека порицают за то, что он не приобщается к церковным учениям своего народа и не посещает храма Божиего; но человека зрелого возраста равным же образом порицают за совершенно противоположное, так как ему надлежит выйти за рамки предлагаемого церковью и взойти на более высокую ступень религиозной жизни и понимания».

К такому же выводу пришел известный ревностный поборник религии из числа наших соотечественников: «Деятельность церкви среди мирян заключается не столько в истолковании тайн жизни, сколько в понуждении души к той аскетической степени чистоты, при которой Само Божество становится ее учителем. Работа церкви заканчивается там, где начинается познание Бога»*.

* Ковентри Патмор. «Стебель, Корень и Цветок» («The Rod, the Root, and the Flower»).

Иными словами, нам необходима наука посвящений (подлинная, а не просто церемониальная), а ее применение становится возможным лишь после того, как азы духовной науки будут усвоены и потребуются новая, более подробная информация. Тот же самый автор, хотя и является ревностным приверженцем римско-католической церкви, открыто и честно признает, что во всякую эпоху посвященный в мистерии — независимо от своей расовой и национальной принадлежности — в плане духовной мудрости и просветленности должен был стоять намного выше любого непосвященного христианина или представителя какой бы то ни было иной религии.

Свидетельства, подобные этому, однозначно указывают (и думаю, многие с этим согласятся) на необходимость некоего дополнения, приращения к массовой религии; некоей школы высшей ступени — закрытой и уединенной, где будут изучаться как в теории, так и на практике тайны бытия, которые не следует излагать *сogat populo*. А для этого необходим тайный Орден со своей системой посвящений; и как здесь не вспомнить о масонском Братстве? Будущее покажет, сумеет ли масонский Орден обратить эту благоприятную возможность на пользу себе и, самое главное, обществу. Но некоторые тенденции к этому заметны в Братстве уже сегодня; и я надеюсь, что моя нынешняя (равно как и предыдущая) книга сможет поддержать эти благие начинания и помочь им осуществиться в полной мере, что не принесет ничего кроме пользы.

Но пусть те из нас, кто, как и я, желает осуществить эти планы и учредить систему углубленного религиозного просвещения, даже не помышляют о каком-либо соревновании с другими общинами и не позволяют себе с пренебрежением или осуждением думать о тех, кто учится или

учит в иных местах, нежели они сами. Ведь жизнь предполагает рост. Луковица гиацинта в стоящем передо мною цветочном горшке не вечно будет луковицей, чья жизнь и размеры ограничены пространством отведенного ей горшка. Со временем она вырастет на целый фут и расцветет благоуханным цветком, хотя корни попрежнему останутся в земле. Жизнь человеческая напоминает эту луковицу, посаженную Провидением в некоем определенном горшке (то есть в лоне какой-то религии и церкви). И если человек следует законам природы и заложенным ею в него основополагающим инстинктам, он сможет перерасти свой горшок и возвыситься над его уровнем, что предполагает расцвет сознания, о котором «человек-луковица» не мог даже мечтать. Это будет сознание не новичка, не ученика или неопита, еще только приобщающегося к таинствам; это будет сознание посвященного.

И все-таки корни этой совершенной жизни остаются в земле, и потому цветку вряд ли следует с презрением относиться к тому горшку, в котором он вырос; напротив, ему надлежит быть благодарным горшку за то, что тот дал ему возможность благополучно вырасти. Поэтому масонство никогда не позволяет себе высокомерного отношения к более простым и примитивным формам интеллектуального и духовного наставления. Напротив, масон наиболее ревностно и с более глубоким и полным пониманием исполняет древнюю заповедь: «Чти отца своего и мать свою». В какой бы форме и под какими бы именами идея Бога ни преподносилась ему и его ближним, он не перестает почитать единого Вселенского Отца; и какая бы Мать-Земля, и какая бы Мать-церковь ни вскармливала его во младенчестве, он не перестанет питать к ним сыновние чувства, даже если теперь он с неменьшим уважением относится к своей Матери-Ложе, поскольку в каждой из них ему видится прежде всего временное отражение другой, еще более великой Матери — высшей прародительницы, которую называют «Матерью всех нас».

* * * * *

И еще на один важный вопрос мне следует обратить внимание. Желая помочь своим Братьям как можно более полно представить себе суть масонства (а как свидетельствуют последние события, многие из них с нетерпением ждут этого и готовы с благодарностью принять любую помощь, которая будет им предложена), автор едва не пришел в отчаяние, пытаясь найти способ, который позволил бы ему решить разом две задачи: принести Братьям реальную пользу и при этом не нарушить ранее данного им обещания блюсти секреты Ордена.

В своей предыдущей книге я уже пояснял, что при ее написании мне приходилось всё время помнить об осторожности, дабы случайно не проговориться о чем-то запретном. И сейчас я хотел бы сделать аналогичную оговорку еще раз — теперь уже для нынешней своей книги. Ни один немасон не найдет на страницах этой книги никаких явных разоблачений масонских секретов; и ни один масон не обнаружит в ней никаких враждебных высказываний или даже помыслов — только искреннее желание автора по мере своих сил содействовать процветанию Братства. Более того, я уверен, что на все те вещи, о которых я позволил себе упомянуть, предписываемый Орденом обет молчания не распространяется — все они уже давно и открыто связываются с Братством и признаются его неотъемлемыми характеристиками. И коль скоро мои Братья и коллеги — далекие

и близкие — уже в полной мере и самыми разными способами подтвердили, что они вполне достойны доверия, то и я считаю себя вправе обратиться к ним с информацией более конфиденциального свойства, нежели ранее. Что же касается тех читателей, которые не имеют отношения к Братству (а не допустить попадания книги в их руки изначально не представляется возможным), то они не найдут в моем сочинении ничего такого, что уже не стало бы достоянием гласности (пусть даже и в несколько иной форме) в наши дни напряженного поиска подлинного руководства, способного пролить свет на туманные стороны человеческой жизни. И позволю себе заметить, что после публикации моей предыдущей книги я получил множество положительных отзывов о ней как от членов Братства, так и от не-масонов и что книга эта снискала Ордену невиданную ранее симпатию и интерес общественности.

Есть, разумеется, люди, придерживающиеся настолько строгих взглядов, что любое публичное упоминание масонства кажется им предосудительным. Но даже в их глазах я надеюсь оправдаться, поскольку использование разного рода ухищрений с целью не допустить передачи знаний — единственного дара, которым я могу поделиться со всеми своими собратьями в благодарность за то, что я сам некогда получил их от нашего Ордена, — тем, кто искренне к ним стремится, представляется мне гораздо менее похвальным для масона поведением, нежели противоположная добродетель, предписывающая хранить молчание даже в тех случаях, когда есть шанс рассказать о многих действительно полезных вещах.

В подтверждение своих слов я могу сослаться также на авторитет одной древней мудрости, гласящей: «Тот, кого пугает ветер, никогда не посеет; а тот, кого страшат облака, никогда не пожнет!» И хотя во время работы над этой книгой мое утреннее желание сеять разумное часто сменялось вечерним опасением причинить этим кому-нибудь вред, все-таки первое неизменно оказывалось сильнее второго. И если посеянные мною зерна падут одновременно и на масонскую, и на какую-то иную почву, то кто может знать, где они дадут наиболее обильные всходы? Я же буду молиться о том, чтобы они повсюду смогли принести пользу. Ибо, как продолжает все тот же древний мудрец: «Свет истины мягок, и благо для глаз глядеть на Солнце». А сколько их сейчас повсюду — пока еще незрячих, которые только и ждут, чтобы им помогли увидеть солнечный свет, как известно, принадлежащий одинаково всем людям, а не какому-то избранному сообществу?

А теперь, когда я, как мне кажется, решил для себя эту этическую проблему и благодарными глазами взглянул на рассвет нового сознания, уже забрезживший над нашим Братством, позвольте мне во имя того, кто известен под множеством разных имен, объявить заседание Ложи открытым и посвятить его рассмотрению масонского Братства во всех его ипостасях.

Часть первая

ИЗ ТЬМЫ К СВЕТУ

(Президентское Обращение к Хаддерсфилдской приходской ассоциации признанных Мастеров)

Сегодня в Ордене Каменщиков нет работы более важной, чем просвещение его членов на предмет подлинного смысла посвячительного ритуала, дабы они смогли лучше понять предназначение, важность и серьезность того дела, ради которого было создано наше Братство.

До сих пор на просветительскую деятельность обращалось прискорбно мало внимания, и результатом этого стала практика приема в Братство кандидатов, неспособных по достоинству оценить его высокую цель. Некоторые из них вообще не испытывают никакой тяги к масонскому обучению. Их вполне устраивает номинальный статус масона и бессмысленное, механическое повторение непонятных им церемоний и лекций — большего они знать не желают, полагая, что этого вполне достаточно. Но в каждой Ложке есть Братья, которые требуют большего и знают, что наш Орден был создан ради более высокой и благородной цели. Эти искренние искатели Света и Мудрости вступили в Братство, надеясь обрести в нем и то и другое; но часто то, что они в нем находят, лишь отталкивает их и они теряют к масонству всякий интерес, не получая того, к чему стремились. Именно таким, равнодушным Братьям в первую очередь и адресовано это обращение.

Нам нужны не просто знатоки масонского ритуала, механически запоминающие тексты лекций, но опытные и компетентные наставники, способные разъяснять суть и символизм масонства. Разумеется, вся ответственность за это углубленное обучение ложится прежде всего на плечи тех, кто носит звание признанных Мастеров. И где же им быть, как не на том Востоке, откуда, как известно, всегда исходит истинный Свет; и кому, как не им, просвещать и наставлять в масонской науке, раскрывая доселе неведомые символические загадки Ложки тем, кто до сих пор пребывает в более или менее глубокой темноте? Кого, как не их, следует считать метафорическими рупорами царственного Соломона и символическими глашатаями сверхчеловеческой Мудрости? Разве не вознеслась над каждым из них торжественная молитва, призывающая их быть мудрыми, чтобы понимать, пронизательными, чтобы распознавать, и покорными священному закону, определяющему условия, от которых зависит подлинное посвящение, дабы они могли достойно просвещать своих Братьев? И можно ли сомневаться в том, что многие признанные Мастера чувствуют в сердце своем, что обладают (или, по крайней мере, стремятся обладать) этой мудростью, этим пониманием нашей науки, этой способностью вести людей из тьмы к Свету в самом подлинном смысле этого слова?

Вы призвали меня быть президентом этой большой Ассоциации признанных Мастеров, чьей задачей является посильная помощь Ордену в указанной сфере деятельности. И самое лучшее, что я могу сделать сейчас, принимая это почетное звание, — это призвать вас, мои уважаемые коллеги, подумать вместе со мною о том, как нам следует организовать подлинно масонское обучение, дабы затем объединенными усилиями повысить в наших Ложях уровень знания масонской науки или, по крайней мере, постараться сделать наши претензии на обладание ею более оправданными.

Следовательно, моя ближайшая цель заключается, во-первых, в том, чтобы довести до сведения наших коллег, что означает подлинное посвящение и какая огромная разница существует между ним и просто формальным следованием всем предписанным церемониям Ордена; и, во-вторых, в том, чтобы показать, чем являлось и до сих пор является посвящение в других, еще более закрытых и глубокомысленных системах, в сравнении с которыми масонство — всего лишь относительно молодой побег на стволе очень древнего дерева. И наконец, нам всем следует подумать над тем, каким образом мы сможем усовершенствовать работу нашей Ложы после того, как лучше поймем истинную природу и цель собственного Ордена.

ПОСВЯЩЕНИЕ, ИСТИННОЕ И ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ

Некоторые члены нашего Братства наверняка очень удивятся, если им сказать, что наши церемониальные ритуалы, принятые в настоящее время, вовсе не являются подлинным посвящением в изначальном смысле этого понятия, подразумевавшем допуск к священным тайнам человеческой души и начало практического приобщения к Божественной науке. Но слова «посвящение» и «мистерия» приобрели столь широкую популярность и вследствие этого настолько опошлелись, что теперь применяются в какой угодно сфере человеческой деятельности, даже если это работа фондовой биржи.

Мы утверждаем, что владеем тайною посвящений, однако лишь немногие масоны знают, что представляет собою истинное посвящение; но даже если бы это знание было всеобщим, боюсь, среди Братьев все равно нашлось бы не слишком много желающих принести необходимые для его практической реализации жертвы и проявить требуемую волю и мужество. И все-таки высшие ступени нашего Ордена имеют некоторое — пусть даже приблизительное и фрагментарное — представление о том, что такое подлинный процесс посвящения. И потому нам самим предстоит выбирать: либо мы будем своими силами расширять эти скромные познания, превращая их символику в конкретную реальность, способную переменить всю нашу жизнь, либо мы по-прежнему будем относиться к ним как к простому церемониалу, коему вполне достаточно формального отношения, хотя подобный подход и не сможет ни на йоту изменить нашу нынешнюю несовершенную природу.

Таким образом, если масонство, со всеми его торжественными молебнами, клятвами и обетами, чего-нибудь да стоит, то ему снова следует вспомнить о своей первоочередной задаче — пропагандировать духовную жизнь и способствовать духовному развитию своих членов, пока еще далеко не удовлетворительному. В противном случае масонство так и останется формальной общественной организацией, а все его благородные обязанности и религиозные проповеди деградируют до уровня бездарной профанации и даже богохульства. Чтобы избежать этого, необходимо восстановить четкое представление о фундаментальных целях практики посвящений и их сути, вследствие чего каждый из Братьев получит возможность во всех подробностях постигать секреты масонских степеней и символов, ибо без этого знания у наших ритуалов не может быть ни подлинной силы, ни подлинной духовности; а без этой силы все наши церемонии превращаются в пустые и никчемные формальности. Масонские церемонии были изначально задуманы как внешняя оболочка, обрамляющая глубокую внутреннюю сущность, и если эта сущность вдруг исчезнет, для чего тогда будут нужны церемонии? Мы можем по-прежнему принимать в наши ряды тысячи новых масонов, но при этом все они останутся такими же непросвещенными, как и раньше, и мистерии так и не перестанут быть для них тайною за семью печатями. Как гласит наше учение, невозможно дать миру ни одного нового посвященного, иначе как с помощью Бога и при благожелательной поддержке тех, кто может вывести своих братьев к Свету. Для этого также необходимо, чтобы посвящаемый признал себя духовно нищим, незрячим, погруженным во тьму невежества и неспособным достичь Света без посторонней помощи, опираясь только на собственные усилия. Словом, желание видеть Свет должно быть не только на устах, но и в сердце посвящаемого, ибо подлинное посвящение подразумевает возвышение сознания с человеческого уровня до Божественного.

Любая подлинная посвятельная система — как в прошлом, так и в настоящем — состояла и состоит из трех четко очерченных этапов, поскольку перед тем, как выйти из окружающей каждого из нас естественной тьмы и приобщиться к Божественному Свету, отыскав в себе самом Звезду Сияющей Славы, человек должен выполнить три неперемennых условия.

Во-первых, ему следует отказаться от всех привязанностей внешнего мира, включая все соблазны, классифицируемые как «деньги и презренный металл». Это необходимо для очищения плотской и чувственной природы и подчинения ее жесткому волевому контролю. Далеко не каждый захочет и сможет это осуществить; естество прочно удерживает нас, и справиться с укоренившимися привычками тоже весьма непросто. Но до тех пор, пока хотя бы одна из этих привычек продолжает притягивать и удерживать нас, не позволяя полностью отречься от физических удовольствий, мы всё еще остаемся «привязанными к миру», и доступ к истинному посвящению в сверхфизическую реальность для нас закрыт. На этой стадии отречения и самоочищения пребывают наши признанные подмастерья (Е. А.); и теоретически на ее прохождение отводится, как вы, вероятно, знаете, немалый срок — семь лет*.

* Продолжительность срока ученичества связана с действующим в природе семеричным принципом. Каждые семь лет происходит полная замена старых материальных частиц,

составляющих человеческое тело, новыми. И если на протяжении всех этих лет человек ведет жизнь чистую, не ест ничего запретного и отгоняет от себя дурные помыслы, его физический организм очищается, утончается и становится в силу этого более эффективным проводником для внутреннего Света. В этом и кроется истинная причина аскетизма: грубые физические ткани должны быть постепенно заменены на более чистые и утонченные.

Во-вторых, претендент должен научиться анализировать, дисциплинировать и контролировать свой внутренний мир: свой разум, мысли, интеллектуальные и психические способности. Этот в высшей степени сложный этап у нас проходят уже признанные Братья (F. C.). На него отводится пять лет, что вместе с предыдущими семью составляет двенадцать. В силу этого о претенденте, должным образом выдержавшем данное испытание, в древности говорили, что его «мистический возраст составляет двенадцать лет» (об этом я расскажу подробнее чуть ниже).

В-третьих, необходимо пройти еще «последнее и главное испытание», которое заключается в подавлении и подчинении собственной, персональной воли, полном искоренении ощущения личной обособленности, дабы мелочная личная воля смогла раствориться в Божественной Вселенской Воле, и иллюзия собственного независимого существования уступила место осознанию принадлежности к единой Жизни, охватывающей всю Вселенную. Только так человек может вознестись от нереального состояния непрестанной борьбы и метафорической смерти к познанию конечной реальности, покоя и вечной жизни. Обрести это знание значит достичь статуса Мастера (M. M.), полностью подчинившего волевому контролю свою низшую природу и развившего в себе качества, необходимые для высшей жизни. О достигшем этой ступени говорят, что его мистический возраст составляет тридцать лет (к этой теме я тоже еще вернусь).

Именно эти три этапа — три задачи, или процесса — представлены в сжатой и драматизированной форме в наших трех ступенях. Каждый масон, проходя через эти этапы, должен церемониально отождествлять себя с тем, что они означают; он также торжественно клянется следовать им на практике в своей дальнейшей жизни. Очевидно, что все эти три задачи чрезвычайно трудны и требуют, чтобы претендент уделял им всё свое время, все мысли и всю свою сконцентрированную энергию. Их нельзя решить простым прохождением через серию церемоний в течение трех последовательных месяцев, поскольку в этом случае претендент, даже исполнив все положенные ритуалы, так и не станет посвященным, но останется тем же, кем и был раньше — невежественным и погруженным во тьму человеком, знающим только то, что его в спешном порядке прогнали сквозь три формальных ритуала, наградив по их завершении величественным титулом Мастера-масона.

Следовательно, мы с полным правом можем заявить, что масонство в его нынешней неразумной трактовке не производит истинных посвящений, да и не может этого сделать, ограничиваясь исполнением формальных ритуалов. Но даже в этих формальностях ревностный масон, неутомимо следующий по пути Света, способен разглядеть четкую схему процесса духовного самосовершенствования, которой он может следовать в дальнейшем, рассчитывая лишь на собственные силы. И если он решается на это, в его руки попадает самый главный ключ к

срединной истине и скрытым тайнам его собственного бытия; и ключ этот — неукротимое стремление отыскать внутренний Свет.

«Этот ключ висит или лежит?» — спрашивается в одном из наших наставлений. Для большинства масонов он лежит. Лежит, ржавея, поскольку им уже давно никто не пользуется. А не пользуются им потому, что наши собратья либо не хотят, либо не могут этого сделать; и нет рядом никого, кто мог бы их этому научить. Но для некоторых, весьма немногих, сей ключ всё еще висит (вы уже знаете, где); и хотя он вовсе не из металла, те, кто после долгих и напряженных поисков (пусть даже несколько сумбурных и нецеленаправленных поначалу) наконец нашел его и сумел им воспользоваться, могут с полным правом рассчитывать на то, что пред ними распахнется дверь, ведущая в Ложу их собственной души; и когда последняя пелена иллюзии спадет с их глаз, возвращая им способность видеть, они встретятся лицом к лицу с Мастером этой Ложы и смогут назвать себя равными Ему.

Поэт, хорошо знакомый с процессом истинного посвящения, описал его следующим образом:

«Вглядись в свое сердце, чтоб ключ отыскать.

С собою возьми только то, что другому не взять...

Когда потеряешь, потерю найдешь;

Умри, и бессмертную жизнь обретешь.

Завеса спадет и с земли, и с небес.

Грядет Апокалипсис! Мертвый воскрес.

Увидел он то, что его ослепило:

Все разом померкло, что видимым было.

Что смертному — зренье, ему — слепота;

Их жизнь — будто смерть; а их свет — темнота.

Закончился поиск...»

Фрэнсис Томпсон. «Mistress of Vision»

Потому что именно тогда (и только тогда) достигается истинное посвящение — в глубинах собственного сердца человек находит утерянное Слово; и подлинные, но временно утраченные секреты нашего бессмертного бытия возвращаются к нам в обмен на наши естественные знания и

способности, которые были даны нам Провидением в этом бренном, вечно меняющемся мире как их тленное, преходящее подобие.

НАЗНАЧЕНИЕ МИСТЕРИЙ

Мы не сможем четко уяснить себе цель и назначение масонства, если не рассмотрим предварительно задачи, которые ставили перед собою другие, более древние системы, чьим преемником является наш масонский Орден. А стремились они прежде всего к облегчению и ускорению духовной эволюции тех, кто желал усовершенствовать собственную природу и ради этого был готов подчиниться правилам жесткой самодисциплины. Таким образом, древние мистерии представляли собой нечто гораздо более серьезное и значительное, нежели просто прохождение кандидата через серию формальных ритуалов, как это делается сейчас. Очевидно, что величественные древние сооружения (хотя бы те из них, что сохранились до сих пор) были воздвигнуты с таким огромным трудом и мастерством не только для театрализованных церемоний — для этого было бы достаточно и тех скромных помещений, что используются сейчас нашей Ложей по вечерам, после бурного, заполненного делами и мирскою суетой дня, для отправления нехитрых формальных ритуалов. Огромный объем литературы и даже сохранившиеся до наших дней иероглифические тексты, посвященные мистериям, свидетельствуют о том, насколько серьезную и нелегкую подготовку должен был пройти кандидат под квалифицированным руководством Учителей, некогда выдержавших те же самые испытания, дабы обрести способность вести за собой новичков. Это была сложная, но точная наука, требовавшая от ученика максимума времени и энергии. Это была самая возвышенная, величественная и священная наука человеческой души и искусство возвращения из естественного состояния назад, в сверхъестественное. Воспоминания об этом великом труде до сих пор живут в наших отзывах о масонстве как о «благородной науке» и «королевском искусстве»; правда, сейчас эти эпитеты уже порядком обесценились, несмотря на то, что каждый новоявленный член Ордена обязан каждодневно совершенствоваться в масонской науке, и каждый, кому доверено место председателя Ложы, должен заслужить титул Мастера искусств и наук.

Однако эта древняя наука доступна лишь тем, кто морально и духовно готов к ее восприятию, а таковыми являются далеко не все. Она предназначена только для тех, кто сам хочет вырваться из моральной и интеллектуальной тьмы, в которую погружено все нормальное человечество, хотя оно об этом даже не подозревает, ибо тьма не может разглядеть свет, пока он сам не проявится внутри человека. Она — для тех, кто ищет путь, истину и сверхъестественную жизнь и готов, отказавшись от суетной погони за «деньгами и презренным металлом», сосредоточить всю свою энергию на развитии высших принципов собственной природы, что возможно только при условии подавления и подчинения всех низменных склонностей.

Эволюцию, признаваемую ныне универсальным процессом в природе, принято считать современным открытием. Но древняя школа Мудрости знала о ней и действовала в соответствии с

этим знанием за много веков до того, как ее снова открыли современные ученые. Ранее признавалось, что во всей Вселенной существует только одна Жизнь — дифференцированная и раздробленная на бесчисленные формы и эволюционирующая в них от простого к сложному. Следуя масонской метафоре, вся природа — это огромная каменоломня и бескрайний лес, из которых индивидуальные жизни извлекаются наподобие камней и бревен, дабы после надлежащей обработки они, уже совершенные и идеально пригнанные друг к другу, составили новый, более возвышенный синтез — величественный храм, достойный называться домом Бога, одним из прототипов которого был знаменитый храм Соломона. Вся жизнь пришла с «Востока» — из великого мира Безграничного Духа, и переместилась на «Запад» — в малый мир конечных форм и воплощений, откуда ей, надлежащим образом очищенной и усовершенствованной в этих суровых условиях, предстоит вернуться опять на «Восток». Поэтому, когда наших признанных Подмастерьев спрашивают во время лекций, откуда они пришли и куда идут, они отвечают, что движутся назад из своей временной обители на Западе к вечному Востоку. Этот ответ перекликается с другим, более полным ответом, который можно отыскать в уцелевших записях древних британских посвященных — валлийских бардов. Вот как они отвечали на тот же самый вопрос:

«Я пришел из Великого мира, где начало мое — в духе. Теперь я в малом мире (в мире формы и тела); здесь пересек я круг борьбы и страданий, и теперь, в конце пути, я — человек. Вначале я не имел ничего, кроме самой способности жить. Но я прошел через все формы тела и жизни и достиг состояния человека, хотя существование мое из века в век становилось все более тяжким и печальным. Я прошел через все живые формы — в воде, на земле и в воздухе. И нет таких лишений, тягот, страданий и зла, которых мне не пришлось бы пережить. Но чистоты и совершенства невозможно достичь, не увидев и не познав всего, а для этого нужно пройти через все страдания. Не бывает настоящей и совершенной любви без того, чтобы она не создавала для своих творений всех условий, необходимых для их обучения, ведущего к совершенству. И потому каждому суждено рано или поздно достичь круга совершенства»*.

* «Барды» — древняя традиция посвященных, принадлежавших к валлийским бардам-друидам. Я лишь немного сократил цитату и слегка приблизил ее лексику к современной.

Как видите, и здесь жизнь представляется раздробленной и разделенной на бесчисленное множество индивидуальных жизней или душ, беспрестанно переходящих из одной телесной формы в другую. (Согласно масонской метафоре, эти индивидуализированные жизни именуются «камнями», поскольку камень или скала есть символ прочности и постоянства; к тому же камень может быть как грубым и бесформенным, так и обтесанным, отполированным и по форме своей совершенным — в зависимости от того, сколько труда было вложено в его обработку.) Сама же телесная оболочка, в которую душа облачается, попадая в наш мир (ее символизирует масон, облаченный в передник), считается непостоянной, преходящей, недолговечной и малозначительной в сравнении с оживляющей ее душой. Но в то же время телесная оболочка весьма важна, поскольку служит точкой опоры или сопротивления, необходимой для развития и

просвещения души. Поэтому мы до сих пор называем ее «гробницей превращения» — могилу, в которую нисходит душа, дабы потрудиться ради собственного спасения, ибо только в теле она может преобразить и усовершенствовать саму себя. Впоследствии душа вознесется снова, но будет уже гораздо сильнее и мудрее, чем раньше, благодаря приобретенному опыту. Таким образом, жизнь рассматривается как бесконечный поток, время от времени облакаемый в ту или иную форму, по мере своего поступательного продвижения вперед, ко всё более возвышенному состоянию: в минеральном царстве это глубокий сон, в царстве растений — полудремотное состояние, у животных — бодрствование и, наконец, достижение морального самоосознания на уровне человека.

Но неужели процесс восхождения на этом заканчивается? Неужели человек в нынешнем его состоянии и есть наивысшая цель и последнее слово эволюции? Разумеется, нет. Как писал один персидский посвященный:

«Я был камнем, но умер и стал растением.

Я умер как растение и стал животным.

Я умер как животное и превратился в человека.

Чего же мне бояться?

Разве от смерти мне был когда-нибудь ущерб?

И как человек я тоже умру, чтобы воспарить

Вместе с блаженными ангелами.

Но и ангелом я буду не вечно,

И стану со временем тем, что ныне не в силах даже представить мой разум!»

Но для того, чтобы эта эволюция от простого к сложному действительно имела место, необходима некая сила, изначально заложенная во всех живых организмах и побуждающая их развиваться. Не бывает эволюции без инволюции. Зерно не смогло бы дать всходов, если бы в нем не была заложена сила, превращающая его в прекрасное растение — с листьями, цветами и плодами. Желудь потенциально заключает в себе все качества будущего дуба; в нехитром содержимом птичьего яйца может быть спрятан либо прекрасный лебедь, либо нежная песня жаворонка. Поместите их в надлежащие условия, и скрытая в них жизненная сила выйдет из латентного состояния и естественным образом разовьется до заранее предназначенного ей предела. К тому же рост можно ускорить искусственно, благодаря интенсивному культивированию.

А что же человек? В нем тоже заключена жизненная сила, «бессмертный жизненный принцип», как называет его масонство, хотя он еще не развит в полной мере, а у многих людей и вовсе почти

парализован. Человек тоже обладает способностью эволюционировать от смертного животного к бессмертному, сверхчеловеческому, богоподобному существу. Он тоже движется к той отдаленной божественной цели, к которой медленно, но верно приближается вся природа. Но не слишком ли медленно?! И как часто он сам задерживает собственное развитие, потакая прихотям своего грубого смертного тела и низменным страстям, вместо того чтобы подавлять и сдерживать их, развивая лишь высшие принципы, всё еще пребывающие в латентном состоянии! Более того, принято считать, что человеческая природа не меняется вовсе: ее слабости и пороки — всё те же, что и тысячи лет тому назад; так что, оглядываясь назад, невозможно разглядеть практически никаких изменений в массовом сознании, невзирая на все наши хвастливые разглагольствования о прогрессе и цивилизации.

Так нельзя ли ускорить сей неспешный процесс человеческой эволюции? Существует ли какой-нибудь метод, так сказать, «интенсивного культивирования человека», способный сравнительно быстро очистить и возвысить его над нынешним уровнем, превратив чувственное, погруженное во тьму невежества человеко-животное в просветленное богоподобное существо?

Древние мистерии давали на этот вопрос следующий ответ:

«Да, существует. Человеческую эволюцию можно ускорить; и, хотя сейчас реализовать это в массовом масштабе невозможно, для отдельных подготовленных личностей подобное ускорение вполне достижимо. Человеческую природу можно изменить к лучшему путем интенсивного очищения и посвячительных процессов. Существует царственная наука духовного совершенствования и искусство праведной жизни, с помощью которых можно освободить дремлющий в человеке и пока еще не развитый Божественный Жизненный Принцип от скрывающей его мрачной завесы и заставить его воссиять во всей своей красе. Достойному приобщиться к духовной науке кандидату достаточно лишь принести необходимые для этого жертвы и подчинить свою жизнь особым дисциплинарным правилам, и тогда уже в нынешней жизни он сможет вознестись из тьмы к Свету. Он достигнет таких высот, о которых не мог бы даже мечтать при иных обстоятельствах, и приобретет способность помогать другим людям эволюционировать до того же уровня, закладывая тем самым основу постепенного духовного роста всего рода человеческого».

Следовательно, назначение древних мистерий состояло в «совершенствовании» и «посвящении» человека в более возвышенную жизнь, в преобразовании несовершенных существ в целостные и совершенные, путем максимального развития их потенциальных эволюционных возможностей. Неслучайно обозначающий этот процесс греческий термин *teleios* имеет два возможных значения: «делать совершенным» и «посвящать». Он часто встречается в Священном Писании — величайшей из всех существующих ныне книг о науке посвящения. Там говорится, например, о «только что достигшем совершенства»: «Будь совершен, как Отец твой небесный»; «Мы говорим слова мудрости (науки посвящения) тем, кто совершен (посвящен)» и так далее. И этот труд самосовершенствования одинаково доступен (подобно нынешнему масонству) всем людям — представителям всех рас, языков и религий. Ибо все люди — братья, и все имеют одинаковые

права на совершенствование своей жизни, хотя, конечно же, для каждого момент посвящения наступит в свое, определенное время. Все религии, таким образом, следует рассматривать как лучи, исходящие из единого круга и освещающие людям путь от поверхностной, «периферийной» жизни к самому ее центру, где расположен источник Света.

Требования к претендентам на приобщение к мистериям в точности совпадали с теми, что ныне выдвигает масонство. Господствующее место в сердце соискателя должно занимать жгучее желание отринуть свою естественную слепоту и увидеть внутренний Свет, коренным образом преобразив свою прежнюю несовершенную природу. В качестве иллюстрации к этому тезису процитирую одну из самых древних в мире молитв, до сих пор повторяемую на Востоке теми, кто ищет подлинного посвящения. В своем оригинальном, санскритском варианте она состоит всего лишь из шести слов, а в переводе может быть передана примерно следующим образом:

«От нереального уведи меня к Реальному!

Из тьмы выведи меня к Свету!

Из смертного сделай меня Бессмертным!»

В этих словах выражено страстное желание, которое должно быть не только на устах, но и в сердце каждого претендента во всем мире, независимо от того, к какой именно системе посвящения он желал бы приобщиться. И пока это желание не станет самым настоятельным требованием человеческой души, истинное посвящение невозможно, да и сам кандидат еще не готов к тому, чтобы настаивать на нем. Не может рассчитывать на приобщение к сверхъестественному Свету и на достижение возвышенного состояния просветленной души тот, кого устраивает его нынешняя жизнь, кто не считает себя невежественным, но мнит уже просветленным или признает реальной жизнью свое смертное существование. Ведь только осознав иллюзорность и непостоянство нашего мира и его ценностей, человек может начать освобождаться — в своих желаниях и помыслах — от власти «денег и презренного металла». Если же этого до сих пор не произошло и сохраняется еще хоть какая-то «привязанность к миру», Свет по-прежнему остается скрытым за ее завесой, откладывая посвящение «до лучших времен». Причем под «привязанностью к миру» подразумеваются не только деньги или какие-то иные материальные блага. В это определение следует включить абсолютно всё, что цепко держит нас, не позволяя вырваться из пут внешнего мира: наши интеллектуальные навыки, наши идеи и предубеждения насчет истины, ментальные привычки и упрямство, которые мы успели приобрести (пусть даже из самых благородных побуждений) за время своего пребывания во тьме. Всё это составляет наши «мирские приобретения», но сии приобретения — вовсе не подлинное Богатство, а только путы, препятствующие освобождению. Парадоксально, но факт: для того чтобы «приобрести», мы действительно должны «потерять». Если мы хотим найти Свет не только на словах, но и на деле, мы должны отринуть все, чему научила нас тьма. Претендент на посвящение в мистерию должен стоять у двери, искренне признавая себя заблудшим и невежественным, готовым уподобиться ребенку и полностью подчинить себя новым условиям и правилам жизни. Немногие готовы к подобному акту саморазоблачения и отречения от всего, к чему они, будучи уже состоявшимися в привычном им мире людьми, успели прикипеть и разумом, и сердцем.

Многие ли из тех, кто уже пообещал принести подобную жертву во время церемоний, готовы реализовать свои обещания на практике? Если бы им правдиво описали путь, ведущий к истинному посвящению, они, пожалуй, повернули бы вспять, обливаясь слезами, ибо «приобретения» их велики, а они еще не готовы променять их на неосязаемую и потому сомнительную награду.

В таком же широком смысле следует трактовать и требование достижения претендентом «полного освобождения». Это освобождение должно быть скорее нравственным, нежели социальным, и заключаться в добровольном служении намеченной цели и преодолении всех привязанностей, мешающих ее достижению. Следует сосредоточиться исключительно на приобщении к всемирному Братству посвященных, оставив все менее значительные мирские связи. Посвящаемый должен достичь того возраста, когда его физические и умственные качества достигнут полного расцвета, дабы он смог выдержать предстоящие ему испытания. Но для достижения наивысших стадий человеческой эволюции необходима не только физическая, но и духовная зрелость (чем может похвастать далеко не каждый). Зрелые суждения, зрелый интеллект и достигшее зрелости тело нужны еще и потому, что во время посвящения психика и разум человека подвергаются значительным нагрузкам, которые ментально неподготовленного соискателя могут привести даже к сумасшествию. Высоконравственный образ жизни (или целомудрие) тоже является обязательным условием, поскольку процесс превращения включает в себя физиологические изменения в организме, требующие строгого воздержания и предельной чистоты.

И еще одно условие: претендент должен обладать доброю славою. Это означает не столько безупречную репутацию, сколько то, что посвященные подвергают его предварительной проверке, дабы убедиться, что он духовно восприимчив к предлагаемым ему новым идеалам и обладает «правильным звуком» — то есть отражает звук надлежащим образом, подобно монете, которую проверяют на подлинность, постукивая по ней. В древнеегипетских ритуалах, замечательно описанных в «Книге мертвых», часто встречается эпитет посвященного — «обладающий правильным голосом». Это то же самое, что и наше масонское определение «обладатель хорошего отзыва». Не следует воспринимать это качество просто как неспособность кандидата к вероломству и лицемерию, тем более что сии пороки не нуждаются в словах и голос здесь совершенно ни при чем. Дело здесь в другом: голос человека должен отражать присущую его обладателю духовность, ибо Божественное Слово неизменно окрашивает речь в определенные неподражаемые тона. Голосовой и сердечный нервные центры (или «горловой» и «грудной», как мы их называем) физиологически тесно связаны друг с другом. Чистота сердца или отсутствие оной влияют не только на моральную силу речи, но и на самую ее тональность. Голос истинно посвященного или святого всегда отмечен особым очарованием, музыкальностью, выразительностью и искренностью, которых не встретишь у других людей, ибо только посвященный обладает «правильным голосом» и «доброю славою».

По правилам древних мистерий (в некоторых системах это правило сохраняется до сих пор) претендент должен пройти двенадцатилетний подготовительный курс, прежде чем будет допущен к последнему великому духовному испытанию, которое откроет ему внутренний Свет и

возведет его в ранг Мастера (хотя и не достигшего еще наивысшей степени посвященности). В результате непрерывных очистительных трудов человек обретает просветление, и тогда о нем говорят, что его мистический возраст составляет двенадцать лет. Из бесформенного булыжника он уже превращается в отполированный камень идеальной формы, достойный стать материалом для постройки «святого города», который, как мы знаем, «расположен четверугольником» и имеет двенадцать всегда открытых врат. Все органы просветленного теперь уравновешены и гармоничны, и все его двенадцать врат (или каналов, позволяющих ему воспринимать Божественный мир) открыты настезь, ибо тьма, порожденная прошлым невежеством, отлетела, и истинный Свет свободно проникает через них. В масонстве это состояние называется «наивысшим двенадцатым часом»; и тот, кто его достигнет, сможет, подобно Хираму Абиффу, непрерывно общаться с Наивысшим и непрестанно поклоняться ему.

Когда же посвящаемый достигает высшей степени развития своего мастерства, о нем говорят уже как о «тридцатилетнем». Упоминание этих мистических возрастов можно обнаружить в третьем Евангелии, где говорится (Лука, II: 42) о том, как Великий Пример поразил своею мудростью высокообразованных, но непросветленных ученых Храма; а также о том (Лука, III: 23), что Он, «начиная свое служение, был лет тридцати», после чего на протяжении трех лет проповедовал, как может проповедовать только настоящий Мастер. Опять же согласно мистериям, тридцать три года составляли мистическую продолжительность жизни каждого посвященного, достигшего звания Мастера.

Этот символический период никоим образом не связан с действительным физическим возрастом; на самом деле он основан на соображениях, в которые нам сейчас нет нужды вдаваться; достаточно понимать, что он сопряжен с завершением человеческой эволюции, когда о странствиях души уже можно сказать, что «они закончились» и что человек «исполнил предписанное тем, что сделало его человеком». Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что древний признанный ритуал шотландского масонства состоит из тридцати трех ступеней. Таким образом в нем была увековечена древняя тайная традиция.

Разглашать подробности метода, применявшегося и в древности и поныне для приобщения надлежащим образом подготовленного кандидата к внутреннему Свету, запрещено; равным же образом запрещено говорить и о тех изменениях, которые производит в человеке данное приобщение; всё это суть вещи, на которых лежит печать молчания. Тайны истинного посвящения нельзя передавать иначе, как в ходе его практического осуществления. В масонстве о них не говорят вовсе. Наше учение называет их «глубокими, торжественными и грозными» и не сообщает о них более ничего, предлагая взамен лишь упрощенные символические описания, имеющие исключительно церемониальный характер. Их единственная ценность состоит в том, что они служат нам напоминанием о подлинных тайнах посвящения, в которые при наличии благоприятных обстоятельств может проникнуть каждый достаточно подготовленный Брат; для всех же прочих сии тайны остаются недоступными. И то, как скоро человеку будет позволено приобщиться к ним, целиком зависит от его собственного желания и усилий. Согласно древнему научному принципу, «когда ученик будет готов, Мастер не заставит себя долго ждать» и тут же предложит ему свою помощь. А наше учение и вовсе предписывает масону найти себе Мастера,

который помог бы ему примером и наставлением. Искренний масонский ученик, чье сердце и мысли сосредоточены исключительно на поиске Света, с полным правом может рассчитывать на то, что рано или поздно на него обратит внимание истинный посвященный, который придет ему на помощь и откроет ровно столько тайн, сколько этот ученик в состоянии воспринять.

Истинные посвященные существовали во все времена и существуют поныне, как в этой стране, так и во многих других, поскольку наша наука не ограничивается какой-либо одной нацией или религией, но распространена по всему миру. Разумеется, таких посвященных немного, и встретить их может лишь тот, кто к этому готов. Их подлинная жизнь скрыта от людских глаз; они живут в мире, но сами — не от мира сего. Они никогда не ищут славы и признания и никому не говорят, что они — посвященные. Поэтому подлинному масонству также присущи требования секретности и смирения — величайшие из людей согласны казаться малейшими. Оттого-то мир и не подозревает, чем он обязан этим скрытым посвященным.

О них я мог бы рассказать немало интересного, но объем книги позволяет мне привести лишь один пример, на котором я решил остановиться, поскольку он наглядно иллюстрирует универсальный характер нашей науки — ведь речь в нем идет о человеке другой нации, цвета кожи и вероисповедания.

Разумеется, некоторые подробности я не имею права разглашать и потому скажу кратко: в некоем отдаленном уголке нашей империи живет человек, которого с полным правом можно было бы назвать Мастером-масоном. Много лет назад он решил посвятить себя великому поиску и в конце концов, после должной подготовки и под руководством другого Мастера, приобрел тот бесценный духовный опыт, который изменил всю его природу и перенес его, окончательно и бесповоротно, из тьмы к Свету. Читателю, возможно, будет небезынтересно узнать, чем заполнена жизнь сего человека, тем более, что она в точности соответствует правилу нашего символического рабочего инструмента — 24-дюймового лекала, обозначающего сутки, разделенные на 24 часа. Каждый день, как минимум на два часа, он полностью устраняется от всех мирских дел и внешних влияний, «охраняя» свою дверь от их возможных вторжений и открывая взамен двери Ложи собственной души, дабы проникнуть в самые глубины ее, ради благословенного, экстатического общения с Наивысшим. Это и есть его «наивысший двенадцатый час». Еще два часа он тратит на сон; этот краткий отдых и минимум простой пищи — всё, что необходимо ему для восстановления и поддержания своей телесной энергии, поскольку неизмеримо большие силы он черпает из сверхъестественного мира, а хлеб насущный находит в самом себе. Остальные двадцать часов он посвящает неустанным трудам на благо своих соотечественников и духовному просвещению тех, кто вверил себя его руководству. Так что его вряд ли можно сравнить с отшельником, ведущим праздную жизнь где-нибудь в келье или в лесу. Напротив, он — весьма известная личность, королевский адвокат, генеральный атторней большой провинции, ученый с английским образованием, говорящий на нескольких языках, а также автор нескольких серьезных книг, возведенный в дворянское звание за свои заслуги перед обществом. Я спрашивал британских правительственных чиновников, проработавших рядом с ним несколько лет, не замечали ли они за ним каких-нибудь странностей. И оказалось, что никто из них не обнаружил ровным счетом ничего необычного: настолько надежно его удивительные духовные

способности были скрыты за самой неприметной внешностью. Однако он является одним из тех, кто отыскал Божественный центр собственного бытия — тот центр, которого неуклонно придерживается настоящий Мастер-масон, и потому его мудрость и способности превосходят даже самое смелое воображение непосвященного человека.

ИДЕАЛЬНАЯ ЛОЖА

Полагаю, Братья мои, что из всего, что уже было сказано о древней и царственной науке, вы сами сможете заключить, насколько прилежно наш Орден поддерживает память о старой как мир системе возведения человека на высшую ступень жизни, намного превышающую его нынешний обычный уровень. Но в то же время вы можете заметить, насколько слабо у нас развито понимание того, что мы делаем, равно как и система практического осуществления собственных идей.

Как долго ещё мы намерены довольствоваться номинальным званием масонов и ограничиваться исключительно филантропической деятельностью? Если это всё, что нам нужно, то чем мы, масоны, отличаемся от всех прочих не-масонов? Или же мы хотим, чтобы наш Орден полностью соответствовал своей изначальной цели и снова стал системой истинного посвящения, способствующей пробуждению в своих приверженцах потенциальных духовных способностей и достижению ими более высокого уровня жизни? Если да, то мы должны постараться глубже проникнуть в суть масонских учений.

А теперь позвольте мне представить, как могла бы выглядеть наша деятельность, если придать ей дополнительный интеллектуальный импульс. Конечно, не следует ожидать, что прежний стереотип работы сразу же удастся изменить и что мы немедленно начнем пожинать зримые и обильные плоды своих преобразований. Напротив, нам следует настроиться на сопротивление тех, кто всегда неохотно воспринимает любые новшества и вполне доволен нынешним положением вещей. К тому же подобные нововведения не могут быть навязаны силой; они должны стать насущной потребностью каждого, а в противном случае никакой пользы они не принесут. Но я знаю, что многие Братья и многие Ложы уже давно и искренне стремятся к ним; а потому позвольте мне нарисовать примерную картину идеальной Ложы, и тогда уже судите сами, насколько реалистичны наши попытки приблизиться к этому идеалу.

Прежде всего, масонские собрания должны посвящаться самой главной, как следует из нашего учения, цели Ордена, а именно — беседам о мистериях и разъяснению их сути. Сейчас это не делается нигде, и основная тому причина — отсутствие компетентных инструкторов. Мы полагаем, что наши побочные лекции дают нам вполне достаточную пищу для размышлений. Однако это не так. Если масоны действительно хотят в полной мере овладеть своей наукой, они не должны ограничиваться лишь механическим запоминанием предлагаемых им научных текстов,

тем более что наши официальные лекции изобилуют намеренно завуалированными истинами, предназначенными для самостоятельного проникновения в их глубинный смысл, а это в настоящее время не удастся практически никому.

Настоящая Ложа должна быть храмом молчания и размышлений, прерываемых лишь церемониальными речами или мудрыми и полезными наставлениями, которые со времен глубокой древности передавали людям истинные Мастера. И чем выше уровень просвещенности членов Ложы, тем полнее и торжественнее должна ощущаться в ней неуместность всяких суетных мыслей и желаний, вытесняемых близостью внутреннего Света, обретение коего является, согласно нашим утверждениям, самым сокровенным нашим желанием.

В случае выполнения указанных условий каждое собрание Ложы станет важным высокодуховным событием, и ни одному из ее членов не придет в голову нарушить столь тонкую гармонию посторонними мыслями или разговорами. Никто не станет пропускать такие собрания без уважительной причины. А если подобное всё-таки случится, то означать будет только одно: не всякий наш Брат, коему было доверено носить передник (в буквальном смысле), уже сегодня готов облечь свой разум и стремления в подобающее нашей Ложе одеяние. По окончании такого собрания каждый будет с сожалением возвращаться к суете и хлопотам внешнего мира, расставаясь на время с только что испытанным ощущением мира и покоя.

Прием нового кандидата должен стать сравнительно редким событием, поскольку ни один претендент не будет допускаться в Орден без самой серьезной проверки, позволяющей убедиться в искренности его стремления к масонскому знанию и в его способности изучать тайную науку. Присвоение различных степеней тоже будет происходить гораздо реже, нежели это обычно делается, дабы у человека была возможность как следует усвоить и осмыслить уже полученные знания; замечу, что сейчас на это не обращается ровным счетом никакого внимания. На церемонии присвоения очередной степени также будут присутствовать члены Ложы, но уже не в качестве пассивных зрителей, наблюдающих за ходом ритуала. Пройдя соответствующую подготовку, они смогут стать активными, хотя и безмолвными, участниками действия, придавая произносимым словам дополнительную силу совокупной энергией своих мыслей и стремлений. Если все участники церемониала будут мыслить в унисон, это создаст такую плотную и заряженную атмосферу, что шансы на благополучное его завершение, заключающееся в прочном и долговечном возведении сознания кандидата на более высокую ступень, многократно увеличатся. Ибо действенность ритуалов, подобных нашим, зависит не только от осуществляющего их Мастера. Действующей силой здесь являются все собравшиеся, а Мастер лишь концентрирует вырабатываемую ими духовную энергию и направляет ее на новоявленного Брата, вызывая у него ощущение причастности к сему благотворному энергетическому потоку. В коллективной мысли и коллективном желании заключена великая сила; и когда они сфокусированы на кандидате, ум и сердце которого готовы к восприятию нашего посвящения, есть все основания надеяться на то, что ему удастся достичь подлинного духовного роста. В противном же случае дело ограничится простым выслушиванием формальных «заклинаний».

Кроме того, мы уже вряд ли когда-нибудь услышим слова вроде того, что «Ложя делает определенные успехи», либо персональные похвалы в адрес того, кто «неплохо выполняет свои обязанности». Делает ли наша Ложя успехи в плане духовной эволюции или нет — это ведомо одному лишь Богу, коему мы и должны возносить свои похвалы в случае, если нам действительно удастся сделать что-либо полезное. А единственным критерием успешной работы Ложы является, пожалуй, только ее способность эффективно влиять на образ жизни тех, кто в нее вступает, ее трансформирующее воздействие на их ментальный и моральный облик.

Помещение Ложы должно стать святым местом — Храмом, посвященным масонской работе и предназначенным исключительно для этой цели, ибо оно символизирует Храм человеческой индивидуальности. И мы — проповедующие необходимость изгнания всяких мыслей о деньгах и презренном металле как обязательное условие для достижения подлинного посвящения и унаследовавшие от предков важное предание о Мастере, который бичом прогнал из храма всех торговцев, — я уверен, без особого труда пойдем, почему нам следует заботиться о чистоте и святости нашего символического Храма, не допуская его использования в каких-либо посторонних целях. Это правило имеет очевидный практический смысл, так как, если помещение постоянно служит одной и той же цели, атмосфера в нем пропитывается и заряжается определенными мыслями и идеями, беспрестанно создаваемыми людьми, которые здесь бывают. Возникает своего рода устойчивая атмосфера духовности, благотворно влияющая на всякого входящего и в значительной мере повышающая эффективность посвящений, производимых в этом Храме. И наоборот: неупорядоченное использование помещения оскверняет его атмосферу, нейтрализуя ее духовное влияние.

Посещение других Лож будет преследовать уже не просто организационные цели; как и в древние времена, основной задачей станет обмен знаниями и опытом, распространение духовных достижений или даже духовная и моральная поддержка тех Лож, которые в ней нуждаются. Нет практики более полезной, нежели взаимодействие между Ложями, объединенными общей целью; и нет права более священного, нежели право ищущего Свет рассчитывать на гостеприимство и помощь своих коллег, где бы они ни находились. Нынешняя практика массовых посещений лишь отвлекает от полезной работы, которой нам надлежит заниматься, и напоминает скорее грустную пародию на издавна существовавшую привилегию, позволявшую представителю одной школы мистерий посещать другие такие же школы (зачастую находившиеся довольно далеко, порою даже в чужой стране) с целью расширить свои познания или же, напротив, поделиться ими.

Назначение на должности не должно зависеть ни от очередности, ни от стажа членства в Ордене, ни тем более от социального статуса во внешнем мире. Единственным критерием должна быть духовная опытность — способность вести коллег к истинному просветлению и должным образом направлять работу Братства. Мелкая зависть и скрытая досада, которые нередко можно наблюдать во время ежегодных назначений, исчезнут вовсе, ибо они продиктованы всё тем же презренным металлом, присущим самой человеческой природе, хотя каждому, кто предлагает свою кандидатуру на какую-нибудь должность, следует заблаговременно от него избавиться. Если бы мы в полной мере представляли себе всю серьезность посвящений, то скорее смиренно

отказывались бы от предлагаемых нам должностей, вместо того чтобы стремиться к ним, как сейчас. Нельзя забывать, что после того, как человек уходит из внешнего мира и пересекает порог Ложы, его система ценностей коренным образом меняется, поскольку изменяется его отношение к собственной личности; точнее сказать, ощущение таковой исчезает полностью. Отныне человек трудится не ради достижения какой-то персональной цели, но принимает участие в общем, коллективном труде Братьев перед лицом Бога, для которого все люди равны и который сам решает, кто из них наиболее достоин стать проводником Его воли. А потому — «пусть наибольший среди вас выглядит как наименьший»; ведь часто бывает так, что самый незначительный с виду человек на поверку оказывается самым полезным работником.

Я понимаю, что всё это пока лишь возвышенный идеал, которому суждено еще долгое время оставаться недостижимым; и потому мне меньше всего хотелось бы преждевременным установлением чрезмерно высоких стандартов, заведомо превосходящих возможности и интересы многих наших Братьев, отвратить их от посильного участия в работе Ордена. Но в то же время те наши Братья, которым сии идеалы уже достаточно близки и не кажутся чересчур отвлеченными и недостижимыми, могли бы проводить собственные собрания, а то и создавать свои собственные малые Ложы, работающие по особой, усложненной программе, в то время как прочие Ложы будут придерживаться традиционных методов работы.

Разве само масонство не является возвышенным идеалом, достижение коего, к сожалению, перестало быть для нас в последнее время первоочередной задачей? И самая существенная трудность, препятствующая нашему приближению к этому идеалу, состоит в том, что предписываемая Орденом работа требует гораздо большей отрешенности от внешнего мира, чем мы того хотели бы или, возможно, могли бы себе позволить. Поэтому мы и пытаемся найти компромисс сами с собою, дабы как-то совместить жизнь во внешнем мире со служением идеалам Ордена. Но эти два понятия несовместимы, и человек не может быть слугою сразу двух господ. Мы должны выбрать, кому служить.

Идеал нам известен — он мерцает впереди, как яркая искорка посреди погруженного во мрак, обезумевшего и умирающего мира; и только от нас зависит, останется ли он и далее всего лишь маленькой искоркой, или же мы сможем раздуть его в настоящее пламя, реальность которого уже не будет вызывать сомнений. Для тех, кому нужны лишь общественная организация да дружеское общение, приправленное некоторой толикой живописного церемониала, масонство так и останется экстравагантным развлечением и средством хоть как-то выделиться из общей массы людей. Для них масонство было и остается обычной формальностью, и им никогда не понять его истинного значения, цели и огромных возможностей.

Но для тех, кого не устраивает суета нереального мира, кто ищет не внешнего блеска, но живого духа, кто стремится познать все его тайны, не оставив ни одной неразгаданной, масонство может стать (и для некоторых уже стало) самым главным делом и благословением всей жизни, путеводной звездой, ведущей к познанию ее наивысшего смысла. С помощью масонского учения они могут осуществить древнюю молитву восточных посвященных, упомянутую мною выше, и

тогда нереальное сменится для них высшею реальностью, тьма — невыразимым Светом, а бренное, смертное существование — бессмертием. Массонство послужит им лестницей, ведущей к истине, прочь от мира, где царит мерзость запустения; а Ложа их станет местом нового рождения, так что они воскликнут вместе с иудейским патриархом: «Это не что иное, как дом Божий, это врата небесные!»

Часть вторая

СВЕТ НА ПУТИ

«По круглым лестницам всходили в средний ярус, а от среднего в третий».

3-я Кн. Царств

«Неужели все время лишь в гору вести меня будет дорога?»

Да, мой друг, вверх по склону петляет она.

«Путь длиной в один день я смогу одолеть побыстрее немного?»

Нет, мой друг, хорошо бы успеть дотемна.

«Ну а если же ночь меня в дальней дороге застанет,

Где смогу я пристанище в месте безлюдном найти?

Не собьюсь ли с пути, когда солнце светить перестанет?»

Нет, мой друг, мимо этого Дома тебе не пройти.

Кристина Россетти

В предыдущей главе мы говорили о переходе из тьмы к Свету, доступному для тех, кто искренне стремится к восстановлению своего изначального бытия и к возведению его, с помощью науки и методики посвящений, на более высокий, сверхъестественный уровень.

Не приходится сомневаться в том, что переход этот должен быть постепенным; и хотя он может быть драматически представлен в форме церемониального прохождения через три символические ступени, что можно осуществить в течение трех последовательных месяцев, на постижение подлинного смысла этих ступеней может уйти целая жизнь, а зачастую и больше одной жизни. Ученик, вступивший на путь возрождения собственной души, должен многое изучить и сделать, прежде чем станет настоящим Каменщиком, а Каменщику, в свою очередь, тоже придется пройти немалый путь, прежде чем он сможет рассчитывать на достижение статуса Мастера. Самопревращение — тяжелая работа, которая никогда не делается «вдруг» или второпях; поэтому наряду с часами напряженного труда человеку требуется также время для отдыха и восстановления сил — в надлежащий момент он сам почувствует, когда ему следует сменить одно на другое. Необходимо постичь многие тайны собственной природы и принципы интеллектуальной науки, что невозможно сделать в одночасье — для этого требуются практика и терпение. Речь идет о возведении внушительной и совершенной во всех ее частях надстройки, а это — процесс намного более трудоемкий, нежели может показаться на первый взгляд, сопряженный с многочисленными проверками и тестами испытательного характера.

Некая толика Света — своего рода первый мимолетный взгляд на Землю Обетованную — может на мгновение открыться достаточно подготовленному для этого претенденту в самом начале пути, но при этом ему ни в коем случае не следует думать, что он уже полностью приобщился к Свету и останется в нем навсегда. В данном случае завеса с прежнего, затуманенного зрения спадает лишь на мгновение, дабы претендент смог представить разницу между своей нынешней беспомощностью и лежащей перед ним высокой целью.

Вот почему я решил назвать эту главу своей книги «Свет на Пути» и посвятить ее рассмотрению тех вопросов, которые предстоит решить каждому претенденту в промежутке между первым кратковременным прозрением и окончательным приобщением к Свету. И только в последующей главе речь пойдет о Свете, сияющем в полную силу. К уже сделанным комментариям по поводу сути масонского учения я постараюсь добавить новые истолкования некоторых масонских символов и ритуалов, в формальном, экзотерическом плане давно и хорошо знакомых каждому масону, но в действительности понятных лишь очень немногим.

Вопросы, рассмотренные в данной главе, предназначены не только для индивидуального осмысления членами Ордена, но также и для возможного использования в качестве объектов для коллективных медитаций Братьев в открытых Ложках или в Ложках Наставления; ибо каждому, кто стремится к истинному посвящению, медитация необходима как средство, открывающее разуму окно, сквозь которое проникает Свет из глубин заключенного в нем самом высшего, духовного принципа. В Храме Соломона сей Свет символизировало маленькое слуховое окошко*, через которое солнечные лучи проникали внутрь, озаряя путь тем, кто поднимался вверх по спиральной

лестнице, что вела в срединную комнату, соединенную далее с центральным святилищем, где Свет сиял уже в полную силу.

* В монашеских Орденах эквивалентом этого окошка является тонзура — выбритая макушка головы священника, символически свидетельствующая о том, что разум ее носителя открыт для нисхождения в него Света.

Медитативная практика — как индивидуальная, так и коллективная — помимо всего прочего, способствует также достижению уравновешенного, контролируемого состояния обычно беспокойного и рассеянного ума, что необходимо для постижения глубинной истины. Древние Ложи, как нам говорили, имели обыкновение собираться как на самых высоких горах, так и в самых низких долинах; а в одной старой наставительной лекции поясняется, что эти слова следует воспринимать метафорически и что на самом деле они характеризуют не место сбора Ложи, но скорее духовное и ментальное состояние ее участников. «Собрание в долине» означало пребывание в намеренно вызванном состоянии пассивности и покоя, когда умы Братьев были целиком подчинены размышлениям об их общем деле; при этом они, будучи «ведомыми вдоль неподвижных вод», сами уподоблялись ровной и прозрачной поверхности озера, чистому и ясному зеркалу, достоверно отражающему лучи света и истины, время от времени падающие на него сверху. «Собрание на горах», напротив, подразумевало активную работу Ложи, результаты которой проявляются на сверхфизических уровнях — на «горах» духа, поскольку именно здесь происходит подлинное (а не формальное церемониальное) посвящение.

В жизни Каменщика должно быть время и для работы и для отдыха, поскольку напряженный труд требует периодического восстановления сил; следовательно, отдых — тоже немаловажный этап, коим нельзя пренебрегать. По причине несовершенства распространенной ныне концепции масонства, современные Ложи используют исключительно активные и деятельные методы, воспринятые из внешнего мира, чего, конечно же, явно недостаточно; а потому существующий порядок должен быть изменен. Современные масоны чрезмерно увлечены активной деятельностью, но практически не уделяют внимания не менее важному, пассивному аспекту обучения. В силу этого каждой Ложке, действительно желающей приобщиться к истинному масонскому учению, можно порекомендовать ввести у себя в высшей степени полезную практику коллективных размышлений над теми или иными постулатами и символами масонства. Неплохо было бы посвящать этой цели отдельные собрания, в ходе которых по завершении дискуссии, не выходящей за рамки необходимого и конструктивного обмена опытом, члены Ложи могли бы спокойно и сосредоточенно поразмышлять о смысле переданных им символов и учений.

Тем, кто твердо решил преодолеть подъем по спиральной лестнице, будет небезынтересно ознакомиться с некоторыми пояснениями, которые, возможно, окажутся для них теми самыми лучами, что, пробиваясь сквозь маленькое окно, освещают идущим путь наверх. Разумеется, это будет всего лишь краткий и упрощенный обзор некоторых важнейших научных вопросов,

требующих, в силу своей многоплановости, самого серьезного и углубленного изучения, в чем сможет убедиться каждый, кто пожелает ближе ознакомиться с ними. Так пусть же мои слова послужат хотя бы слабой искоркой, способной вырвать из мрака несколько ступеней спиральной лестницы, ведущей человека в его собственную срединную комнату, достигнув коей он сможет проникнуть затем в последнее центральное святилище, где Свет, заключающий в себе цель его нелегкого восхождения, сияет во всей своей славе.

«ПОЗНАНИЕ СЕБЯ»

Полагаю, в свое время было уже достаточно убедительно доказано, что структура и обстановка Ложы глубоко символичны, что Ложа являет собою отражение как всей вселенной, так и самого человека — микрокосма, который с полным правом может быть назван «вселенной в миниатюре», и что она в точности воспроизводит сложное строение человека — с его небесами и землей (духовной и материальной природой) и всем, что находится между ними.

Размышляя над этой сложной системой, масон, таким образом, как бы учится смотреть на себя со стороны и в результате получает первый урок самоосознания, достигнув которого, мы, как нам обещают, сможем обрести понимание природы всех вещей. «Познай себя» — именно этот призыв, насколько нам известно, был начертан над воротами древних храмов посвящений, поскольку самоосознание было их основной целью и предназначением. Масонство увековечило этот принцип, назвав самопознание «наиболее интересным предметом человеческого изучения». Поистине, это самое немногословное и самое мудрое из всех наставлений, хотя и несколько позабытое сегодня. А для его практического осуществления необходимо действовать в соответствии с древней наукой, сосредоточив всю свою энергию на достижении намеченной цели.

Прежде всего, требуется развить в себе способность к глубочайшему самоанализу и научиться отличать то, что в нас является реальным и вечным, от всего прочего — нереального и преходящего. Точно так же, как желающие постичь тайны мистерий не могли этого сделать, не войдя в храм, не усвоив его уроков, не подчинившись предписанным правилам самодисциплины и не пройдя через все положенные посвящения, так и к самоосознанию невозможно прийти, не углубившись в самого себя и не научившись отличать истинное от ложного, реальное от нереального, презренный металл от чистого золота, причем первый следует постепенно облагородить, доведя до уровня последнего, отбросив все ненужное и незначительное. Неслучайно само слово «инициация» — сиречь посвящение — изначально происходит от латинского *in ire*, что означает — «входить внутрь». Но потом, после овладения искусством самоанализа, необходимо полностью изменить свои представления о жизни, равно как и самую жизнь, положив ей, таким образом, новое начало (*initium*). То же самое установление повторяется в 43-м Псалме: «Introibo ad altare Dei» («Войду в алтарь Божий»). Аналогичным образом

масонское посвящение предусматривает вхождение в себя, в самый центр своего существа, ибо там находится алтарь — Божественный принцип, первоначальная скрытая основа нашего бытия.

Знать анатомию и физиологию бренного тела еще не значит знать себя. Физическое тело человека составляет его преходящую, внешнюю оболочку — не более чем тень и прах, мимолетное порождение действующих в нем жизненных сил, далекое как от вечности, так и от реальности.

Знание природы и механизма действия разума, чувств и эмоций — безусловно полезно и необходимо, но и его нельзя отождествлять с самопознанием, так как и эти атрибуты многопланового человеческого существа не являются вечными, в силу чего их тоже следует рассматривать как нереальные аспекты еще более глубокой, истинной индивидуальности.

Личности, которые мы являем физическому миру, не следует считать реальными. Это всего лишь маска, скрывающая истину завеса, за которой терпеливо ждет своего часа наше настоящее «Я», зачастую совершенно не воспринимаемое нереальным, внешним сознанием. Но рано или поздно истинное «Я» непременно подчинит себе всё сознание, подавив и вытеснив наши нынешние идеи и стремления — естественные, но иллюзорные, ибо они подсказаны нам мраком и ограниченностью, в плену которых мы пребываем. А до тех пор «свет сияет во тьме, а тьма не видит света». Сорвать завесу тьмы, дабы «увидеть» и навеки запечатлеть в своем сознании Свет, — вот истинная цель посвящений всех времен. И достичь этого можно, лишь очистив свой разум и внешнее тело, а также сознательно уничтожив, отринув всё, что не связано с нашей истинной сущностью и противостоит ей. Именно в этом заключается суть нашего учения о трех последовательных ступенях посвящения.

Подлинное самоосознание есть беспрепятственное, осознанное единение человеческого духа с Богом, сопровождаемое ощущением их тождественности. В этом равноправном единстве исчезает всё нереальное и поверхностное. Чувство собственной обособленности покидает вас полностью, растворяясь в качественно новом — внеличном, универсальном мироощущении. Малое эго поглощается огромным целым и начинает мыслить так, как мыслит оно. Человек вновь начинает осознавать изначально присущую ему божественность и потому живет и действует уже не как обособленная личность, контролируемая собственной независимой волей, но как единое целое с Божественною Жизнью и Волею, орудием которой он становится и чьим целям отныне служит. Это и есть «великий день искупления», когда ограниченное личностное сознание отождествляет себя со своим божественным, всеведущим и бессмертным принципом и признает в нем верховного жреца своего индивидуального храма, что возможно лишь после множества очищений и омовений, призванных изгнать все препятствующие этому воссоединению свойства прежней, духовно несовершенной человеческой природы. Именно к этому результату направляет нас мистический призыв: «Познай себя!». И каждый из нас должен определить для себя сам, насколько он близок к его воплощению в жизнь.

Таким образом, поиск своего собственного центра, своей истинной сущности предполагает переориентацию внутрь себя наших мыслей и чувств, первоначально направленных на внешний мир. Направьте периферийные элементы собственной природы «к центру», и вы найдете его. Эта задача символически отображена в наших церемониальных прогулках и в той винтовой лестнице, которая соединяет внешний двор и прихожую нашей природы с ее центром. Каждый претендент должен пройти по ней — спрашивая, запоминая и открывая на своем пути все двери. Время от времени ему придется проходить через испытания, призванные удостоверить его духовный рост и продвижение вперед, а также способность без страха и сомнений принимать все ожидающие его на пути неприятности или, напротив, удачи, уготованные ему незримым, но справедливым Провидением.

Внутреннее святилище строго охраняется, в чем сможет убедиться каждый, кто подойдет к нему достаточно близко. Ничто нечистое не в состоянии проникнуть в это святое место и даже приблизиться к нему. Поэтому в библейском описании символического Храма упоминается стоявшая во внешнем дворе огромная, наполненная водою купель, предназначенная для омовений, а также алтарь с зажженным огнем, на котором следовало совершать жертвенное сожжение всего нечистого, что есть в человеческой природе. В масонской символике об опасностях, подстерегающих каждого, кто, не подготовленный должным образом к проникновению в центр, бросается очертя голову туда, куда не решаются входить даже ангелы, напоминает меч Великого Мастера, направленный на всякого недостойного, пытающегося войти в Ложу. Ему соответствует упомянутый в Книге Бытия меч Херувима, охраняющего от недостойных все подступы к Древу Жизни.

Ментальное очищение так же необходимо для подлинного посвящения, как и физическое; однако оно еще более труднодостижимо. Современная психология сообщает нам не только о том, насколько малая часть нашей умственной деятельности входит в сферу досягаемости обыденного, бодрствующего сознания, но и о наличии всевозможных узлов и искривлений, подавленных страхов, загнанных внутрь скоплений негативных эмоций и прочего ментального хлама, хранящегося в подсознании людей — даже тех, что живут внешне абсолютно нормальной жизнью. Всё это суть воспоминания о прежней деятельности нашего разума — ранее накопленный опыт, зачастую совершенно позабытый бодрствующим сознанием, но тем не менее автоматически записанный на страницах нашего подсознательного разума особым «грифелем» (упоминаемым в числе рабочих инструментов, присущих третьей степени посвящения), непрестанно, на протяжении всей жизни фиксирующим все наши мысли, слова и дела. Ибо в центре нашего существа находится всевидящее Око, благодаря которому каждый из нас сам составляет книгу своего Страшного Суда, где неосознанно записывает собственную историю, предопределяя тем самым и свою дальнейшую судьбу; ведь читать эту книгу придется прежде всего нам самим — её авторам.

Все эти ментальные накопления и ассоциации хорошо знакомы тем, кто давно постигает науку посвящений. Современные психологи называют их «комплексами». А в старинных трактатах они определяются как загрязненные эфиры — сгустки нечистой ментальной материи. Это и есть «презренные металлы», упоминаемые масонами. Каждый из нас сам является создателем этих

«металлов» и сам же придает им разнообразные гротескные формы; именно поэтому каждому претенденту на определенном этапе присваивается имя первого из таких «создателей», указывающее на то, что он еще не совсем очистился от мирских привязанностей подобного рода. Сии «презренные металлы» необходимо удалить из системы, для чего в течение долгого времени следует придерживаться исключительно возвышающих и очищающих мыслей и стремлений. Для того, чтобы истинное посвящение стало возможным, все эти «металлы» должны быть превращены в «чистое золото» — чистую ментальную материю. Никакая внутренняя мгла не должна разделять внешние и внутренние органы сознания, когда пробьет час их воссоединения. Свет Истины не сможет пробиться сквозь разум, переполненный вредоносными мыслями и мнениями и одержимый ими. Сначала разум должен освободиться от всех ранее приобретенных знаний и предубеждений — лишь тогда он сможет воспарить на крыльях своего гения в царство свободной мысли и там познать Истину путем ее непосредственного созерцания.

Момент обретения Света и самоосознания представлен в масонском церемониале так же драматически. Его символизирует тот важный ритуальный эпизод посвящения третьей ступени, когда тьма вдруг уступает место ослепительному свету и в этом свете кандидату впервые предоставляется возможность увидеть осколки своего прошлого и печальные свидетельства своего некогда смертного состояния*.

* Это символическое прозрение вновь воспроизводится, но уже гораздо более детально, в церемонии возведения на ступень Королевской Арки, описанной мною в предыдущей книге.

Это подразумевает, что претендент (по крайней мере, символически) уже преодолел тот великий переходный кризис, что отделяет обычного человека от высшего человеческого существа. Свое бренное тело он рассматривает теперь как «гробницу превращения», в которой подготавливалась происшедшая с ним ныне великая перемена. Он восстал из этой гробницы, и старая могила физического тела уже не имеет над ним прежней власти; а та духовная бессознательность, которую называют «смертью», растворилась в лучах славы его высшего вечного принципа, одержавшего наконец победу над его низшей смертной природой. У изголовья его могилы расцветает мистическая ветка акации, символизирующая столь же прекрасный расцвет бессмертного жизненного принципа в его очищенном разуме и нервной системе.

Так в масонском церемониале изображается момент обретения претендентом знания своей истинной сущности. Еще раз подчеркну, что сей переход вовсе не влечет за собою физической смерти тела, его чувств и способностей, поскольку очищенный разум лишь воссоединяет «свои прежние орудия с соответствующими им новыми». Но отныне эти «старые орудия» будут для него уже не господами, а лишь верными и покорными слугами. Человек и далее будет жить в физическом мире вплоть до истечения положенного ему естественного срока, но уже не для себя, а для того лишь, чтобы способствовать возвышению и развитию своих ближних, еще не достигших столь же высокого уровня. Основой его практической деятельности в мире становится

распространение собственного сознания и мудрости. Его духовная эволюция уже завершена (по меркам нашего мира), и теперь целью его жизни является исключительно содействие эволюционному продвижению других людей.

Более ста лет тому назад один великий и добрый Брат, повествуя о своих продолжительных связях с масонскими святилищами, написал о посвящениях следующее*: «Единственное посвящение, которое я исповедую и которого ищю со всею страстию души моей, есть то, что позволяет нам войти в сердце Бога и вместить сердце Божие в себе, дабы создать тот нерасторжимый союз, что сотворит нас друзьями, братьями и спутниками Божественного Спасителя нашего». Сие превращение и есть то самопознание, к которому, согласно масонскому учению, должны быть обращены мысли каждого члена Братства. И цель у посвящения, следовательно, может и должна быть только одна: осознанное воссоединение индивидуальной души со вселенским Божественным Духом.

* Луи-Клод де Сен-Мартен, «Теософская переписка» с бароном Кирхбергером — в высшей степени ценное сочинение, раскрывающее характер масонской деятельности во французских Ложях до революции 1789 года.

Символом сего единства является хорошо знакомое соединение циркуля с наугольником. Наугольник символизирует душу, а циркуль — дух, пребывающий в этой душе. Поначалу масон видит, что ножки циркуля спрятаны за наугольником; но по мере его духовного прогресса концы циркуля расходятся все шире, пока наугольник не оказывается полностью вписанным в их диаметр, что означает постепенное подчинение души первичному духу и сопутствующее этому проникновение духа в личностное сознание. Подобный рост необходим для того, чтобы масон научился «работать обоими инструментами» и тем самым превратился в активного строителя духа, завершив круг собственного бытия достижением осознанного единства со своею изначальной и истинною сущностью.

ЗНАК «G»

Сей удивительный знак занимает центральное место на потолке каждой Ложы, являясь символом Божественного присутствия в ней. Он также служит свидетельством Божественного присутствия в духовном центре каждого масона. В христианской церкви ему соответствует Вечный Свет, сияющий перед главным алтарем.

На первой и второй ступенях посвящения этот символ виден в небесах Ложи. На третьей ступени он становится невидимым, но всё же проявляет свое присутствие, отражаясь в той искорке света, что видна на востоке и, как знает каждый масон, не гаснет даже в самые мрачные моменты жизни, так как Божественное присутствие неистребимо. На ступени Королевской Арки он появляется снова, но уже в другом месте и в иной форме — опять-таки в центре храма, только на полу, в форме кубического алтаря из белого камня, с начертанным на нем Священным Именем. Таким образом, по мере восхождения по ступеням знак спускается с неба на землю; Дух нисходит на уровень очищенной материи; Божественное и человеческое сближаются друг с другом и сливаются воедино. Бог становится человеком, а человек соединяется с Богом — отныне Божественное Имя будет начертано на алтаре его сердца.

Словом, в значении этого символа и его смещении относительно четырех ступеней ясно прослеживается конечная цель всего посвятельного цикла — соединение индивидуальной души с Божественным принципом. Это и есть высшая цель масонства, а решение всех прочих, менее значительных задач является лишь вспомогательным действием, облегчающим нам продвижение к ней.

Когда Ложа открыта, разум и сердце каждого участвующего в ней Брата также открываются (во всяком случае, так принято считать) для восприятия знака «G» и всего, что с ним связано, дабы постигнуть его суть и сделать ее неотъемлемой частью собственного опыта. А когда Ложа закрыта, память о символе «G» и его проявлениях должна храниться в сердце и служить основной пищей для размышлений.

Далее, немаловажен и тот факт, что символ «G» всегда расположен в центре, а Ложа собирается не прямо под ним, а как бы вокруг него. Это означает, что Звезда Сияющей Славы светит слишком ярко, чтобы кто-то, менее чистый и светлый, чем она сама, мог выдержать направленный поток ее нисходящих лучей; потому-то пространство в центре Ложи всегда остается открытым и незанятым, и Братья рассаживаются вдоль стен, дабы прямые лучи не достигали их. В центре пол выложен в виде шахматной доски, что символизирует проявленное творение, где изначально белый Свет, льющийся сверху, дифференцируется и обретает бесконечно варьирующуюся двойственность, примерами которой могут служить такие пары противоположностей, как свет и тьма, добро и зло, положительное и отрицательное, мужское и женское начала. Об этом как раз и свидетельствуют белые и черные клетки, а на то, что они все равно пребывают в единстве, указывает обрамляющий их символический барьер.

Таким образом, под символом «G» подразумевается вселенский Дух Божий, присутствующий во всех вещах и объединяющий их. В его роли может выступить также еврейская буква Йод — десятая буква еврейского алфавита, на основе которой созданы все прочие буквы, в соответствии с истиной, гласящей, что все сотворенные вещи являются вариациями единого Первоисходного Духа. В наставительной лекции, относящейся к ступени, которая выходит за рамки нашего нынешнего исследования, символ «G» представлен сразу в трех значениях:

1) Слава Божия (или слава, которая внутри);

2) величие и великолепие совершенства, коего человек достигает, будучи посвященным в единство с Богом, пребывающим в центре его самого;

3) Гом-Эль — еврейское слово, восхваляющее Божественную силу и добродетель, побуждающие человека стремиться к совершенству и к воссоединению творения со своим Творцом. Согласно еврейской традиции, Гом-Эль — это также то слово, которое произнес Адам, когда впервые узрел красоту Евы и осознал предназначение человечества.

В египетских мистериях эквивалентом «Г» служил солнечный символ Ра — Духовного Солнца. В великом храме греческих мистерий в Дельфах, где на протяжении семнадцати столетий проводились элевсинские посвящения, его заменяла пятая буква греческого алфавита Ε (эпсилон), поскольку число пять является в пифагорейской системе нумерологическим символом человека, в соответствии с его пятью чувствами, пятью лучами, образуемыми двумя его руками, двумя ногами и головой, а также другими соображениями, более сложного характера. Отсюда проистекает и пятиконечная звезда (или пентаграмма), тоже символизирующая человека и разносторонность доступных ему истин. В ритуалах, описанных в «Книге мертвых», кандидат называется «обладателем пяти». Сообщество масонов-практиков делилось на группы по пять человек, а Ложа масонов-теоретиков до сих пор состоит из пяти Братьев. Все эти факты имеют гораздо более глубокое значение, нежели может показаться на первый взгляд; однако нам вряд ли стоит обсуждать это здесь во всех подробностях. Скажу лишь, что оно имеет непосредственное отношение к нынешней стадии человеческой эволюции.

Плутарх называл эту букву «Ε» символом огромной важности и поучительности и добавлял также, что она могла существовать в трех формах (соответствующих нашим трем ступеням): вначале — деревянная, затем — бронзовая и в конце концов — золотая. Эта последовательность соответствовала постепенному совершенствованию под влиянием обязательных для кандидата дисциплинарных правил нравственной и духовной природы человека. Кандидат уподоблялся сперва мягкому, непрочному дереву; затем приобретал крепость бронзы, которая, однако, еще не является чистым металлом, так как представляет собой сплав. Лишь после этого он мог очиститься до настоящего золота — символа обретенной чистоты, мудрости и совершенства, к коим и должен вести процесс посвящения.

Однако помимо вышеназванных, этот центральный символ имел еще одно, более глубокое значение. Великие посвященные храмы древности, равно как и некоторые исторические христианские церкви (например, храмы Ионы и Гластонбери, с которых началась христианизация Британии), воздвигались на особых точках поверхности земли — своего рода магнетических центрах, являющихся средоточиями духовной силы, способствующей проникновению в наш мир

потоков божественной энергии, распространяющихся затем из этих мест на сопредельные территории. Местоположение таких «узловых точек» во все времена было известно посвященным, называвшим их греческим словом «омфалос», что значит «пуп», или мистический центр. Именно с такой целью в месте, пользовавшемся божественным покровительством, был возведен знаменитый Дельфийский храм; и мы знаем, что на протяжении семнадцати веков он оставался источником Света и центром религии для всего цивилизованного западного мира.

Ныне сей исторический факт и оккультный принцип воспроизведены в масонстве. Каждая Ложа и каждый центр посвящений теоретически должны быть (хотя на практике данное условие выполняется сейчас далеко не всегда) расположены в одном из таких мест, благотворно влияющих не только на процесс посвящения тех, кто обретается в их стенах, но и на духовное возвышение всех живущих поблизости от этого места непосвященных людей. «Не может укрыться город, стоящий на вершине горы». Храм, или Ложа Братьев, сознательно исполняющих свой долг, не может ограничиваться только лишь духовным просвещением членов своего Братства, поскольку в процессе своей деятельности они, пусть даже неосознанно, создают и распространяют вокруг себя вибрации духовной энергии, сила и действенность которых намного превосходят даже самые смелые их предположения.

Таким образом, если данное правило соблюдено и Ложа расположена точно в центре излучения духовной энергии, то самым важным и священным ее местом должна быть именно середина, где изображен знак «G» — точка, в которой сконцентрирован наиболее мощный поток Божественной Силы. Вследствие этого становится понятно, почему в определенный момент церемоний кандидата ставят в центр Ложи.

Итак, почему же это все-таки происходит? Для чего кандидата выводят на самую середину? Ведь раньше он всегда стоял где-нибудь поодаль — в северо-восточном или юго-восточном углу Ложи, где интенсивность центрального светового потока теоретически должна быть менее значительной. Очевидно, что для еще несовершенного организма приемлем лишь смягченный и ослабленный поток Света, так же как и не слишком тяжелые обязанности и относительно несложные наставления. Сила Света может возрасти по мере эволюционного продвижения кандидата; и только когда он сам, так сказать, уподобится лучу Божественного Света, его попросят встать в центр Ложи как способного выдержать его направленный нисходящий поток, изливающийся в полную силу. Подобное может выдержать только тот, кто чист во всех отношениях и чья чувственная, эмоциональная и ментальная природа уже достаточно возвышенна, благородна и совершенна для того, чтобы он мог стать полностью справедливым и честным, абсолютно гармоничным человеком — и морально, и физически. Несовершенный человек очень рискует, подвергая себя воздействию этой могучей силы, ибо она может повредить или вовсе разрушить его организм. Эта сила разрушает всё, что с ней несовместимо; однако рано или поздно каждая душа должна пройти через испытание ею. Олицетворением сей истины служит предание о трех еврейских «детях» (то есть посвященных), ввергнутых в раскаленную огненную печь и вышедших оттуда невредимыми.

Поэтому пусть все, кто собирается вокруг знака «G», дабы лицезреть стоящего в центре Ложы прямо под этим знаком кандидата, знают, что на самом деле означает это действие. Пусть они знают, что в сей важный момент — возможно, самый важный из всех прочих церемоний — на должным образом подготовленного кандидата может снизойти Божественный Свет, дабы заполнить его сердце и просветить разум, сделав его способным воспринимать не только букву, но и дух наставлений, передаваемых ему в этот самый миг, когда он стоит в самом священном месте Ложы. Так пусть же все, кто собрался вокруг него, молча, но со всею искренностью призывают этот центральный Свет, дабы Он смог войти, следуя их осознанному стремлению, не только в посвящаемого, но и в них самих; и то, что начиналось на уровне обычной церемонии, смогло бы превратиться в реальный и мощный фактор духовного роста.

Мне хотелось бы особо подчеркнуть важность и искренность этого призыва, поскольку масонская процедура помещения кандидата на определенном этапе его эволюционного роста в центр Ложы не только увековечивает традиционную и очень важную древнюю практику, но и во многом предвосхищает другое — еще более реальное и возвышенное — посвящение, о котором я не могу рассказать на страницах этой книги, и каждый, кто всерьез намерен изучать масонскую науку, рано или поздно поймет, почему. Привыкая к серьезному и внимательному отношению к мелочам (таким, как несложные первичные церемонии), ученик тем самым готовит себя к восприятию более важных и высоких истин, которые откроются ему в положенное время.

ЛЕСТНИЦА

Наиболее важной составляющей учебного плана древних мистерий являлась космология — наука о Вселенной. Целью сей дисциплины было ознакомление кандидата с физическим и метафизическим устройством мира, а также с местом и ролью в нем человека. Постигая ее, ученик приходил к пониманию того, что сложный человеческий организм отражает и воспроизводит в себе весь огромный мир, представляя собою, таким образом, микрокосм, или миниатюрную копию Вселенной. Следовательно, кандидат изучал одновременно и Вселенную, и самого себя, причем не только во внешнем и видимом, но и в невидимом, физически неосознаваемом аспекте. Он узнавал истину о материальной и над-материальной стороне мира и убеждался в том, что аналогичным образом устроен и он сам. Ему говорили о непрерывном движении материи, о недолговечности телесных форм и о вечной и неистребимой жизни, или Духе, который снизошел до уровня материи и воплотился в ней, размножившись и облачившись в бесчисленное количество форм, качественно варьирующихся от минералов до человека, а также о том, что эта прогрессия не стоит на месте, но неуклонно движется вперед к своей главной цели — обретению совершенства. Ему демонстрировали двойственность космического принципа эволюции и инволюции, следуя которому растворенная во всей Вселенной жизненная сила нисходит и подчиняет себя материальным ограничениям и физическим законам, а затем, обогащенная опытом, вновь восходит и покидает физический мир. Ученик узнавал о существовании различных уровней и планов Вселенной, о том, что некоторые из них — материальные, а некоторые — эфирные, и что каждый план в свою очередь делится на подпланы, в соответствии с великим

замыслом мироустройства. Все эти уровни и планы последовательно связаны между собою, образуя своего рода огромную лестницу, состоящую из множества ступеней, или ярусов — лестницу, которую Теннисон описал однажды как

«Самый высокий на свете алтарь,

Ведущий из тьмы прямо к Богу».

В древних системах кандидата, прежде чем допустить к посвящению, в обязательном порядке инструктировали по всем этим вопросам. Полученные знания помогали ему лучше понять собственную природу, а также устройство мира и свое место в нем. С их помощью кандидат мог осознать собственные эволюционные способности и предназначение науки посвящений как эффективного средства ускорения духовного развития тех, кто в достаточной мере подготовлен к ее восприятию и может осознанно содействовать ускорению закономерных космических процессов. Усвоив эти знания, ученик волен либо продолжить путь к посвящению, согласившись со всеми предписываемыми требованиями, жертвами и дисциплинарными ограничениями, либо отступить и отказаться от последующего обучения, если он чувствует, что ему недостает желаний или мужества посвятить себя служению столь труднодостижимой цели. Полная свобода воли всегда была важнейшим условием этого важнейшего выбора, открывавшего (или, напротив, закрывавшего) доступ к посвящению; и опять-таки, отсутствие принуждения в обязательном порядке требуется для вступления в ряды современного масонства.

Однако современный масон не получает систематизированных знаний о космологии и потому вынужден довольствоваться теми туманными представлениями, которые он смог самостоятельно почерпнуть из разных источников; это касается не только космологии, но и многих других, тоже весьма важных аспектов масонского учения. А в результате предпринимаемые ныне попытки приобщить масонов к сим *disciplina arcani* часто наталкиваются либо на полное отсутствие интереса, либо на стену недоверия, поскольку многие коллеги воспринимают их как материю до сих пор толком непознанную или даже вовсе непознаваемую. Скептицизм, свобода и независимость суждений о предметах более или менее оккультного характера, безусловно, хороши и полезны для внешнего мира и присущего ему образа жизни. Но они абсолютно чужды и неприемлемы для тех, кто, войдя в храм посвящений, твердо решил замуровать за собою дверь, ведущую обратно во внешний мир, и, отринув все свои прежние представления, стать смиренными и благодарными учениками, жаждущими приобщиться к знаниям более высокого порядка. Там, где все считают, будто уже достаточно знают об устройстве Вселенной и о своем месте в ней, или же, напротив, полагают, что вполне можно обойтись и без оных, в обоих случаях предпочитая собственное суждение всем прочим, вряд ли удастся найти подходящего кандидата на подлинное посвящение. Впрочем, и книга моя предназначена вовсе не для них. Я пишу ее для тех немногих Братьев, которые готовы учиться всему, что может предложить им масонство, и потому сами ищут знаний и руководства.

Им я могу сказать для начала, что масонство, демонстрируя своим последователям лестницу, предлагает тем самым многозначительный символ, осмысление которого способно, образно выражаясь, «широко раскрыть глаза воображения». Разумеется, в наставительных лекциях символ лестницы связывается прежде всего с «лестницей Иакова» — общеизвестным библейским эпизодом. При этом ей придается главным образом нравственное значение — как символическому пути, по которому человек может подняться от земли к небесам, преодолевая ее «ступени» одну за другою; при этом указывается, что особенно важно освоить три из них, символизирующие веру, надежду и милосердие. Не спору, данная моральная интерпретация вполне оправданна и полезна. Однако она вовсе не является исчерпывающей и скорее скрывает, нежели объясняет подлинный смысл «лестницы Иакова», вкладывавшийся в это понятие создателями нашей системы. Сей символ изначально несомненно был чем-то гораздо большим, нежели просто повторением общеизвестной триады теологических добродетелей, сформулированной апостолом Павлом.

И заключалось сокровенное значение символической лестницы в том, что она отображала всё то же космологическое учение. Она символизировала Вселенную с ее разделением на множество планов — ступеней, уходящих ввысь и опускающихся в неведомые глубины. Сказано, что в Доме Отца нашего много комнат, то есть уровней, где могут трудиться и отдыхать Его творения, пребывающие в различных состояниях и на разных стадиях развития. Именно эти уровни — планы и подпланы — зашифрованы в образах ступеней и ярусов лестницы. Нашей нынешней стадии эволюционного продвижения соответствуют три основных ступени: физический план, план желаний и эмоций и, наконец, ментальный план абстрактного разума, примыкающий, в свою очередь, к еще более высокому плану духа. Первый соответствует материальному, физическому строению человека, его видимому телу; второй — его эмоциональной и чувственной природе, представляющей собою смешанную субстанцию, образованную в результате взаимодействия физических чувств и сверхфизического разума; третий план связан с ментальностью, еще дальше отстоящей от физической природы человека и примыкающей уже к его духовному существу.

Сия лестница и особенно три ее ступени, ныне занимаемые нами, обнаруживаются в природе повсюду. Это проявляется и в семиступенной музыкальной гамме с ее тремя доминантами, и в призматическом световом спектре с его тремя основными цветами, и в принятом делении времени на семидневные недели, а также в семеричности физиологических изменений в нашем физическом организме и прочих периодических системах, каковые встречаются в физике, как, впрочем, и во многих других науках. Совершенная Ложа состоит из семи членов, включая трех главных распорядителей. Продвижение претендентов третьей ступени к Востоку составляет семь шагов, из которых особое значение придается трем первым.

Таким образом, и Вселенная, и сам человек устроены подобно лестнице, которую составляет строго определенная последовательность ступеней. Единая универсальная субстанция, наполняющая всю Вселенную, «нисходит» из состояния абсолютного эфира и, уплотняясь с каждой ступенью, достигает уровня грубой материи, после чего начинается обратный процесс «восхождения» — через те же самые планы в первоначальное состояние, куда эта субстанция попадает уже обогащенной новым опытом, обретенным благодаря активной деятельности.

Именно этот грандиозный космический процесс предстал перед Иаковом во время сна или в его видении, что и объясняет ту важность, которая придается «лестнице Иакова» в системе масонского символизма. То, что он увидел тогда во сне или наяву, и ныне доступно каждому, кто в достаточной мере развил в себе внутреннее зрение. Каждый истинный посвященный, расширив свое сознание и обретя сверхъестественные способности, может созерцать эфирные миры, некогда показанные иудейскому патриарху, с такою же легкостью, с какой непосвященный человек воспринимает своим внешним зрением окружающий его феноменальный мир. Посвященный способен «видеть ангелов Божиих, восходящих и нисходящих», то есть он может воочию наблюдать сию великую лестницу Вселенной, равно как и сам процесс инволюции и дифференциации с последующей эволюцией и синтезом, составляющий жизненный цикл. Он видит нисхождение человеческих существ, или душ, сквозь планы всё более возрастающей плотности и затухающей частоты вибрации, а также их облачение по мере продвижения во всё более грубые материальные оболочки; он видит, как эти души спускаются на нижний уровень полной материализации, где достигает своего апогея великая борьба за верховенство между внутренним и внешним человеком, между духом и плотью, истинной человеческой сущностью и разнообразными нереальными личностями, сформировавшимися вокруг нее. Шахматная доска нашего нынешнего существования, разделенная на черные и белые клетки противоположностей — таких, как добро и зло, Свет и тьма, блаженство и страдание — становится ареною этой борьбы. Но посвященный видит и обратный процесс, начинающийся после победоносного завершения этой борьбы, когда человек духовно возрождается, отбрасывает или преобразует свои «мирские приобретения», накопленные за время «нисхождения» в материю, и возвращается назад — к своему Источнику, свободному от грязи и пороков нашего несовершенного мира. Однако, как я уже говорил, увидеть всё это способен лишь тот, кто подобно Иакову бежит прочь от беспокойного и суетного мира в уединенную обитель собственной души и в сей безлюдной пустыне начинает задавать себе вопросы, отчаянно пытаясь проникнуть в тайну собственного бытия, познать свое предназначение, и не останавливается до тех пор, пока не раскроет для себя самый последний секрет. Лишь тогда он, возможно, позволит себе ненадолго вздремнуть, умиротворенно положив голову на камень, о который только что отчаянно бился в своей прискорбной слепоте. Его воля и разум окончательно успокоятся, умолкнут чувства, и сознание озарит великий внутренний Свет, в сиянии которого он увидит то, что так долго искал — ответ на все свои вопросы. Ибо, следуя древнему описанию истинного посвящения, «сон тела есть пробуждение души; с закрытыми глазами открывается истинное зрение; а тишина наполнена Богом. Это случилось со мною, когда я услышал самое главное, великое Слово. На меня снизошла благодать Божия. Я познал Истину. За что всеми силами души своей славлю Отца». (Гермес, «Поймандр», 1, 30.)

Следовательно, открывшееся Иакову видение лестницы иллюстрирует достижение посвящения — расширение сознания и обретение космического видения вследствие приобщения к центральному Свету. Ту же самую истину можно обнаружить в небольшом, но весьма поучительном для каждого масона трактате, написанном в III веке посвященным философом Порфирием; он называется «О пещере нимф». В нем дается истолкование одного эпизода из гомеровской «Одиссеи», каковую Порфирий рассматривает как завуалированную историю души, странствующей по бурному морю жизни, преодолевая штормы и прочие испытания, дабы в конце концов очиститься и обрести божественный покой. Упомянутый эпизод описывает некую темную

пещеру, над которой растет оливковое дерево. Нимфы входят в нее с одной стороны и начинают ткать там для себя пурпурные одеяния. Покинуть же пещеру они могут только через ворота с другой стороны и только тогда, когда им надоест это уютное, но мрачное убежище и они захотят выбраться на волю. Порфирий объясняет эту аллегорию следующим образом. Темная пещера — это тело, в которую входит душа («нимфа», или духовное существо); там душа облачается в одеяние из плоти и крови и предается чувственным удовольствиям, чуждым её истинной природе. Душа-нимфа спускалась всё ниже, с одного космического уровня на другой, пока не вошла наконец в эту пещеру через «врата человека» (то есть эволюционировала до человеческого уровня). И выйти из нее сможет теперь только с противоположной стороны — чрез «врата Богов» (то есть возвысившись до Божественного состояния). Пройти же через эти ворота душа сможет только в том случае, если воспользуется маслом оливкового дерева, растущего над пещерой; ибо сие есть масло Мудрости, которая осветит душе путь и поможет отыскать дорогу в вышние миры и блаженные сферы.

Порфирий продолжает свое пояснение следующим образом: «Следовательно, говорит Гомер, в сей пещере должны храниться все удовольствия и страдания, присущие внешнему миру. И здесь же обнаженный смиренный проситель, выставляя напоказ свое израненное тело, сбрасывает с себя ненужные одежды, доселе лишь обманчиво скрывавшие его язвы (что в данном случае подразумевает отказ от бесполезных чувственных энергий), садится у подножия оливы и вопрошает Афину (Мудрость), как ему избавиться от всего этого шумного и враждебного сборища страстей, коварно угнездившихся в потаенных уголках его души... Освободиться от оков чувственной жизни — задача не из легких; тот, кто отважился сделать это, должен преобразить себя, избавившись от всех своих изорванных одежд, скрывающих его истинную сущность, и восстановив таким образом разрушенную империю собственной души».

Масон, прочитав эту притчу, безошибочно усмотрит в ней намек на обязательный курс подготовки кандидатов к посвящению, а в образе пещеры и растущего над нею оливкового дерева узнает все ту же могилу Хирама Абиффа с растущей у ее изголовья ветвью акации. И то и другое символизирует, конечно же, человеческое тело, в котором погребена и замурована истинная духовная сущность человека. И выбраться из этой могилы человек сможет, лишь наполнив светильник своего разума маслом Мудрости и воспламенив его (или же, в другом случае, заставив зацвести ветку акации), что многократно расширит горизонты его сознания и укажет ему путь через Вселенную.

Все мы спустились в этот мир по ступеням «лестницы Иакова», и обратно подниматься вверх нам придется по тем же ступеням. На некоторых масонских диграммах и пояснительных рисунках над лестницею изображен маленький крестик. Причем его неизменно рисуют слегка наклоненным вперед — в неустойчивом положении, как будто он не стоит на месте, но движется вверх. Этот крестик обозначает всех, кто пытается снова взойти по великой лестнице, всех,

«Кто поднимается по каменным ступеням

От мертвых тел к возвышенным вещам».

И каждый на этом пути несет свой крест, свое распятое тело, так как стремления духа всегда диаметрально противоположны интересам материальной оболочки, из-за чего последняя по мере сил препятствует этому восхождению. Таким образом, человек вынужден карабкаться вверх, обремененный тяжелою ношей, самостоятельно, в одиночку. Однако, как учит нас тайная традиция и как указывают две ветви наклонного креста, человек может вытянуть вперед одну руку, будучи уверенным, что ему помогут идущие впереди невидимые доброжелатели; но в то же время ему следует отвести другую руку назад, чтобы помочь идущим позади более слабым братьям. Ибо, как подъемы и ступени лестницы составляют единое целое, так и всё живое, все живые существа в основе своей едины, и никто не живет только для себя.

Воистину, и жизнь, и лестница, по которой она движется, едины и неразделимы: обе они устремлены ввысь, и их общая вершина, недоступная нашему взору, теряется в небесах; а основанием для обеих служит земля. Однако обе противоположности — дух и материя — суть всего лишь полюсы единой реальности, которая может быть познана во всей своей совокупности (или, по крайней мере, в многообразии ее планов, миров, кругов или ступеней) только теми, кто смог соединить их в себе и научился перемещаться по лестнице в любом направлении — вверх или вниз — по собственному желанию. Сия способность всегда была и остается привилегией посвященных, овладевших наукою жизни — единственной наукой, указующей путь к вершине *Scala Perfectionis*, как была названа в одном знаменитом классическом сочинении XV века эта великая лестница посвящений, символически именуемая масонами «лестницей Иакова».

НАДСТРОЙКА

Новоявленного масона учат относиться к своей обычной, естественной личности всего лишь как к краеугольному камню, на котором ему предстоит возвести некую надстройку, совершенную во всех своих частях и составляющую предмет гордости ее строителя.

Но многие ли смогут усмотреть в этом наставлении нечто большее, нежели просто благочестивый совет строго придерживаться общеизвестных моральных норм и добродетелей? Разумеется, выполнение сего элементарного требования тоже является непреложным условием духовного роста; но разве для этого обязательно вступать в какой-то тайный Орден? Очевидно, что наставление начинающим масонам имеет несколько иной, более глубокий смысл. Оно подразумевает не только совершенствование уже существующего краеугольного камня (личности), но возведение на нем ранее не существовавшей надстройки, здания, которое намного превзойдет — и количественно, и качественно — лежащий в ее основе фундамент.

Читателю, не знакомому с тайною стороной масонского учения, хорошо известной представителям этой науки в прежние времена, данная тема может показаться трудной для понимания. Поэтому следует сразу же уточнить, что та надстройка, которую предстоит возвести, связана прежде всего с эфирным, или духовным, телом, в котором опытный масон способен действовать совершенно независимо от тела физического, равно как и от своей естественной личности*.

* Его не следует путать с эфирным телом, упомянутым ниже и названным «призраком». Последнее принадлежит к физическому плану, тогда как первое, очевидно, названо так в силу связи с космическим эфиром, соответствием которого на нижнем уровне является эфир физический. — Прим. ред.

Теория масонства предполагает, что человек является падшим созданием, что его естественная личность служит всего лишь преходящим и нереальным отражением его истинной сущности, изначально задуманной Божественным Разумом, и что, благодаря надлежащему обучению и самодисциплине, человек может преобразовать себя и вернуться в свое первоначальное состояние, в котором он пребывал до своего падения. Однако именно нынешняя, естественная человеческая личность должна стать тем фундаментом, или краеугольным камнем, с которого начинается данный процесс преобразования, поскольку в ней имеются (хотя и в состоянии полного хаоса и беспорядка) все необходимые предпосылки для его успешного осуществления.

Возведение надстройки над своей нынешней личностью предполагает нечто большее, нежели просто совершенствование собственных нравственных качеств. Эта задача не под силу новичку, хотя впервые на необходимость ее решения (что вполне справедливо) масону указывают именно на стадии ученичества (подмастерья). Процесс преображения тесно связан с оккультной наукой, а потому справиться с ним сможет лишь тот, кто достаточно глубоко познал сию науку и умеет применять ее на практике. Именно эту науку имел в виду христианский Мастер, когда говорил: «Кто из вас, вознамерившись построить башню, не сядет сперва и не подсчитает богатства свои — хватит ли их на то, чтоб завершить начатое? Ведь если он, заложив основание, не сможет достроить ее до конца, все, кто увидит это, станут смеяться над ним, говоря: "Вот, человек сей начал строить, а закончить не смог!"» Так же и масон, желающий возвести башню (или надстройку), должен сперва «сесть и подсчитать богатства свои», для чего ему следует точно представить себе объем необходимых работ; ведь перед тем как приступить непосредственно к строительству, зачастую требуется произвести немалый объем предварительной черновой работы над собою, расчищая ту площадку, на которой будет возводиться здание.

В старом масонстве существовала ступень (исключенная из списка наших нынешних Уставов), специально посвященная данному вопросу. Ее называли ступенью Великого Архитектора, и целью ее была оценка шансов на успех для тех, кто, познав тайную науку, заявлял во время ритуала о своем намерении взяться за сооружение надстройки.

На этой ступени речь идет о «возведении домов в воздухе»; причем указывается, что работа сия под силу только Великим Архитекторам и что «обычные ремесленники могут лишь любоваться ими [домами] на расстоянии, когда они будут построены».

«Дома в воздухе!» Но ведь «в воздухе» так или иначе расположены все сооружения, за исключением подземных, может сказать неподготовленный читатель. Однако в данном случае имеются в виду вовсе не дома из кирпича или камня. Опять же, выражение «строить воздушные замки» уже давно стало метафорой, означающей «грезить наяву, предаваться пустым мечтаниям». Но коль скоро каждая мысль носит созидательный характер и способна создавать объективные образы на уровне разума, мы можем быть уверены в том, что мудрецы, увековечившие в свое время масонское учение, отнюдь не призывали нас попусту тратить время на столь бессмысленное и бесполезное занятие. «Воздушный дом», о котором они ведут речь, есть формирование сверхфизического эфирного тела — «тела тумана», как называли его Гесиод и другие классики греческой философии. Каждый настоящий адепт масонства способен осознанно действовать в этом теле на тонких планах жизни, независимо от своего грубого физического организма; и он продолжает жить в этом теле после того, как последний будет отринут им навсегда. Вот что говорит об этом Ориген, отец христианства, живший во II столетии: «Нам обещано другое тело — духовное и эфирное; тело, которое невозможно физически ощутить и невозможно увидеть физическим зрением, не отягощенное весом и способное видоизменяться в зависимости от того, в какой из сфер оно пребывает. Когда это духовное тело хочет видеть, всё оно обращается в глаз; когда желает слышать, превращается в одно сплошное ухо; также всё оно может служить и руками и ногами». Здесь имеется в виду то, что ныне разделенные человеческие способности в новом теле снова сольются воедино, как это и было свойственно человеку до его падения и нисхождения в царство материи и многообразия*.

* Для более подробного изучения данного вопроса можно порекомендовать недавно изданную книгу Дж. Р. С. Мида «Тонкое Тело» (G. R. S. Mead. «The Subtle Body». — Watkins, 1919).

Указанный вывод может быть подтвержден многочисленными ссылками на текст великого учебника науки посвящений — книги Священного Закона (хотя и в других источниках содержится немало тому подтверждений).

Подобно знаменитым орфическим гимнам пифагорейской и элевсинской школ мистерий, библейские псалмы также являются антологией гимнов иудейских посвященных, и потому в них можно обнаружить множество типично масонских символов и наставлений. В 48-м Псалме ученику, постигающему духовную науку, предписывается обойти символический град Иерусалим, ему приказано осмотреть стены города и его дворцы, обратив особое внимание на великую башню Храма, которая, подобно нынешним соборным шпилям, возносится в воздух выше всех

прочих строений. Задача ученика в данном случае состоит в постижении символизма увиденного и в овладении искусством правильной интерпретации ради «тех, кто придет позже», — то есть новичков, лишь недавно приступивших к постижению сей науки.

Таким образом, благодаря аналогии между материальным и духовным зодчеством, ученик получает наглядный урок. В массивных оборонительных стенах «святого города» он, безусловно, узнает символ стойкости, непоколебимости и силы духовного организма, который ему следует создать для себя вместо брэнного и хрупкого временного тела, используя, однако, последнее в качестве фундамента. Величественные дворцы с их роскошными интерьерами, заполненными прекрасными вещами и бесценными произведениями искусства, напомнят о том, каким должен стать внутренний мир самого человека, украшенный и обогащенный духовными ценностями. А огромная, устремленная в небо башня, на которую ученику следует обратить особое внимание, должна стать символом новой надстройки, настолько же превосходящей его нынешний тленный организм, насколько шпиль собора превосходит по высоте все прочие строения, возведенные у его подножия. Глядя на нее, ученик должен прийти к выводу о необходимости сооружения на основании своей низшей природы величественной «башни» духовного тела, взойдя на вершину которой он смог бы жить не только на земле, но и в «воздухе» — то есть в более тонких, эфирных (по сравнению с нашим, физическим) мирах. Это и будет «воздушный дом», построить который могут только «Великие Архитекторы», — «надстройка», к сооружению которой мы призываем наших признанных подмастерьев.

Обратимся теперь к тому, что говорит на данную тему посвященный Апостол, обращаясь к своим ученикам-коринфянам. Он дает им наставления, касающиеся именно «надстройки»: каким образом ее можно возвести? «Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут?» (Здесь он говорит не о физической смерти, но о том состоянии атрофии духовного сознания, присущем обычному, физическому человеку, которое неизменно именуется «смертью» как в библейских, так и в прочих сочинениях на данную тему.) Далее Апостол поясняет, что само физическое тело воскреснуть не может, так как «тление не наследует нетления»; но все-таки «воскресение из мертвых» возможно, когда жизненная сущность очищается и возвышается настолько, что преобразуется и превращается в новое тело, состоящее из более тонкой материи сверхфизического уровня. Каждый из нас вынужден начинать с физического тела; но из него можно развить и более совершенное тело — психическое. Первое, таким образом, служит чисто земною оболочкой человека, являющей миру его иллюзорную, нереальную личность, тогда как последнее — тело нашего истинного, духовного существа (или «Господа с небес»), скрывающегося до времени под своею недолговечною оболочкой, которая удерживает его, подобно могиле. Дух «посеян» в нем подобно зерну, которое рано или поздно разорвет сдерживающую его оболочку и вознесется от своей прежней «немощи» к подлинной «силе» (осознанной активной деятельности). Апостол справедливо характеризует сие учение как одну из тайн и мистерий посвящения. Его общеизвестные слова можно интерпретировать следующим образом: «Я открываю вам тайну, один из секретов посвящения. Мы созданы не для того, чтобы вечно пребывать во сне притупленного и безжизненного сознания, в который погружены ныне и который заставляет нас думать, будто мы живы, хотя это всего лишь иллюзия и на самом деле мы — мертвы. В ходе нашей эволюции для каждого рано или поздно наступает час пробуждения, когда человек коренным образом меняется и его сознание переходит на новый, более высокий

уровень. Если раньше мы жили исключительно в земном, человеческом теле, то теперь мы приобретаем еще одно — эфирное тело, имеющее более тонкую структуру и совершенные качества. И эта перемена — перемещение сознания из старого в новый центр — происходит "вдруг, в мгновение ока" (хотя подготовительный период обучения и очищения может длиться довольно долго). Причем переход этот всегда сопровождается громким и резким внутренним звуком, напоминающим "трубный глас", — таким образом нервная система и мозг человека реагируют на ужасные перегрузки, коим они в это время подвергаются»*.

* Следует пояснить, что «труба» и «последняя труба» — это принятые среди посвященных технические термины, обозначающие спиральной формы (в форме трубы) завихрения, или «водовороты», возникающие в тонкой материи во время перегрузок. Они издают характерный звук, который слышит человек, в чьем теле они возникают. Под «звуком последней трубы» подразумевается, таким образом, физиологический процесс разрушения последних, самых тонких физических барьеров прежней человеческой природы, после чего нервная система обретает качественно новый заряд. На Востоке этот процесс аллегорически именуется «светопрествлением», поскольку для посвященного он означает смерть прежнего, естественного сознания и приход на смену ему нового — более совершенного и активного.

Далее Апостол поясняет, что сие новообразованное Эго (или центр сознания) приобретает свое особенное тело, так как тела могут быть не только земными, но и небесными. Сознание не может существовать без какого-либо внешнего носителя. И подобно тому, как старое физическое тело служило (и продолжает служить) обычным мирским нуждам человека, так и новое — психическое, или духовное, тело, созданное специально для того, чтобы быть носителем высшего сознания, — позволяет человеку действовать на сверхфизических уровнях. Следовательно, посвященный, достигший столь высокой ступени эволюционного развития, обладает двойственной природой — обычной физической («спутницей его прежних трудов») и сверхфизической — и способен с одинаковой свободой пользоваться ими обеими, так как уже полностью сформировал свою «башню» — свою «воздушную надстройку».

Эта надстройка должна быть совершенной во всех своих частях, ибо в противном случае она не сможет стать предметом гордости ее строителя. Но что же это за части?

Человек, даже в естественном, непросветленном и несовершенном своем состоянии, представляет собою в высшей степени сложное существо. С его чисто физической оболочкой теснейшим образом связаны еще три над-физических и в то же время квази-физических тела: эфирное («призрак», или «двойник»), эмоциональное (или тело желаний) и ментальное. Однако и это еще не всё, ведь помимо них (и далеко не всегда в функциональной взаимосвязи с ними) есть еще изначальная духовная сущность — самая тонкая, отличающая человека от всех стоящих ниже его на шкале эволюции существ. Таковы «части», из которых состоит человек; зачастую они скверно организованы, и их деятельность скоординирована из рук вон плохо. Но если даже в

своей обычной, «естественной» работе эти составляющие проявляют себя настолько несовершенными, можно ли ожидать, что они смогут сублимировать из себя нечто, способное активно действовать на более высоких уровнях? Все физические и умственные болезни и несовершенства проистекают из неупорядоченности функционирования вышеназванных внутренних тел, проявляясь, в свою очередь, в виде внешних физических признаков. Так как же, в таком случае, человек сможет войти в эфирные царства «неискаленным» (то есть в неискаженной форме) и совершенным во всех своих частях, не сбросив предварительно свое грубое плотское одеяние в момент физической смерти? Единственным способом создать нечто действительно достойное, стать предметом гордости своего строителя является прижизненное совершенствование собственных внутренних «составляющих».

Как мы уже говорили, главной обязанностью каждого духовного зодчего является очищение и подчинение всех своих тел с целью изгнания из них неблагородных металлов, которые человек создает для себя сам. Лишь в процессе ее неукоснительного исполнения отдельные «части» могут быть усовершенствованы и подчинены воле человека, их взаимодействие станет более сбалансированным, и пред нами явится в полном смысле этого слова возвышенный, честный и справедливый человек и масон. Ему не следует беспокоиться о том, как протекает процесс возведения его надстройки и какой степени чистоты и совершенства она уже достигла, поскольку строительство продвигается само, автоматически, по мере того как человек изучает и дисциплинирует себя, проникая всё глубже в собственную природу. Единственное, что он может делать, это время от времени сравнивать свою работу с крестом, который служит одновременно вертикальным, горизонтальным и равносильным символическим эталоном. Рано или поздно обязательно наступит момент, когда его сознание проникнет на вышестоящий уровень и он услышит призыв: «Друг, переместись выше!» И тогда его взору наконец откроется та надстройка, которую он возводил, будучи внизу, в темноте, и она будет совершенна во всех отношениях, так что ее строитель по праву сможет гордиться ею. Благодаря ей он сможет подняться на следующую ступень жизненной лестницы — в храм Соломона, который он сам для себя построил и освятил. Этим храмом будет его новое сияющее тело — результат неустанных тяжелых трудов, похожее скорее на шедевр Великого Архитектора Вселенной, нежели на творение человеческих рук.

А затем будут новые, еще более высокие ступени бесконечной лестницы, которые также предстоит покорить. Для них тоже придется строить новые тела, которые смогут стать носителями еще большей мудрости, силы и красоты. Ибо сказано, что первый символический храм должен быть разрушен, дабы его место смог занять следующий, причем «слава первого дома не идет ни в какое сравнение со славой последующего».

Однако сейчас вряд ли стоит вести речь об этих недостижимо возвышенных видах деятельности. Будет вполне достаточно, если всё вышесказанное сможет хоть немного помочь кому-то из читателей в строительстве его первого воздушного храма.

«КАНАТ»

Последовательность истолкования различных масонских терминов в этой книге отнюдь не случайна. Рассматривая их по отдельности, я в то же время стараюсь как можно более последовательно изложить порядок действий, которые духовный архитектор должен предпринять в процессе строительства самого себя. Мы проследили эту последовательность, начиная с самого первого ее этапа — с возникновения в глубине сердца страстного желания выбраться из тьмы к Свету, выйти на более высокий уровень бытия. Далее следуют прогрессирующие стадии внешнего и внутреннего очищения, заставляющие отступать внутренний мрак. Затем — добровольное желание отказаться от всего, что составляет естественную человеческую личность; и в конце концов, если кандидат справляется со всеми этими требованиями, он по праву обретает свой «венец жизни» (как метко назван в Библии трансцендентный уровень сознания), завершающий человеческий этап духовной эволюции. Мы также узнали, что в своем продвижении к новому уровню сознания человек автоматически сублимирует из своей прежней, естественной природы новое, более тонкое тело, призванное стать носителем этого сознания и инструментом его осознанной деятельности на сверхфизическом уровне.

Среди масонских символов и завуалированных высказываний, традиционно используемых в наших ритуалах и наставительных лекциях для обозначения различных деталей этого чисто научного процесса, есть еще немало таких, чье подлинное значение вряд ли оказалось бы понятным без приведенных выше пояснений, — зато теперь они могут и должны быть истолкованы надлежащим образом.

Одним из таких символических терминов является «канат». В своей предыдущей книге я уже рассказал о том, что его использование на ступени признанного подмастерья призвано продемонстрировать новичку одну важную истину: тот, кто, ощутив в себе однажды проблеск центрального Света, решил отыскать его, уже не должен отказываться от своего намерения; собственно говоря, это и не представляется возможным без причинения своей высшей природе жестокого вреда, равносильного нравственному самоубийству. В то же время ученику предписывается избегать ненужной спешки в погоне за секретами собственного бытия, не бросаться бездумно и опрометчиво в пока еще не подготовленное внутреннее состояние, поскольку в этом случае он подвергает себя опасностям иного рода. Двигаться вперед необходимо, но со всею скромностью, смирением и осторожностью, и обязательно под квалифицированным руководством Мастера. Древняя заповедь: «Познай себя» всегда сопровождалась еще одним афоризмом: *Ne quid nimis* — «Ничего сверх меры», ибо сию науку следует усваивать постепенно, закрепляя изученное на практике. Внутреннее просветление при этом будет становиться все более ярким и отчетливым.

Однако приведенное выше объяснение «каната» — далеко не исчерпывающее, хотя и заключает в себе весьма полезную и важную истину (но только морального плана). Ибо термин «канат» может рассматриваться еще и в психофизиологическом аспекте, объясняя некоторые тайны

человеческого организма. В связи с этим следует напомнить, что «канат» упоминается не только на первой ступени посвящения. Он снова возникает при изложении обязанностей третьей ступени, где фигурирует уже в иной ипостаси и связывается с рабочим инструментом Мастера-масона, который воздействует на центральную ось. И, наконец, он упоминается на ступени Королевской Арки как нить, или линия жизни. Уже по тому лишь, что «канат» периодически оказывается в центре внимания, можно заключить, что за этим символом скрывается какое-то очень важное понятие, суть которого необходимо постичь.

Прежде всего следует вспомнить то, что уже было сказано о человеческом организме как о сложном существе, состоящем из нескольких тел (физического, эфирного, эмоционального и ментального), составляющих единое синтетическое целое. Каждое из этих тел состоит из материи различной плотности — грубой или тонкой — и, следовательно, с разной частотой вибраций; но все они управляются центральным божественным принципом, который может и не проявляться во внешнем сознательном разуме (хотя у некоторых людей он может действовать не только тайно, но и в виде более или менее активного «высшего сознания»).

Таким образом, строение человека можно уподобить сервизу из нескольких стеклянных стаканов разной величины, вставленных один в другой. Внутри центрального, самого внутреннего стакана горит нечто вроде лампы — это и есть наивысший центральный принцип. Стекло, из которого сделаны эти стаканы, разной толщины и чистоты, в зависимости от того, насколько далеко стакан отстоит от центра. К тому же некоторые из них могут быть не слишком чистыми или же не совсем точно подходить по форме к другим стаканам. Разумеется, чем стакан несовершеннее по форме, грязнее и непрозрачнее, тем труднее пробиться сквозь его стекло свету лампы; и если такой стакан окажется где-нибудь посередине, он способен скрыть свет от всех остальных, более удаленных от центра. Этот наглядный пример еще раз доказывает необходимость очищения всех составляющих человека оболочек; для беспрепятственного проникновения внутреннего Света он должен быть «совершенным во всех своих частях». Уильям Блейк однажды справедливо заметил: «Если ворота человеческого восприятия как следует прочистить, оно станет безграничным; но человек сам держит себя в заточении и потому вынужден смотреть на мир сквозь узкие щели своей собственной пещеры».

И еще один пример. Сложную человеческую структуру можно сравнить с концентрическими слоями, или оболочками, составляющими луковицу растения (например, гиацинта или того же лука). Здесь все оболочки одинаково чисты и идеально пригнаны друг к другу; поэтому луковица совершенна во всех своих частях (или оболочках), и если посадить ее в землю, то можно надеяться, что она должным образом исполнит главный закон своей собственной природы: ее жизненная сила разорвет первоначальную оболочку и создаст (уже не под землей, но в воздухе) качественно новую надстройку, которую увенчает цветок. Это и будет «венец жизни» луковицы, или вершина ее развития. То же самое требуется и от человека, и, как мы уже показали, именно этому учит масонство своих последователей. Но человек (в отличие от луковицы) обладает свободой воли и потому может либо исполнять, либо нарушать законы природы. Сейчас люди в большинстве своем следуют путем их неисполнения и потому, потворствуя своим извращенным желанием и неверно направленным мыслям, загрязняют и деформируют собственные оболочки.

Отсюда и та духовная темнота, в которую погружен человек, и его подверженность разного рода болезням. Свет центрального принципа не в силах пробиться сквозь замутненные оболочки, дабы озарить разум человека и взять на себя руководство его стремлениями и действиями. Тело человеческое становится для него тюрьмой. Центральный принцип видит, думает и знает только через посредство замутненных внешних оболочек, что и является причиной возникновения иллюзии и нашего блуждания в потемках.

И, наконец, последний пример. Обратимся к хорошо знакомому поучительному эпизоду из Евангелия, где поднявшаяся на озере буря грозила потопить лодку с людьми, главный среди которых в это время «спал на корме». Лодка в данном случае символизирует человеческий организм, а люди в лодке — различные составляющие и способности человека, включая все еще непробужденный высший принцип, пребывающий пока в глубине («на корме» лодки). Но эмоциональное напряжение нарастает, жестокие волны страстей грозят уничтожить всю команду. Ментальный шторм вздымает неуправляемые валы страха, головокружительная качка не дает сосредоточиться и привести в порядок мысли, что еще более осложняет ситуацию. В конце концов положение становится настолько отчаянным, что приходится будить высший принцип и обращаться к нему за помощью. Его благотворное воздействие в одно мгновение укрощает разбушевавшиеся волны и ветер, и повсюду устанавливается «великая тишина».

Каждый истинный (а не только номинальный) Мастер-масон способен производить это чудо в себе, а порою и в своих ближних. Для него в этом нет ничего сверхъестественного и невозможного, поскольку он «обладает масонским Словом и вторым зрением». Ему открыта составная структура любого человеческого организма, он способен видеть его пришедшую в расстройство часть (или части) и направлять туда исцеляющую, гармонизирующую вибрацию из аналогичной части собственного организма, дабы устранить недомогание. Для этого ему достаточно сказать этой вышедшей из-под контроля ментальной структуре или поврежденной эмоциональной оболочке: «Умолкни, перестань!» Каждый Мастер-масон, таким образом, является еще и «Мастером-врачом», способным помочь больному в прямом, медицинском смысле, а также продемонстрировать тем, кто обращается к нему за наставлением и посвящением (в масонском смысле), их внутреннее состояние, дать совет относительно возможных путей исцеления их моральных недугов и удовлетворения духовных потребностей и помочь им очистить и сбалансировать свои несовершенные внутренние тела. Подобное под силу лишь тому, кто уже очистил самого себя и стал совершенным во всех своих частях. Чтобы делиться физическим и моральным здоровьем с окружающими, врач сперва должен исцелить себя сам.

Эта прелюдия о сложности человеческой структуры и о входящих в нее нескольких самостоятельных, но влияющих друг на друга «частях», или оболочках, была необходима для того, чтобы мы смогли теперь поговорить непосредственно о «канате». Ведь должна же существовать некая сила, связующая эти части между собою? А если так, то способны ли они все-таки отделяться друг от друга?

Мы знаем, что при обычных обстоятельствах оболочки находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Именно к этому единству относится известное предписание: что Господь соединил, человек да не разъединит. То, что с таким терпением и прилежанием создавалось эволюцией на протяжении тысячелетий, не следует нарушать из праздного любопытства или даже в порядке самого благонамеренного, но пока еще недостаточно просветленного научного (или псевдонаучного) эксперимента. На этом особенно настаивают как древние Мастера, так и нынешние знатоки нашей науки; и тому есть масса причин, углубляться в которые нет необходимости.

И все-таки некоторая степень отделенности оболочек друг от друга может наблюдаться даже у самого здорового и хорошо организованного человека (не говоря уже о случаях анормального психического расстройства). Это случается, например, во сне, когда сознание остается активным и действующим (целенаправленно либо хаотически). Некоторые люди могут даже «путешествовать» во сне. Подобное происходит также во время болезни или при сильном потрясении. Это явление можно вызвать и искусственно, с помощью алкоголя или наркотиков; «откровение под наркозом» — достаточно распространенный феномен. Во всех вышеуказанных состояниях возможен полный *ec-stasis* — сознательное отделение Эго от физического тела. Видения и даже действия призраков на расстоянии — хорошо известный факт. Подобные феномены объяснимы лишь в том случае, если у человеческого сознания действительно имеется какой-то иной, более тонкий, нежели грубое физическое тело, носитель, в который оно может переходить и функционировать в нем абсолютно независимо от физического тела, а зачастую и от физического мозга.

То, что продолжает поддерживать связь между двумя «частями» в их временном разделении, а затем заставляет их воссоединяться снова, как раз и называется «канатом». Это связующая нить из тончайшей материи, в высшей степени эластичная; она исходит из физической брюшной области и удерживает удаленное тонкое тело подобно тому, как ребенок удерживает на бечевке воздушного змея. И подобно тому, как ребенок может в любую минуту притянуть змея обратно, «канат» всегда может вернуть тонкое тело назад, к его физическому основанию. Но если бечевка оборвется, змей либо сломается, либо его унесет ветром. Равным образом и в случае разрыва человеческого «каната» наступает смерть, и составляющие его природу части остаются каждая на соответствующем ей уровне.

В Библии этот «канат» называется «серебряною нитью». Прочитую хорошо известный фрагмент: «Или когда развяжется серебряная нить и разобьется золотая чаша, тогда тело вернется к земле, а дух — к Богу, его породившему». «Серебро» — это технический эзотерический термин, обозначающий психическую субстанцию, тогда как «золото» означает материю духовную, а «железо» или «медь» — физическую. В физиологическом плане психическому «канату» соответствует пуповина, соединяющая ребенка с матерью. А в церковной символике его аналогом является пояс, который носят еврейские первосвященники, а также христианские священники и монахи.

Каждый человек обладает подобным «канатом», хотя зачастую и не подозревает об этом. Он вступает в действие главным образом во сне, когда отдельные составляющие человека в той или иной мере отдаляются друг от друга. Мастер, однако же, свободен от всех несовершенств, присущих обычному человеку. В отличие от него, он видит, чувствует и контролирует все свои части и остается в полном сознании, независимо от того, бодрствует ли его физическое тело или же погружено в сон. Он может по собственному желанию переключать сознание с обычной для нас мирской деятельности на сверхфизическую. Он способен действовать в отдалении от своего физического тела как на земном, так и на других, более высоких ступенях космической лестницы. Длина его «каната» практически не ограничена; по мере удаления тонкого тела он просто «раскручивается», подобно бечевке воздушного змея, всё более удаляясь от центральной оси. Благодаря этому Мастер-масон способен в буквальном смысле путешествовать в своем тонком теле, а затем по собственному желанию воссоединяться со своим физическим телом, вновь оживляя его. В свете вышесказанного становится понятным, почему каждый Мастер обязан откликаться на все просьбы и призывы, исходящие из всех других Лож Мастеров-масонов, если они находятся на расстоянии, не превышающем «длину каната». Нетрудно догадаться, что местонахождение этих Лож в данном случае определяется не физической их удаленностью, но достигаемостью на эфирном уровне. Чтобы яснее представить себе возможности Мастера в этом плане, достаточно будет вспомнить случаи «раздвоения», прохождения сквозь стены и появления на расстоянии, описанные в Евангелии. Это типичные проявления выдающихся способностей, которыми обладает каждый Мастер.

Символ «каната», следовательно, важен для каждого вдумчивого Каменщика прежде всего тем, что помогает ему лучше понять собственную природу и заранее представить характер той работы, которую ему предстоит выполнять в будущем, когда он станет достаточно хорошо подготовленным к ней. И не беда, если эта работа покажется ему сегодня абсолютно нереальной и непосильной. Как искусный архитектор использует всё тот же канат для того, чтобы разметить место будущего строительства, так и всякий компетентный строитель духовного тела прежде всего раскручивает свою «серебряную нить», дабы научиться осознанно действовать на сверхфизических уровнях восходящей лестницы жизни и постичь природу той надстройки, которую он намеревается возвести.

Важность символа «каната» состоит еще и в том, что он обязательно фигурирует в ритуале принятия в наш Орден каждого нового кандидата на церемониальное посвящение. Ибо каждое истинное посвящение тоже предполагает использование «серебряной нити» (на сей раз уже настоящей, а не символической), или линии жизни, поскольку такое посвящение всегда происходит в тот момент, когда физическое тело погружено в сон или в транс и временно освободившееся от него сознание получает возможность вознестись на вышестоящий уровень. Впоследствии оно, конечно же, возвращается оттуда к физическому организму, мозговой и нервной центры которого при этом преобразуются, просветляются и обретают качественно новую, ранее недостижимую восприимчивость. Любой проницательный масон Королевской Арки без труда догадается, каким образом сия истина драматически изображается в церемониях его ступени.

На эту тему можно было бы сказать еще достаточно много. Ибо, если в церемониальных системах — таких, как, например, масонство, — изображается (или, вернее, происходит) только одно посвящение, в действительности каждый архитектор собственной души следует от посвящения к посвящению, преодолевая одну ступень лестницы за другую по мере своей готовности к восприятию новых откровений и более высокого ритма жизненных вибраций. Нетрудно заметить, однако, что учение и символика нашего Братства излагают принцип, общий для всех ступеней истинного посвящения и потому пригодный для каждого, кто уже готов к восхождению на очередную ступень, вне зависимости от ее высоты. Свой путь к каждой новой вершине кандидат должен начинать так, как будто он снова оказался в роли признанного подмастерья. И каждый раз его будет подстерегать на пути всё та же опасность повернуть назад, не дойдя до цели, либо всё та же противоположная крайность — безрассудно броситься вперед, не разбирая дороги.

ПЕРЕДНИК

В своей предыдущей книге «Смысл масонства» я настолько подробно описал значение масонского передника, что теперь, казалось бы, нет нужды останавливаться на этом снова. Но чтобы не прерывать нить рассуждений, стоит, пожалуй, еще раз в общих чертах напомнить значение этого символа, тем более что нам необходимо во всех подробностях рассмотреть вопрос о расширении сознания и об обретении им новых тел, или носителей, соответствующих этому расширению. Нами уже упомянут агсапит, или «мистерия», давно и хорошо известная в изложении святого Павла и касающаяся воскресения «мертвых» к качественно новой жизни и новому воплощению в теле, которое они сами, автоматически, для себя создают.

Сознание не может существовать вне тела. «У каждого семени (или единицы сознания) свое собственное тело», — говорит посвященный Апостол; перефразируя это на масонский лад, можно сказать: каждой ступени жизни соответствует особый передник, свидетельствующий об уровне духовности его носителя. Как никто не может войти в Ложу без передника, так никто не может войти в невидимые миры без соответствующего тела. Бывают тела земные, предназначенные для использования на низших уровнях жизни, но бывают и тела небесные и эфирные, приспособленные для жизни и деятельности в более высоких сферах. Человек состоит из нескольких тел, помещенных одно в другое, но, как правило, не догадывается об этом, поскольку они еще до конца не сформированы и не скоординированы между собою. Только посвященный знает их все и может использовать каждое в отдельности.

Физическое тело — всего лишь одно из человеческих тел — самое грубое. Оно представляет собой оболочку, слепленную из различных химических частиц, и выполняет функцию связующего звена, или центра притяжения, внутри и вокруг которого размещаются прочие, более тонкие тела. Будучи окончательно оставленным в момент смерти, оно распадается; а когда во сне или под наркозом тонкие тела удаляются, используя эластичность «каната», или «серебряной нити», энергии физического тела временно переходят в пассивное состояние. В любом из этих случаев

Эго покидает свою физическую оболочку, но сохраняет все прочие тонкие тела (независимо от того, осознанно это происходит или нет).

Сие Эго — первоначальный Божественный принцип в человеке — символизируется масонским передником, имеющим, как известно, треугольную форму. Треугольник (или пирамида) служит геометрическим символом Духа, или Огня, поскольку изначальный человеческий Дух можно сравнить с остроконечным языком пламени. (Само слово «пирамида» образовано от греческого «pyr» — «огонь».)

Тело, или форма (или вернее — последовательность тел, или форм), которую Эго приобретает в процессе нисхождения в материю через различные уровни Вселенной, расположенные в виде лестницы, притягивает к себе материю соответствующего ей уровня, из которой и создает собственную структуру. Символом тела является нижняя — четырехугольная часть передника. Четырехугольник, или квадрат геометрически обозначают тело, или форму — физическое строение человека в целом. Форма четырехугольника в данном случае избрана вследствие того, что:

1) всё тело состоит из четырех элементов — земли, воды, воздуха и огня;

2) человеческий организм представляет собою комплексную структуру, состоящую из четырех обособленных частей — физической, эфирной, эмоциональной и ментальной;

3) человеческая природа объединяет в себе все три дочеловеческих царства — минеральное, растительное и животное — и таким образом человек является для них четвертым, синтезирующим этапом развития.

Первое облачение кандидата в передник символизирует переход Эго в наш мир и заключение его в физическую форму, или тело. Оно призвано помочь ему осознать собственную семеричную природу — изначальное совершенное творение Божественного разума: треугольник его Духа в сочетании с четырехугольником материализованной формы составляет совершенное число семь. Кандидат должен понять, что нисхождение в ограниченное воплощенное состояние было необходимо ему для приобретения опыта и для выполнения определенной работы, которая позволит ему самостоятельно возвыситься до полного осознания своей первоначальной природы и стоящей перед ним божественной цели. А еще ему следует знать, что, хотя его нынешняя форма (или состояние) сопряжена с ограниченностью и унижением, она никогда не причинит ему вреда, если он сам не станет вредить ей.

На первой ступени треугольный край передника поднят кверху, на второй — опущен вниз. Тем самым подчеркивается физиологическая истина, согласно которой Эго, или человеческий Дух, проникая в наш мир при рождении, не сразу обретает полномасштабное воплощение, но поначалу находится как бы в подвешенном состоянии, поддерживая органическую связь с телом, но не имея возможности моментально подчинить его своему полному контролю. Эта истина зримо проявляется в нашей повседневной жизни. Моральная и уголовная ответственность начинается только с семи лет, поскольку говорить о пробуждении у ребенка нравственного чувства в более раннем возрасте не приходится. Важные физиологические перемены в человеческом организме связываются с достижением половой зрелости, условный возраст которой — 14 лет. Гражданские права предоставляются в полном объеме только по достижении 21 года. И объясняется всё это простой оккультной истиной, согласно которой полное воплощение человеческого Эго достигается не раньше, чем через 21 год после физического рождения. Соответственно, до этого возраста человек не считается достаточно компетентным для вступления в Орден и вдумчивого постижения науки о самом себе.

По мере своего погружения в тело и подчинения его своему контролю, Эго всё более совершенствует свою способность влиять на него и производить в нем изменения — как благотворные, так и пагубные. Оно либо совершенствует, либо разрушает свои носители в соответствии с собственной волей и желаниями. Оно само начинает накапливать металлы — либо неблагородные, либо драгоценные — и заполняет свой храм либо украшениями, драгоценностями и прекрасными шедеврами самопознания, либо нелепыми безделушками и ничего не стоящими подделками, от которых всё равно рано или поздно придется избавляться. На второй ступени, предполагающей, что человек следует верным курсом, обогащая свое тело полезными приобретениями, данный факт подчеркивается нанесением на передник голубых розеток. А наличие на переднике дополнительных украшений при переходе на третью ступень свидетельствует о том, что человек еще дальше продвинулся по пути мудрости, добился новых успехов на ниве научного самопознания и его Дух приобрел еще большую власть и контроль над формой. И наконец, наиболее Богатым убранством отличается, конечно же, передник Королевской Арки, а также Верховных Лож провинций и государств.

На переднике Мастера изображен знак Тау, обозначающий крест и одновременно — молот Тора, скандинавского Бога. Он воспроизводится трижды, свидетельствуя о том, что носитель передника полностью покорил все три аспекта низшей природы — физический, эмоциональный и ментальный и что он распял их на крестах и держит теперь под гнетом молота своей могучей воли.

И еще одна немаловажная деталь, которую следует упомянуть: передник всегда закрывает детородные органы тела, что опять-таки связано с последующим изображением на нем знака Тау. Духовное строительство, воздвижение собственной «надстройки» во многом зависит от притока созидательной энергии из воспроизводящего нервного центра — «дома силы» человеческого организма. Оттуда творческая энергия поступает вверх, к ганглиевым «преобразователям», и далее, достигнув мозга, окончательно очищается, превращаясь в сознание. Следовательно, накопление этой энергии является необходимым условием для расширения сознания и

приобретения материала для строительства тонкого носителя, или «надстройки», в которой сие расширенное сознание могло бы функционировать. Жизненная энергия всегда обладает творческой силой, направлена ли она на физическое размножение, или же на сверхфизическое строительство; поэтому очень важно, какое именно направление ей придается. Этим, в частности, объясняется и обязательный для священнослужителей обет безбрачия.

Следует также отметить, что на трех существующих в Ордене ступенях облачение в передник производится на западе, и не Мастером, но его главным помощником, которому специально поручается эта миссия. Смысл этих немаловажных деталей заключается в том, что, пока человеческое Эго пребывает в нашем бренном мире (то есть «на западе»), природа как главный помощник и слуга Провидения снабжает его телами из доступного ей недолговечного материала. Но на всех вышестоящих ступенях облачение производится уже на «востоке» — в царстве Духа, и уже руками самого Мастера, ибо возвышенная душа обретает одеяние, создать которое природе не под силу, и теперь «Бог дает ей тело, какое Сам пожелает», уже без помощи какого-либо посредника. При этом каждая такая душа получает свое особенное тело, соответствующее ее заслугам и степени развития сознания.

ВЕТЕР

В наставительных лекциях первой ступени (к сожалению, некоторые Ложы пренебрегают ими) имеется одно любопытное упоминание «дующего ветра», наверняка не раз приводившее в замешательство многих вдумчивых коллег. В самом деле, причем здесь ветер, если речь идет о масонской деятельности, и почему для этой деятельности имеет какое-то значение, дует ли он с востока на запад или же наоборот?

И снова нам придется проникнуть за завесу мертвой буквы. Ведь не случайно же в текст лекции включена эта фраза; и если нам удастся понять ее скрытый смысл, мы сможем еще раз убедиться в том, что составители нашего учения были в высшей степени мудрыми людьми и что они намеренно зашифровывали свои эзотерические знания, прежде чем сделать их достоянием более или менее широкой общественности.

Упомянутый ветер — отнюдь не атмосферное явление. Это ветер (pneuma), который «дует, куда захочет» — ветер Духа, поток Божественной энергии.

Так же и «запад» и «восток» — вовсе не географические стороны света. На языке посвященных и Библии, а также в церемониальной терминологии Ложы восток — это царство Духа и Света, а

запад — царство тьмы и материи, место, куда заходит Солнце. Человеку доступно и то и другое; он поляризован с запада на восток, так как в нем присутствует и Дух, и материя.

Когда мистический ветер дует с востока на запад, поток Божественной энергии стимулирует, оживляет и просветляет материю. Если же он дует с запада на восток, это значит, что человек сам решил направить свой Дух назад, к Богу.

Таким образом, мистический ветер весьма полезен для масонской работы, в какую бы сторону он ни дул. Ведь если масон направляет поток своих стремлений к вершинам (а он должен делать это непрерывно), он превращается в некое подобие динамомшины, вырабатывающей электрическую энергию и посылающей ее наверх (то есть к востоку). Когда же Божественный Огонь, напротив, нисходит на него, говорят, что поток движется на запад. Позволю себе привести одну свидетельствующую о том же цитату: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына человеческого» (в личностное сознание человека).

Молитва — направленное вверх духовное устремление — является, таким образом, практической научной необходимостью для каждого духовного Каменщика. Человека можно сравнить со свинцовым грузом, подвешенным на нижнем конце строительного отвеса. А веревка отвеса, следовательно, является единственным связующим звеном между вершиной отвеса и этим грузом. Но пока свинцовое грузило не перестанет раскачиваться из стороны в сторону и не замрет в вертикальном положении, инструмент не сможет начать работать. Практически то же самое можно сказать и о человеке: до тех пор, пока он не достигнет равновесия и не остановится в точности под своим духовным полюсом, прямое взаимодействие между его низшей и высшей природой остается невозможным. Но когда путь прямому потоку окажется открытым, свинцовая тьма невежества может быть обращена с помощью алхимии Духа в золотой свет Божественного Знания и Мудрости.

Истинным посвященным всегда было известно, что в определенное время дня или года, а также в определенных местах приток божественной энергии может стать особенно активным. Однако современные масоны ничего об этом не знают, хотя в их учении имеются указания на сей счет. В качестве примеров таких благоприятных дат можно назвать дни равноденствий и солнцестояний, а на прочие дни указывает календарь религиозных праздников и постов, принятых крупнейшими церквями мира. Дни двух масонских святых покровителей — святого Иоанна Крестителя в середине лета и святого Иоанна Богослова в середине зимы — имеют особое значение для деятельности духовных Каменщиков; однако первый сейчас игнорируется, а второй до крайности опошлен. Было бы неплохо, если бы Братья задумались над этим. И если Орден со временем сможет лучше понять собственные цели и учения, эти благоприятные дни еще послужат на благо как индивидуальной, так и коллективной масонской работы.

Учение о ветре сопровождается в наставительной лекции напоминанием об исходе израильтян из египетского рабства под предводительством их Мастера — Моисея, который вызвал сильный восточный ветер, разделивший воды Красного моря и тем самым позволивший евреям благополучно уйти от преследователей, после чего сомкнувшиеся волны поглотили фараона и посланное им в погоню египетское войско.

Значение этого эпизода тоже непонятно большинству наших Братьев, ибо у них нет ключа, а без ключа трудно проследить его прямую связь с масонством. В самом деле, воды Красного моря гораздо глубже, чем та лужа, в которой барахтается рядовой разум. Но все, кто достаточно хорошо разбирается в науке посвящений, непременно поймут, что за этим удивительным библейским событием кроется другое, не менее удивительное событие, которое рано или поздно происходит в жизни каждого стремящегося реализовать собственное духовное предназначение.

Я имею в виду тот великий перелом, который неминуемо предстоит пережить каждой человеческой душе, страстно желающей окончательно освободиться от ига плоти. Это высокое стремление ученика позволяет Мастеру (и это было обязательным элементом древних мистерий) разделить его внутреннюю органическую структуру таким образом, что его сознание навсегда освобождается от чувственных оков. «Разделяемые» при этом «воды» представляют собою не что иное, как уже упомянутое ранее текучее тонкое тело эмоций и желаний, при обычных обстоятельствах играющее роль непреодолимого барьера между высшими и низшими компонентами человеческой природы. «Кто освободит меня, несчастного, от этого тела смерти?» — вопрошает тот, кто в конце концов приблизился к сему освобождению. «Тело смерти» и есть те низшие элементы нашей природы, которые удерживают сознание в Духе, не позволяя ему спуститься вниз. Но, как мы уже говорили, опытный Мастер-адепт способен разделять его, так как владеет ключами от жизни и смерти (то есть от сознания и бессознательности Духа). Разделение вод, в таком случае, означает освобождение высшей природы ученика от тирании низшей. Пройдя полосу разделенных вод, он становится свободным от ига рабства, наложенного на него материальной оболочкой, подобно тому, как жестокий фараон поработил народ Моисея. И даже если прежние материалистические привычки и представления продолжают преследовать его, временно разделенные воды снова смыкаются над ними, возвращаясь на прежнее место, и хоронят их под своею толщею, к великой радости отныне свободного ученика.

Вот что происходит в момент истинного посвящения; но достигнуть этого можно только под руководством настоящего Мастера, равного Моисею. Тем, кому неведомы глубинные аспекты науки посвящений, эти кратко изложенные пояснения (а объем и цель книги не позволяют сделать их более подробными) могут показаться чересчур неправдоподобными. Но что же тогда говорить о еще более сокровенных истинах, столь же хитроумно зашифрованных в масонских символах и текстах? Очевидно, что составлявшие нашу систему возвышенных учений хорошо знали все эти истины и могли бы многое поведать о них, но они намеренно избрали путь намеков и иносказаний, дабы каждый вдумчивый масон мог сам дойти до сути, призвав на помощь собственный интеллект, интуицию и проницательность.

ПОИСК УЧИТЕЛЯ

Каждый новоприбывший Брат очень скоро узнаёт, что его масонским долгом является поиск Мастера, который посвятит бы его в суть масонского учения. Многие считают при этом, что им достаточно познакомиться с Мастером из собственной Ложы и вызубрить с его помощью все предписанные ритуалы и лекции, и тогда их долг будет полностью исполнен. И если церемониальное масонство — всё, что им нужно, то они, безусловно, правы, и больше им ничего не требуется. Но тем, кто всерьез решил приобщиться к науке, для которой церемониальное масонство является лишь преддверием, пожалуй, будет небезыntenесно ознакомиться с нижеследующими рассуждениями.

Традиция тайной мудрости считает аксиомой то, что истинное посвящение может быть принято только из рук человека, который сам уже прошел через него. И столь же самоочевидным считается то, что «если ученик готов, Учитель не заставит себя ждать». Обе эти аксиомы можно порекомендовать для усвоения современному масонскому ученику, поскольку и сегодня они актуальны ничуть не менее, нежели в древности.

Поиск Мастера — непростая задача, но обычно толком его никто и не ищет. «Спрашивай, ищи, стучись» — вот самое простое и ёмкое руководство к действию. Но для того чтобы по-настоящему следовать ему, необходимо интенсивное и длительное напряжение воли. Настоящий Мастер ни за что не объявит себя таковым. Ученик сам должен найти его, узнать и признать всюо душой; и вполне возможно, что перед тем, как это случится, его будут одолевать жесточайшие сомнения относительно подлинности статуса избранного им Мастера и своей собственной проницательности. Вы можете тесно общаться с Мастером на протяжении многих лет, даже не догадываясь об этом. Узнавание наступает лишь после установления духовной близости и вибрационной гармонии — вследствие развития интуиции; а до тех пор, пока этого не произошло, физическая личность Мастера значит для нас не больше личности любого другого человека. В одном не приходится сомневаться: Мастер успевает изучить нас вдоль и поперек задолго до того, как мы узнаем или даже поймем, что ищем его.

В экзотерическом плане, согласно традициям практического масонства, молодой человек, желающий вступить в гильдию Строителей, должен сперва найти Мастера-масона, который согласился бы взять его к себе в подмастерья. Далее на протяжении семи лет ученик должен находиться при Мастере, который отвечает теперь за его содержание и обучение. В точности такой же метод используется и в духовном зодчестве. Мастера следует искать и найти; и если ученик будет признан и принят, ему надлежит служить и беспрекословно повиноваться своему Мастеру в течение примерно такого же испытательного срока. Мастер, в свою очередь, реально (а не номинально) отвечает за удовлетворение духовных потребностей ученика. Связь между Учителем и учеником ни в коем случае не должна рассматриваться как нечто временное или

номинальное; это может быть только самая тесная близость и самая серьезная и бескорыстная ответственность за подлинно духовное воспитание ученика. Более того, подмастерье должен духовно слиться со своим Мастером. Согласно красивому и трогательному сравнению величайшего из Мастеров, как курица собирает под крылышко своих цыплят, так и ученик должен искать покровительства Учителя, стремясь стать частью своего духовного наставника. Истинное посвящение (вернее, цепь посвящений), о котором мечтает каждый искренний ученик, не может быть достигнуто без предварительного установления этой тесной, неразрывной связи.

Во времена древних мистерий Мастера чаще всего можно было найти в уединенной келье при каком-либо храме, поскольку посвящения были тогда общественно признанным институтом. И хотя на Востоке никакой официальной организации, занимавшейся устройством посвящений, не существовало, все-таки и в прошлом, и в настоящем поиск Мастера был и остается обязанностью каждого претендента, одной из многочисленных проверок его искренности и настойчивости. На Востоке Мастера называют гуру (и роль его определяют как «снятие завесы мрака с духовных глаз ученика»), а его признанного ученика — словом чела, духовным ребенком (именно поэтому святой Иоанн обращается к своим ученикам, как к «малым детям»). Древнее санскритское слово «гуру» перешло из Индии в Малую Азию и Грецию, где в несколько искаженной форме превратилось в окончание имен таких прославленных посвященных древности, как Протагор, Анаксагор, Пифагор. Причем имя последнего из названных посвященных буквально расшифровывается как Питта- (или Pater-) Гуру, то есть Учитель, или Отец-Учитель, кем он, собственно, и был в дни своей жизни. Связь между наукою посвящений и титулом Гуру подтверждается еще и тем, что это почетное звание сохранилось как в еврейской, так и в масонской традиции в виде имени Хирама Абиффа (в писаниях встречаются также и другие варианты передачи этого имени — Хурам или Курам Абифф), означающего в точности то же самое, что и имя Пифагора — «Отец-Учитель», или, иначе, «Учитель [пришедший] от Отца». Египетская форма имени Хирам — Гермес; а Гермес, как известно, — учитель тайной, «герметической» науки и мудрости, вследствие чего каждому ученику настоятельно рекомендуется изучить два очень важных древних трактата о науке посвящений: «Поймандр» Гермеса и «Пастырь Гермы».*

* Слово «пастырь» в библейской и вообще древней традиции означает «посвящающий», или «иерофант». Отсюда и такие выражения, как «Добрый Пастырь», «Великий Пастырь», «Господь — мой Пастырь» и т.д. Под «Пастырями, охраняющими стада свои», во времена Рождества Христова подразумевались не поселяне-скотоводы, но духовные адепты, ответственные каждый за свою группу готовящихся к посвящению учеников.

Настоящий Мастер, хотя и радуется достойному ученику, но в обязательном порядке подвергает каждого кандидата достаточно жестким испытаниям, прежде чем принять и признать его. Мастер способен «видеть человека насквозь», и никаким лицемерием его невозможно ввести в заблуждение. Ему известны мысли и стремления каждого, кто приходит к нему за просветлением, и потому он может безошибочно судить, насколько подготовлен тот или иной кандидат к

предстоящей ему в случае признания работе и насколько искренне он к ней стремится. В качестве наглядного (и к тому же весьма назидательного для тех, от кого зависит прием в масонский Орден новых членов) примера подобной проницательности я могу поведать одну известную мне историю, имевшую место в Индии.

Молодой человек пришел к одному почтенному Учителю и попросил, чтобы тот сделал его своим учеником и подготовил к посвящению. Он уверял, что хочет найти Свет и самолично узреть Бога. Старый мудрец смерил пришедшего испытующим взглядом, определил его внутреннее состояние и убедился в том, что, хотя его просьбу нельзя было назвать неискренней, все же он был не совсем готов к принятию посвящения, так как еще не полностью отрешился от земных привязанностей и чувственных удовольствий. Откровенно рассказав молодому человеку о своих сомнениях, Учитель доброжелательно, но в то же время решительно предложил ему повременить со своим намерением и вернуться к нему спустя два года. По прошествии указанного срока молодой человек пришел снова и увидел, что старый Мастер купается в реке, протекающей у границ его сада. Стоя на берегу, молодой человек снова повторил свою просьбу, но Учитель, заглянув в его сердце, заметил, что оно по-прежнему не в силах выбрать между велениями внешней и внутренней жизни. Однако, отдавая дань настойчивости молодого человека, мудрец предложил ему войти в реку, а затем, возложив ладонь на его голову, осторожно пригнул его вниз и заставил скрыться под водой. Разумеется, уже через несколько секунд юноша вырвался на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. «Почему ты не остался в воде?» — спросил Учитель. — «Потому что мне нечем было дышать и я хотел выбраться на воздух». — «Так вот, когда ты почувствуешь, — сказал ему Учитель, — что твое стремление к Богу и к внутреннему Свету так же неодолимо, как и твое стремление дышать, тогда приходи ко мне снова, и твое желание исполнится. Но сейчас это далеко не единственное желание твоей души, а получить всё сразу невозможно». И подобно другому несостоявшемуся ученику из Евангелия, наш молодой человек «отошел с печалью», однако впоследствии он все же нашел своего Учителя и получил от него необходимые на данный момент наставления.

Но как же и где же ученикам искать Учителей, если они всё время пребывают в уединении или не раскрывают своей сущности? Прежде всего, ученику можно посоветовать вести поиск как во внешнем мире, так и в себе самом. Следует обращать внимание на каждое, пусть даже самое обыденное событие, вглядываться в каждого встречного — быть может, именно он несет в себе ответ или хотя бы намек на него. Успех поиска напрямую зависит от его интенсивности. «Ищите и обряцете» — это вовсе не пустые слова. Но не следует ожидать встречи с кем-то нарочито ученым или необычно выглядящим; равно как не следует надеяться и на то, что найденный Мастер вкратце изложит вам всю истину за какую-нибудь пару часов. Конечная истина вообще не может быть передана от человека к человеку в устной форме, поскольку она существует в каждом из нас, и задача состоит лишь в том, чтобы отыскать и высвободить ее. Сократ, который тоже был Мастером, хотя его матерью была простая повитуха, часто шутил, что унаследовал от нее профессиональный талант способствовать появлению на свет истины, помогая ей рождаться в головах его знакомых. Следуя той же самой логике, средневековые учителя говорили о «руке повитухи», способствующей скорее извлечению истины из голов самих учеников, нежели внедрению оной в их головы. В каждом из учеников уже заключен собственный внутренний Свет,

а стало быть, ему надлежит очистить себя самого от всех заблуждений и иллюзий, дабы этот осознанный в конечном итоге Свет смог воссиять в полную силу.

И когда придет время и ученик будет во всех отношениях готов к восприятию истины, он действительно сможет лицезреть своего Мастера, встретиться с ним лицом к лицу, уже зная, кто перед ним. Но даже в этом случае следует помнить, что Мастер, будучи человеком прежде всего духовным, не должен восприниматься как отдельная, полностью самостоятельная персона, пусть даже он являет себя миру именно таковым. На самом деле он всегда связан с другими людьми своего уровня, и вместе они образуют единую группу, все члены которой обладают сознанием на уровне Духа. А Дух, как известно, универсален и неподвластен ограничениям времени и пространства. То, что узнает один, становится достоянием всей группы, и наоборот. Вспомните Всевидящее Око, вселенского Стража, который наблюдает за вами и знает все свойства вашего духа, даже если вы сами ничего не знаете о нем.

Таким образом, до тех пор, пока ученик не встретил своего Мастера, необходимо продолжать поиск, ни на миг не теряя уверенности в его благополучном завершении. И можно не сомневаться в том, что на всем протяжении этого поиска вы будете получать самые разнообразные подтверждения того, что Всевидящее Око неотступно наблюдает за вами, поддерживая вашу уверенность в правильности избранного пути. Эти подтверждения могут поступать из самых разных, порою совершенно неожиданных источников: из случайно попавшейся на глаза цитаты в ничем не примечательной на первый взгляд книге, из разговора с совершенно незнакомым человеком или со старым другом, который, сам того не замечая, вдруг произносит очень мудрую и важную для вас фразу. Такими и многими другими возможными способами невидимый Мастер заявляет ученикам о своем присутствии, и количество подобных свидетельств внимания и доброжелательного участия Мастера в нашем поиске будет пропорционально нашей собственной настойчивости и интенсивности наших трудов. Известно, что одна святая женщина — великая британская поэтесса — с такою страстью стремилась найти своего Мастера, что не оставляла без внимания даже самые ничтожные, казалось бы, детали повседневной жизни. Говорят, она даже подбирала на улице клочки изорванной бумаги в надежде, что они подскажут ей долгожданное имя или же подадут какой-нибудь иной знак от неведомого пока наставника. А еще один человек объехал наугад полмира в поисках Мастера и однажды на улице чужестранного города действительно нашел его. Он просто узнал своего Учителя в толпе людей, хотя и не видел его никогда раньше, остановился перед ним и сказал: «Мастер, научи меня!» — и на этом его поиск завершился.

Следовательно, Мастер, которого необходимо найти, — это не просто какой-то человек; речь здесь идет скорее о комплексном — абстрактном — и, если хотите, мистическом понятии, охватывающем тем не менее вполне реальный круг людей, сплоченных в единое Братство Мастеров. Поиск собственного, индивидуального Мастера подразумевает, таким образом, поиск контакта со всей группой духовно связанных с ним посвященных. И наоборот, поиск абстрактного, имперсонального наставления может сблизить человека со вполне реальной личностью некоего Мастера — одного из членов мистической группы. Жизнь в царстве Духа предполагает единство, а не разделенность; и потому для всех ищущих масонов — где бы они ни жили и к какой бы нации и

религии ни принадлежали — есть лишь один Великий Мастер и Иерофант, но проявляться он может в самых разных обликах. Подобно тому, как в Ложе Каменщиков есть только один Мастер, но этого Мастера могут замещать другие его коллеги того же ранга, так и Великий мировой Учитель может отправлять со своих недосыгаемых для простого смертного высот различных заместителей, представляющих его в наших мрачных глубинах.

До сих пор мы говорили только о «внешнем» поиске Мастера. Однако искать его следует не только во внешнем мире, но и в себе самом, поскольку то, что уже осмыслено и достигнуто субъективно и духовно, легче затем найти и узнать в объективном мире. Великий индийский учебник посвящений (Бхагавадгита) гласит:

«В сердцах людей живет Учитель,

Направляющий их деяния и, играя на тончайших струнах,

Заставляющий их танцевать по своей воле. Всею душой

Доверься Ему, и Его лишь призывай на помощь.

Только так достигнешь ты,

Благодаря Его милосердию, величайшего покоя,

Вечного Мира».

Поэтому Мастера следует искать не только во внешнем мире, но и в собственном сердце. Попробуйте мысленно представить его себе. Пусть вместе с вами вечно пребывает его воображаемый портрет — портрет человека, наделенного всеми качествами просветленной души, которая, как вы надеетесь, поможет вам восстать от своего нынешнего мертвого сна, откатив в сторону камень, закрывающий выход из вашего склепа, и шепотом поведав вашей внутренней сущности то самое вибрирующее слово, которое обладает способностью воскрешать из мертвых: «Лазарь! Иди вон». Ведь если заранее не уподобить себя Мастеру и не отыскать в своей душе хоть какие-нибудь точки духовного соприкосновения с ним (пусть даже это будет всего-навсего искреннее желание стать на него похожим), то как же можно рассчитывать на полное отождествление себя с ним при встрече и на место «цыпленка, которого наседка принимает под свое крыло»?

Наша наука, в силу своей универсальности, не ограничивает наше представление о Мастере каким-либо одним примером. Следуйте, говорит она, тому из них, кто вам ближе всего и кто традиционно является защитником и покровителем той расы, к которой вы принадлежите по рождению. Ибо каждый из них способен привести вас к центру, несмотря на внешнее несходство методов, ими предписываемых. Еврейскому Брату она рекомендует обратиться к Отцу правоверных и познать, что значит прижаться к его груди. Брату-христианину она также указывает на Того, на чьей груди лежит возлюбленный ученик, и предлагает самому подумать над тем, что

это означает. Брату-индусу она говорит о Кришне, который ездил на колеснице с Арджуной и призывал его искать точно такого же единения с Учителем. А взоры буддистов обращены к Майтрейе — вселенскому состраданию; именно о нем должны размышлять они в поисках собственного дерева Бо. И наконец, у мусульман есть собственный Пророк, каждому из последователей которого надлежит понять, что означает высшее счастье — вернуться в его плащ.

Пусть же каждый искренний Каменщик ищет своего Мастера там, где только может и как может. И поиск его — *experto crede* — не может не увенчаться успехом. А если его все-таки постигнет неудача, то только по собственной вине — из-за лености духа и слабости воли.

ПЛАТА

В прошлом посвященные в тайную науку («наши древние Братья») были обязаны, как нам говорят, вносить особую плату. Мы знаем также, что платить надо было при входе в храм, и, независимо от размера этой платы, взималась она всегда без возражений, поскольку получатели неизменно доверяли своим плательщикам, в силу чего подразумевалось, что приходящий платит ровно столько, сколько стоит сделанная для него работа. Согласно масонской традиции, плата никогда не вносится деньгами, ибо деньги не нужны тем, кто уже научился обходиться без презренного металла; вместо денег следует приносить зерно, вино и масло. (Обратите внимание на то, что плата складывается именно из трех составляющих.)

Добавлю также, что эта плата вносится до сих пор, причем на том же месте и в той же манере, и получают ее настоящие Каменщики.

Вход в храм символизировал внешнюю, естественную жизнь и потому оформлялся в виде портала, за которым скрывалась жизнь внутренняя и сверхъестественная — центральное святилище. Нам еще только предстоит осознанно достигнуть сего святилища, ради чего мы взбираемся с великим трудом по спиральной лестнице, постепенно перестраивая свое тело и разум, дабы в процессе восхождения приспособить свой организм к новому, более высокому уровню жизни.

Но эти новые тело и разум тоже необходимо подпитывать для поддержания их жизнеспособности; им требуется особая пища, поскольку наш организм строится именно из того, что мы потребляем. Иными словами, мы — то, что мы едим. Таким образом, зерно как раз и идет на строительство тела, на формирование его структуры. Вино необходимо для оживления и стимулирования разума, для укрепления интеллекта и углубления внутреннего зрения. А масло

служит смазочным материалом для всей системы — способствует слаженной работе всех ее частей и не допускает нежелательного трения между ними.

Проникнув в высший символизм этой натуральной платы, мы сможем также распознать, что зерно (или хлеб) и вино — это продукты, предназначенные для жертвенника, и что они служили элементами причастия во время мистерий, задолго до того, как христианский Мастер нашел в некоей «вышней комнате» (или на высшем уровне деятельности) новое применение для пшеницы Деметры и вина Диониса-Бахуса. Тогда как масло — выжатый и очищенный продукт, получаемый из оливок, — символизирует ту Мудрость, которая являет собою квинтэссенцию всех накопленных знаний и опыта и ассоциируется в разных школах мистерий с Афиной, с Соломоном и с Елеонской Горю.

Духовный Каменщик не просто зарабатывает плату за свои труды; точнее будет сказать, что его работа сама, автоматически, влечет за собою благотворные плоды. Заказчиком в данном случае выступает Бог, который заранее вкладывает все свои дары в самого Каменщика; и задача последнего, таким образом, сводится к тому, чтобы обнаружить их в себе и научиться ими пользоваться, что возможно лишь в результате напряженных трудов. (Точно так же сыновьям Иакова были возвращены их деньги в их же собственных мешках с зерном.)

Самого масона сравнивают с пшеничным колосом, питаемым падающими с небес Водами Жизни. Благодаря наличию в человеческой природе животного элемента, он сам себе служит тем «волоом, который молотит копытами пшеницу», отделяя золотые зерна от породивших их стеблей. Он сам себе «молотилка Арауны», отделяющая собственные зерна от своих же плевел. Он сам давит свой виноград, и никто не сможет помочь ему затем процедить молодое вино, ибо вино — это его собственный возвышенный и очищенный разум, коим следует до краев наполнить свой мозг, вытеснив оттуда прежние несовершенные представления. Он сам себе и масличный пресс, ибо из собственного опыта и самопознания извлекает он мудрость — то масло, которое помажет его радостью и наградит высшими способностями. Стекая вниз «по его одеждам», сие масло проявляет себя во внешнем мире — в физической личности и ее действиях.

Теперь становится понятным, почему зерно, вино и масло кладут на алтарь во время освящения каждой масонской Ложы — именно эти продукты символизируют плату, заработанную Каменщиком. На воротниках служителей Главной Ложы неслучайно изображены колосья пшеницы и побеги оливы: этот символ свидетельствует о том, что каждый, кто, подобно им самим, достигнет высот масонской профессии, обретет реальную способность причащать хлебом, вином и маслом тех, кто стоит ниже его в иерархии Ордена.

Однако бывает и другая, менее приятная плата, которую тоже следует принимать без сомнений и недоверия, поскольку она тоже является свидетельством развития и к тому же дисциплинирует ученика. Человек не может приступить к переустройству собственной природы и преобразованию

своей внутренней структуры, не вкусив всех заслуженных им плодов и не затрагивая (порою весьма бесцеремонно) ткани своих эмоциональных и ментальных оболочек. Поэтому для тех, кто всерьез решил взяться за возведение собственного храма, то и дело возникающие препятствия или неприятности — вещь вполне обычная. Нередко платой за их труды становятся неудачи в мирских делах, болезни, потеря прежних друзей и другие подобные вещи. И тому есть вполне естественное объяснение. Внутри нас посеяны зерна всех наших прошлых деяний и эмоциональных переживаний — как положительных, так и отрицательных. Внутри нас хранятся все наши прежние мыслеформы и возведенные нами самими конструкции из неблагородного металла. И если мы пытаемся разрушить их и выбросить прочь все ненужные обломки, это тоже требует немалых усилий, поскольку наши попытки наталкиваются на мощное сопротивление разрушаемых структур.

Тот, кто осознанно продвигается к Свету (а сие стремление есть долг каждого искреннего масонского ученика), самим этим фактом бросает вызов всем своим прошлым проступкам и заблуждениям и вообще всей своей иллюзорной личности; причем сила противодействия последней пропорциональна интенсивности стремления претендента вырваться из темноты. И если его борьба будет действительно успешной, проникающий внутрь его естества сквозь «слуховое окно» Свет не только принесет претенденту озарение, но и неизбежно высветит и активизирует все его скрытые негативные тенденции, подобно тому, как солнце заставляет копошиться отвратительных насекомых тварей, доселе дремавших в темноте под камнем, который вы только что перевернули. Свет беспристрастно воздействует как на благотворные, так и на вредоносные составляющие человеческой природы. Точно так же солнечные лучи заставляют расцвести розу и в то же время вызывают активное гниение валяющейся рядом с нею падали. Свет способствует духовному росту, но одновременно с этим стимулирует бурный рост прочих, некогда зароненных в глубь человеческой природы зерен, которые в противном случае могли бы еще долго пребывать в латентном состоянии, дожидаясь своего часа. Процесс подготовки к посвящению неизбежно пробуждает к активной жизни все добрые и дурные всходы, являющиеся ни чем иным, как сконцентрированными последствиями прошлого, потенциальными результатами собственных деяний и недеяний; словом — всё, что, постепенно выходя из латентного состояния, определяет будущую судьбу человека. Их нормальное неспешное прорастание, таким образом, форсируется и становится неестественно быстрым. И может показаться, что на голову того, кто отыскал наконец дорогу к спасению и решил во что бы то ни стал его достичь, изливаются чаши незаслуженного гнева. Однако и это — тоже плата, которую получает человек за свое достохвальное начинание! И коль скоро ученик еще недостаточно хорошо изучил самого себя, не видит всего, что в нем скрыто, и не знает, что путь посвящения предполагает интенсивное и головокружительно быстрое эволюционное восхождение, все эти напасти могут отпугнуть его от дальнейшего поиска. Поэтому очень важно дать претенденту понять, что он действительно заслужил получаемую им плату, какой бы она ни была; что она представляет собой результат его прошлых деяний; и что чем скорее будет установлен баланс между дебетом и кредитом в написанной им самим большой книге счетов собственных свершений, тем скорее перед ним откроется свободная дорога к намеченной благородной цели.

«Плата за грехи есть смерть» — смерть в смысле духовной бессознательности, пусть даже на более низких уровнях человек проявляет настоящие чудеса активности. А «грех» во всех его

возможных проявлениях — это, в конечном счете, дисгармония, порожденная чрезмерным вниманием к собственной нереальной личности в ущерб имперсональной Универсальной Сущности, Святому Духу. Путь посвящения предполагает полное и бесповоротное забвение собственной физической личности. Следовательно, справедливый и совершенный человек и масон должен быть абсолютно бескорыстным. Быть бескорыстным — значит быть безгрешным, а быть безгрешным — значит осознанно войти в Царство Небесное и стать совершенным орудием его Силы и Славы.

ЗАКОН ГОРЫ

В масонстве, как и в Библии, и в любой другой древней версии мистического учения, часто упоминаются горы и холмы, и та деятельность, которую надлежит осуществлять на их вершинах Ложам и собраниям Братьев.

Следует сразу же пояснить, что во всех этих случаях речь идет не о физических горах и вообще не о географических объектах, но о духовно возвышенной деятельности некоторых определенных групп или школ посвященных. Духовная наука не имеет ничего общего с материальными объектами, если только они не служат фундаментом или отправной точкой для достижения духовных результатов.

С незапамятных времен индийские почитатели Вед говорят о священной горе Меру, которая в более поздние времена была названа евреями горою Мориа. У греков тоже были свои священные горы — Олимп и Парнас, — на вершинах которых обитали Боги. Израильтяне получили свой закон из рук Бога на горе Синай; христиане свое учение — на Елеонской горе. Деревянные части храма Соломона были привезены с Ливанских гор. В Евангелии говорится о «весьма высокой» Горе искушения и о высокой Горе преображения. Прометей был принесен в жертву на Кавказской горе (или Ко-кайон, то есть «эфирное пространство»), а Христос — на горе Голгофа. Средневековая христианская мистическая традиция повествует о скрытом святилище мистерий и о святом Граале, находящемся на горе Монтсальват (то есть горе безопасности или спасения) в Пиренеях (имя которых происходит от названия «Парнас»).

Ни одну из этих гор не следует искать в физическом пространстве и во времени. Их названия суть мистические имена, связанные со сверхфизическими высотами, коих человек может достичь в своем духовном сознании. И хотя эти названия (по крайней мере, некоторые из них) существуют теперь на географической карте, сами эти горы и связанные с ними идеи существовали задолго до того, как они были привязаны в символических целях к тем или иным географическим объектам. Во всем мире практически нет такой страны, где не было бы своей священной горы, напоминающей жителям о заоблачных вершинах и связанных с ними священных традициях. Заснеженные Гималаи — постоянное напоминание обитателям Востока о вечном небесном

покое, в Японии священной считается гора Фудзияма, в Британии — Сноудон. И если сии священные вершины были когда-либо (а они действительно были) местом проведения тех или иных религиозных ритуалов, то своею святостью они обязаны все-таки не этим обрядам и церемониям, но прежде всего — стоявшим за ними мистическим идеям. Самые названия этих гор в большинстве своем образованы от терминов, характерных для религиозных учений, получивших распространение в данном регионе, и потому составляют нечто вроде духовной географии, заботливо хранимой теми народами, чье духовное наследие признано во всем мире (например индусами, греками, евреями). Опять же, материалистические склонности человеческого разума часто приводили к овеществлению и географической локализации того, что изначально являлось исключительно духовной идеей.

Когда о посвященных прошлого говорили, что они открывали Ложы или проводили свои обряды на той или иной горе или вершине холма, это означало только то, что они обращались к деятельности высшего духовного порядка — недоступной и непостижимой для нынешнего рядового масона, коему знаком, как правило, лишь один вид деятельности — церемониальный. На самом же деле местом собрания Ложы вовсе не обязательно служила какая-то физическая возвышенность, чему мы могли бы привести массу примеров. То, что под восхождением на гору подразумевалась определенная сверхфизическая работа, можно заключить хотя бы из афоризма, бытовавшего среди посвященных одной высокой ступени старого шотландского масонства. Со своеобразным юмором, который человеку несведущему может показаться несколько странным и непочтительным, они говорили, что их Ложа изначально собиралась на одном из холмов на севере Шотландии, где «петух никогда не кукарекал, лев никогда не рычал, а женщина никогда не болтала». В традиционной эзотерической терминологии (равно как и в Библии) «север» означает всё то духовное, что никогда не проявляется, в то время как три остальные главные страны света обозначают разные степени духовного проявления. Упоминание петушиного крика указывает на запятнанную совесть святого Петра, не позволившую ему выйти за пределы бренного мира и свидетельствующую о его духовном несовершенстве. Лев символизирует дьявола, который «бродит аки лев рыкающе» в нижнем мире, будучи не в состоянии пробраться в вышние, Райские сферы. Третий символ напоминает о созерцательном молчании души («женщины»), вознесшейся на тот высокий уровень жизни, о котором псалмопевец говорит, что «там нет ни речи, ни языка, но голоса их слышны между ними». Гомер подтверждает ту же самую истину в «Одиссее», где Улиссу говорят в связи с определенного рода мистериями следующее: «Храни молчание; уйми свой разум и ничего не говори; так поступают Боги на Олимпе».

Предоставим читателю самому строить предположения относительно характера духовной деятельности истинных посвященных. Скажем только, что сия деятельность осуществляется не в физическом теле и не через посредство физических способностей; для нее требуются способности более высокого порядка, нежели те, которые может развить в себе в наши дни обыкновенный человек, и ареною для нее служит не физический мир, но эфирные уровни. Замечательным примером подобного рода работы может служить приведенное в 19-й и 24-й главах Исхода описание Ложы старейшин, или посвященных адептов Израиля на «Горе Синай». Впрочем, просвещенный читатель сможет обнаружить аналогичные примеры и во многих других фрагментах обеих частей Священного Закона, равно как и в иных мистических текстах.

Переходя от сложных философских понятий к более простым вещам, мы можем сказать, что всякий, кто стремится стать истинным посвященным и мечтает о той работе, которая возможна лишь на вершинах гор (а кроме посвященных к ней никто не может быть допущен), должен сперва подчиниться Закону Горы. Сей Закон назван так, видимо, потому, что связан с возвышенными учениями и абсолютно иным образом жизни, нежели тот, коему следует сейчас непосвященное большинство. У нас этот факт получил отражение в общеизвестном предписании, согласно которому поведение масона должно «отличать его от других людей и возвышать над ними» (то есть быть более совершенным, а не просто экстравагантным). Отсюда и то наставление, которое Великий Мастер передал своим посвященным ученикам, известное как «Нагорная Проповедь» якобы из-за того, что оно было передано на склоне холма. Имеется, однако, немало других изложений посвятительной науки, известных под тем же названием, самым выдающимся из которых является, пожалуй, собрание красноречивых и поучительных рассуждений, имя которому — Божественный «Поймандр» Гермеса. И это, и многие другие сочинения именуется «нагорными проповедями» вовсе не потому, что связаны с какой-либо конкретной возвышенностью, но лишь в силу того, что повествуют о вещах духовных, присущих высшему уровню мышления и деятельности, на котором должен жить каждый посвященный. Следовательно, в данном случае «гора» — это посвящение, то единственное состояние, в котором чувства умолкают и дух человеческий может постигать высшие истины.

О том, насколько уровень мышления и деятельности посвященного превосходит возможности обыкновенного человека, можно судить хотя бы по тому, что общество, каким бы цивилизованным оно ни было, не в состоянии ему соответствовать. Даже церковь признает Нагорную Проповедь не совсем приемлемой для практического применения в повседневной жизни. Ее называют теоретическим образцом совершенства, к которому следует стремиться, но даже церковники согласны с тем, что Нагорная Проповедь не во всем соответствует нашему сложному общественному устройству, всех реалий которого никак не мог предвидеть заранее ее автор; и потому, хотя она и совершенна как теоретический идеал добродетели, в практической жизни допустимы и неизбежны некоторые отклонения от ее заповедей. И со своей приземленной точки зрения они абсолютно правы. Непросветленный мир действительно не в состоянии в точности следовать установлениям Нагорной Проповеди. Но не следует забывать и о том, что сие возвышенное учение никогда не предназначалось для широкой публики. Оно было изначально адресовано лишь тем немногим, кто уже перерос и потому отверг идеалы внешнего мира и кто ищет посвящения в новую, более совершенную жизнь, которая во всем противоречит их прежней мудрости.

В свою очередь, истинному посвященному необходимо во что бы то ни стало придерживаться духа и буквы этого учения, даже в ущерб собственным физическим интересам; и пока его праведность не превзойдет общепринятые представления о добропорядочном образе жизни, он не сможет в полной мере понять ту цель, к которой стремится. Следовательно, вся жизнь истинного посвященного и тех, кто искренне желает стать таковыми, неизбежно должна идти вразрез со стандартами и методами всего остального мира, из-за чего возникает впечатление, будто последний намеренно мстит за пренебрежение его законами и обычаями. И потому каждый посвященный рискует уподобиться Хираму Абиффу, все попытки которого выйти за ворота своего храма и вступить в контакт с внешним миром заканчивались столкновениями с

«разбойниками», гневом на него непосвященных за отказ от соблюдения общепринятых условностей и назойливыми попытками выведать секрет его превосходства. В этом кроется одна из причин молчания и таинственности, коими окружают себя посвященные, а также требования соблюдения секретности для членов масонского Ордена. Это своего рода самозащита, необходимость которой признавал и христианский Мастер, говоря, что не следует бросать жемчуг перед теми, кто не в состоянии его оценить, «чтобы они... обратившись, не растерзали вас».

Обычный, непосвященный человек следует путем самоутверждения и материального накопления; он стремится закрепить за собою всё, что может получить от этого мира — в том числе мудрость, знания и силу. И это его поведение нельзя назвать ни ошибочным, ни предосудительным, поскольку он всего лишь следует закону собственной природы — единственному закону, который он пока знает. Зачастую он даже не догадывается о том, что может существовать еще и другая, более возвышенная природа и какие-то иные законы, управляющие жизнью. Но посвященному открыто и то и другое; и потому, чувствуя несомненное превосходство духа над ограниченностью физического мира, он отвергает те идеалы, которых придерживаются его менее просветленные собратья. Он живет на Горе и подчиняется закону Горы, и там на него нисходят мудрость, благодать и сила, превосходящие всё, о чем только может мечтать непосвященное большинство. Великий Мастер называет посвященных «солью земли», ибо без их облагораживающего присутствия мир погрузится в еще большую скверну, нежели сейчас. «Десять праведников (то есть посвященных) спасут город», — так сказано о «городах на равнине», символизирующих всю цивилизацию в целом.

Однако человек стремится (или должен стремиться) к посвящению в высшую жизнь и даруемой им мудрости и силе вовсе не ради собственного возвышения или спасения. Искать посвящения, исходя из указанных соображений, было бы равносильно заведомому отказу от его главной цели, поскольку ни о каком отречении от следования мирским идеалам в данном случае не может быть и речи. Единственным мотивом каждого претендента должно быть стремление к совершенствованию всего человечества, желание стать одним из его спасителей, пожертвовав ради этого собою. Истинный посвященный бескорыстен, он не ищет ничего для себя и не настаивает на тех «правах», о которых так пекутся люди менее знающие. Отдав на распятие свою физическую личность, он получает возможность взглянуть на жизнь рода человеческого со стороны и стать совершенным орудием его спасения. Сверхчеловеческая мудрость и сила приходят к нему, но не ради его личного блага, а ради блага всей расы; он становится главным среди людей, но лишь потому, что теперь он — их слуга; а самым убедительным из ораторов его делает совершенное молчание.

Секретность, присущая масонству, объясняется, как я уже говорил, теми же самыми причинами. Накопление духовной энергии может происходить только в тишине. Погрузившись в тишину, претендент должен сконцентрировать все свои силы и вознестись от собственной земли к собственным же небесам, оставляя Кесарю внешнего мира только то, что принадлежит ему, но во всем остальном следуя едино лишь закону Горы. Именно это и «отличает его от других людей и возвышает над ними». И пусть нынешнее масонское Братство далеко не в полной мере осознает значение своих учений — это ни в коей мере не означает, что имеющейся в его распоряжении

информации недостаточно для того, чтобы подвести человека к посвящению (к тому истинному посвящению, о котором я веду речь на страницах этой книги). Поэтому каждый из Братьев может стремиться к нему, и эта цель станет для него реальной, если он последует призыву древнего мудреца из поэмы Теннисона:

«Оставив теплое болото сладострастья,
Что Безымянное скрывает от тебя,
Примись за труд, не зная небреженья,
Взойди по склону Горы Благословенья;
С ее вершины сможешь заглянуть
За сотни разных гор — больших и малых:
Туда, где отступают Ночь и Тень
И где рассвет, сулящий вечный день,
Вдруг воссияет над Горой Прозренья!»

«ОТ ТРУДОВ К ОТДЫХУ»

Читатель-масон, прекрасно знающий, что каждый постулат теоретического масонства имеет метафорический характер и несет дополнительную символическую нагрузку, сразу же догадается, что обращенный к Ложе призыв перейти от трудов к отдыху или же наоборот — от отдыха к работе — подразумевает нечто совершенно иное, нежели просто предложение оставить на время ритуальные и церемониальные занятия и пообщаться в более непринужденной обстановке за обеденным столом.

Известная формула роспуска Ложи после того, как каждому из Братьев будет воздано по его заслугам, несомненно была заимствована из практической деятельности, когда Каменщики Ордена периодически получали материальную плату. Но теперь она превратилась в *Ite, Missa est!* духовного масонства и обрела священный смысл. И для того чтобы постичь его, следует сперва уяснить, что означают такие понятия, как «труд», «отдых» и «вознаграждение» — в их возвышенном, скрытом значении.

Сначала поговорим о труде. Сей термин означает по большому счету не церемониальную деятельность Ложи, но процесс самосовершенствования, о котором ни на минуту не должен забывать истинный поборник внутреннего Света. Следует напомнить, что данный процесс не

может протекать сам по себе, и каждое достижение на ниве самосовершенствования дается нам лишь вследствие напряженных целенаправленных трудов. Как писал об этом Вергилий: «Nis labor; nos opus est». «Боги жалуют своими дарами лишь тех, кто сам их заработал», — гласит еще одно древнее мудрое изречение. Очищение физических чувств и исправление личностных недостатков составляет лишь часть (причем самую простую и примитивную часть) обязательной работы. А переориентирование разума на новые идеалы, необходимые для этого учеба и практические исследования, а также концентрация мышления и строгий контроль над своими желаниями — отнюдь не детские забавы; и если относиться к этому как к простому увлечению, цель так никогда и не будет достигнута.

Но интеллектуальный и духовный труд требует отдыха и восстановления сил в неменьшей мере, нежели труд физический. К тому же плоды сего труда нуждаются в периодическом усвоении, что возможно лишь в спокойной обстановке. Для обретения бессмертной силы и стойкости, а также для того, чтобы стать гармонично развитым и совершенным во всех своих частях, необходимо чередовать мудрую деятельность (Боаз) со столь же мудрою пассивностью (Йахин). Духовное строительство не терпит суеты: только тот строит уверенно, кто строит неспеша. *Festina lente!* — «Поспешай не торопясь!» — вот древнее наставление для тех, кто «закладывает великий фундамент вечности». И еще одно мудрое речение: «*Ne quid nimis!*» — «Ничего сверх меры!».

В наше время непросто сочетать подобного рода деятельность с повседневными обязанностями, которые налагает на нас физическая жизнь. Но для того, кто действительно стремится к духовному росту, гармоничное сочетание всех своих обязанностей должно стать непосредственной частью процесса самосовершенствования; при этом следует исходить из того, что ваш нынешний общественный статус и род занятий — это как раз то, что вам требуется на данном этапе для скорейшего эволюционного продвижения. Разумеется, сложностей и препятствий будет более чем достаточно, но это, опять-таки, необходимая составляющая процесса — своего рода тест на верность избранному пути. Противодействие среды — необходимая составляющая роста и развития доселе скрытых способностей. Каждый претендент должен упорно и добросовестно стремиться к достижению поставленной цели, точно так же, как каждый желающий вступить в масонское Братство должен проявлять упорство в ходе церемониального отображения этого процесса. И каждый Брат может быть уверен в том, что получит вознаграждение, соответствующее затраченным трудам.

«Есть время для отдыха и время для сна». Отдохновение от трудов — такой же конструктивный элемент прогресса, как и сам труд, поскольку разум должен усвоить, а человеческая природа — органично встроить в себя все плоды, достигнутые трудом. К тому же, когда Учителем является ваш собственный, постепенно пробуждающийся центральный принцип, его учение легче воспринимать сердцем, в состоянии покоя, нежели умом, в процессе активной деятельности. Медитация и размышления содействуют просветлению гораздо больше чтения книг или каких-либо иных способов получения информации извне.

Скажи, ты помнишь ли о том,

Что чуда ждать не надо?

Все достается лишь трудом,

И по труду — награда.

Для нормального функционирования нашего внешнего тела природа создала пассивно действующую симпатическую систему, которая регулирует пищеварение, распределяет энергию, восстанавливает ткани и так далее; причем делает всё это автоматически, без вмешательства активного сознания. Точно так же в нашем высшем существе действует аналогичный принцип, который определяет значимость мыслей, конкретизирует и упорядочивает идеи и благополучно разрешает многие наши проблемы и затруднения, не требуя при этом нашего осознанного вмешательства. Этот высший принцип следует отыскать и сделать своим практическим помощником в деле собственного внутреннего строительства, для чего необходимо понять его и научиться доверять ему. Древние авторы называют его Археем, или скрытым Меркурием, который собирает плоды наших осознанных усилий и извлекает из них пользу, превращая в материал для сооружения «надстройки», или тонкого тела. Для формирования физического тела человека потребовались столетия; столь же долговременным процессом является возведение сверхфизической структуры — цели подлинно масонского строительства. Однако процесс этот можно ускорить, если ознакомиться с его научным обоснованием, что, собственно, и должен делать каждый масон. «Строительство самого себя» — вот в чем состоит «труд» настоящего Каменщика; и, как мы уже показали, эта работа включает в себя помимо активного еще и пассивный аспект.

Эта проблема слишком сложна для того, чтобы все ее стороны могли быть изложены в нескольких словах. Здесь мы лишь в самых общих чертах сформулировали ее, так как более детальное ознакомление с нею должно стать предметом индивидуальных исследований и, по возможности, персонального обучения. Ведь теоретически каждый Мастер-масон должен быть достаточно квалифицированным для того, чтобы наставлять в вопросах масонского строительства своих Братьев, стоящих на менее высоких ступенях.

Пусть читатель поразмыслит над тем, что масонский «труд» предполагает достижение человеком целостности и совершенства, что его целью является «завершение круга человеческой эволюции». Человек совершенный геометрически изображается в виде круга, символизирующего целостность, завершенность и самодостаточность. Однако человеку не следует забывать о том, что в своем нынешнем состоянии он представляет собою не круг, а квадрант, занимающий всего лишь четверть полного круга. Где же в таком случае искать недостающие три четверти человека? Ведь не обнаружив и не изучив их так же хорошо, как мы знаем сейчас свою уже освоенную четверть, мы никогда не сможем ни достичь совершенного круга, ни познать в полной мере самих себя.

В этом вопросе масонство теснейшим образом соприкасается с мистической геометрией — наукой настолько важной, что сам Платон в свое время торжественно заявлял, что в его Академии, где преподаются истинная философия и онтология, нечего делать тем, кто пока еще не знаком с нею. Дело в том, что в прежние времена сии эзотерические загадки бытия получали геометрическое отображение; и отголоски этой науки до сих пор слышны в наших упоминаниях о квадратах, кругах и треугольниках, но всего отчетливее — в 47-й задаче первой книги Евклида, ставшей ныне отличительным символом тех, кто достиг звания Мастера. Но многие ли из носящих сейчас эту эмблему имеют представление о том, что она означает? А ведь для посвященных в ее скрытый смысл — это прежде всего математическое обозначение наивысшей меры достижений человека в деле возвращения собственной душе некогда утраченного ею божественного величия. И нет ничего удивительного в том, что великий посвященный, составивший сей символ, преисполнился радостью, когда на собственном опыте познал весь его глубокий смысл и значение и понял, что в этот благословенный час он «принес в жертву гекатомбу быков» — выражение, смысл которого (как и значение самого символа) читателю надлежит постичь самостоятельно, поскольку он не поддается ни упрощенному, ни поверхностному объяснению. Говорят, что сам Пифагор раскрывал его значение своим ученикам лишь после пятилетнего срока молчания и медитации. Эти пять лет соответствуют тому периоду, который теоретически должен отводиться для работы на ступени признанного Каменщика. Современного масона учат тому, что данный период предоставляется для размышлений о тайнах природы (то есть собственной природы) и о принципах интеллектуальной истины, с тем чтобы постепенно приобщиться к ним и через это осознать свою связь с Божеством. Отказываясь раскрывать сии геометрические истины своим ученикам до истечения пятилетнего срока самостоятельных размышлений на данную тему, великий учитель из Кротона давал таким образом возможность каждому искреннему ученику самому осознать их важность и во многом самостоятельно постичь их суть.

Следовательно, труд (в изложенном выше смысле этого понятия) и чередующийся с ним отдых составляют определенный ритм активности и покоя — ритм, подобный тому, с которым мы встречаемся в своей повседневной жизни, чередуя бодрствование со сном и работу с отдохновением. Но говорить о высшем масонском значении отдыха, как правило, еще сложнее, нежели о философическом труде, поскольку первый связан прежде всего с тем аспектом нашего существования, на который мало кто обращает достаточно серьезное внимание, а именно с субъективной стороной жизни души, тогда как большинство людей знакомы в настоящее время лишь с противоположной, объективной ее стороной. По большому счету, сей мистический отдых представляет собою то, о чем говорится в следующих строках стихотворения Спенсера:

«Сон после праведных трудов, покой после войны,

Штиль после шторма, смерть за жизнью следовать должны».

Для мудреца изучение субъективной половины жизни ничуть не менее важно, нежели изучение другой, объективной ее половины, ибо без нее круг самопознания так и останется незавершенным. Каждый достаточно наблюдательный масонский ученик знает благодаря формуле, употребляемой при закрытии Ложы, о существовании великого Стража жизни и смерти,

который призывает все души снизойти в объективный мир, где они могут трудиться над собою, а после вновь отзывает их, приказывая оставить свои труды и вернуться к субъективному божественному отдыху, дабы восстановить силы для следующего нисхождения, и так далее. Следовательно, существует «день», когда душе предоставляется возможность трудиться ради самосовершенствования, и есть «ночь», когда человек не может продолжать эти труды. Соответственно, для каждой души бывает утро и вечер, составляющие необходимые фазы каждого творческого дня, закономерно дополняющие друг друга. Человек совершенный должен совместить в себе обе эти противоположности; для него, как и для его Создателя, Свет и тьма должны слиться воедино.

Это старое как мир тайное учение — общее как для Востока, так и для Запада, для пифагорейцев и платоников, равно как и для всех школ посвящений, — наиболее ясным и сжатым образом изложено в диалоге Платона «Федон», на который обращается внимание каждого масонского ученика как на самое поучительное сочинение, раскрывающее мистическую сторону науки. В нем говорится о существовании всё того же великого ритма жизни и смерти и о том, как душа в процессе своего эволюционного продвижения создает для себя телесные одежды, а потом изнашивает их, непрестанно переходя из объективного состояния в субъективное — от трудов к отдыху и обратно, во исполнение своей великой цели — самоосознания. И если Платон, следуя данной ему (вполне справедливой, на мой взгляд) характеристике, действительно был Моисеем для аттических греков, то вряд ли можно будет удивляться тому, что в словах самого Моисея обнаруживается то же самое посвятельное учение, изложенное в зашифрованной форме. Разве не говорится в известном псалме Моисея, что человек постоянно «подвергается разрушению», но затем слышится глас, призывающий: «Восстаньте, сыны человеческие!»; и что субъективный духовный мир служит человеку убежищем, где он обретает покой между объективными проявлениями? И чем же, как не перефразированным воспроизведением этих же самых великих слов утешения является масонское учение, согласно которому в процессе самосовершенствования душа периодически призывается то к труду, то к отдыху? Душа обязана трудиться, но должна и отдыхать от трудов; в субъективном мире душе каждого Брата надлежит вкушать плоды собственной объективной деятельности, ибо они неотступно следуют за нею. И так будет продолжаться до тех пор, пока не завершится предначертанная ей работа: тогда душа «превратится в столп в Доме Бога и не выйдет из него более» в нашу подлунную мастерскую, где она была трудолюбивым Каменщиком, создающим самое себя.

«Не за динарий ли ты договорился со мною?» — вопрошает в притче Великий Мастер. И диск монеты в данном случае символизирует целостность, самодостаточность и завершенность, всегда изображаемую в виде круга, — то самое состояние, к достижению которого должен стремиться каждый масон. Замкнув круг собственного бытия, человек получит честно заработанный динарий и всю остальную «плату», которая ему причитается, но не только это: ибо круг его теперь уже сияющего существа уподобится животворящему солнцу, и он сможет сказать, вслед за египетскими посвященными, наблюдавшими в часы рассвета, как удаляется от песков пустыни устремленный в лазурную высь солнечный диск: «Я — восходящий Ра!»

ВЕЛИКАЯ ВЕРХОВНАЯ ЛОЖА

В ритуалах Ордена упоминается также существующая выше Великая Верховная Ложа со своим Великим Мастером и служителями. Вполне естественно, что данное упоминание трактуется обычно как изъявление благочестивой убежденности в том, что наиболее достойные масоны после смерти вновь объединяются, образуя на небесах сию Великую Ложу.

Что и говорить, эта вера несомненно делает честь тем, кто ее разделяет; но тем не менее есть все основания полагать, что изначальное представление об этой Ложе было совершенно иным. Сие предположение основывается на многовековой эзотерической традиции, согласно которой небесная масонская Ложа не просто существует параллельно, но предшествует по времени масонскому Братству на земле. И если бы это было не так, то земной Орден вообще не смог бы появиться на свет; ибо, согласно все той же гипотезе, наше масонское Братство является лишь тенью и физическим отражением аналогичной ему иерархической структуры, существующей в сверхфизическом мире. Иными словами, земной масонский Орден есть следствие и порождение Великой Верховной Ложы, а не наоборот. Последней вовсе не обязательно пополнять свои ряды усопшими членами первого, поскольку смерть тела *per se* еще не является пропуском в Великую Верховную Ложу (для этого, как опять же свидетельствует традиция, необходимо обладать определенными качествами и познаниями). В то же время жизнь в физическом теле нимало не препятствует вступлению в Небесную Ложу должным образом подготовленного масона, который, даже оставаясь во плоти, может обрести способность осознанно сотрудничать с нею.

Несложно проследить сходство между этим учением и созвучной ему теологической доктриной о взаимодополняющей связи между воинствующей церковью на земле и торжествующей церковью на небесах — доктрине, утверждающей возможность общения между всеми святыми, как по ту, так и по эту сторону занавеса. Разумеется, тот факт, что данное учение присутствует и в церкви, и в масонстве, еще не означает, что абсолютно все приверженцы этих двух общин достаточно хорошо разбираются в нем или хотя бы знают о его существовании. Но он явно указывает на то, что, как раньше, так и сейчас, некоторые представители как церкви, так и масонства хранили и продолжают хранить сие учение, полностью разделяя его.

Далее на страницах этой книги мы продолжим разговор о Великой Верховной Ложе, и, возможно, вдумчивый читатель сможет извлечь для себя из этой беседы нечто большее, нежели то, что будет непосредственно передано словами. Эта тема заслуживает гораздо более пристального внимания в сравнении с тем, что уделяет ей Орден ныне; но тот, кто проявит к ней достаточный интерес, не ощутит недостатка в письменных свидетельствах на сей счет. И об одном из таких свидетельств — на мой взгляд, достаточно важном — мне хотелось бы рассказать в этой книге.

Речь пойдет о замечательном собрании примеров духовного общения — в высшей степени поучительных и ценных для каждого Брата, желающего проникнуть в духовную суть масонской

системы. Его составил поистине святой человек и выдающийся посвященный Карл фон Эккартсхаузен для группы учеников, постигавших тайную науку в Германии примерно в то же самое время, когда создавался английский масонский Орден*.

* Письма Эккартсхаузена с прилагаемым к ним поучительным предисловием Брата А.Э.Уэйта напечатаны в книге «Облако над Святилищем» («The Cloud upon the Sanctuary»: W. Rider & Sons Ltd.), неоценимой по своей содержательности для ученика-масона.

И это совпадение отнюдь не случайно; а если добавить к нему еще и другие примеры проявления духовной активности, наблюдавшиеся в то же самое время, но обойденные вниманием историков (к сожалению, ограниченность объема книги не позволяет мне рассказать о них), то станет совершенно очевидным, что здесь не обошлось без вмешательства некоей таинственной силы, нацеленной на организацию великого движения во имя просветления человечества. Таким образом, сие движение было изначально задумано по ту сторону занавеса, в Великой Верховной Луже, а затем перенесено в наш мир через некоторых адептов этой ложи, живущих во плоти.

Упомянутые примеры, или письма Эккартсхаузена, посвящены прежде всего необходимости духовного возрождения человечества и логическому обоснованию посвящений. В самом первом из них автор утверждает, что «великий и благородный труд строительства храма заключается едино лишь в разрушении этой убогой адамовой хижины и возведении на ее месте Божественного святилища; иными словами, это означает, что мы должны развить в себе внутренний sensorium — орган постижения Бога. Вследствие этого, нетленный метафизический принцип возобладает над земною природой, и человек будет жить отныне уже не в любви к самому себе, но в духе и истине, сделав себя их храмом. Самая возвышенная цель религии — достижение единства человека с Богом; и это единение вполне возможно даже здесь, в нижнем мире, но для него необходимо открыть в себе внутренний sensorium, который позволит ощутить Бога в собственном сердце. Вместе с ним для нас откроются величайшие тайны, к которым человеческая философия еще не приблизилась, а схоластическая наука не может подобрать ключей». Далее автор говорит о том, что «с первого дня творения и до сегодняшнего дня всегда существовала более высокая школа, коей было доверено стать хранительницей всей духовной науки. Ее приверженцы разбросаны по всему свету, но их всегда объединяли единый дух и единая истина. И наука у них тоже одна — общий для всех источник этой истины; и единый Господь — единый Врач и Учитель, к которому сводится практически весь сонм Божеств, только Он один посвящает их в возвышенные тайны природы и духовного мира».

Во втором письме содержится следующее пояснение: «Это сообщество создало школу, в которой каждый, кто жаждет знаний, получает наставления от самого Духа мудрости, ибо в ней собраны все тайны Бога и природы, предназначенные для детей Света. Оттуда все истины проникают в мир. Сие сообщество окутано великою тайной; к нему принадлежат представители разных Братств. И всегда при внутренней школе существует школа внешняя, которую можно назвать

открытым внешнему миру отражением первой. Этим тайным сообществом издревле ведется строительство великого храма духовного возрождения человечества, чрез который явит себя миру царство Божие. Те, кто уже впустил в себя Свет, всегда могут общаться друг с другом, и в этом кроется причина их неразрывного единства. Братство сие делится на три ступени, на которые еще при жизни во плоти возводятся достойные. На первую ступень человек возводится через вдохновение. Вторая открывает его разум и дает внутреннее просветление. А третья — наивысшая — полностью раскрывает внутренний *sensorium*, позволяя внутреннему человеку обрести объективное видение первоисходных метафизических истин».

Далее в книге повествуется о том, что сие общество ничуть не похоже на те мирские организации, которые периодически собираются, дабы избрать временных руководителей. Ему неведомы все эти формальности, поскольку оно строится на совершенно иных принципах. На нем всегда лежит Божественная Благодать. Его Мастеру вовсе не обязательно знать поименно всех своих Братьев, но если требуется присутствие или услуги кого-либо из них, то его неизменно находят. Если же кому-то предоставляется высокая должность, ее следует принимать без гордости, а всем прочим — относиться к этому без зависти. А если Братьям необходимо встретиться, они сразу же находят и безошибочно узнают друг друга. Никакое притворство, обман или лицемерие не могут скрыть их подлинных душевных качеств. Никто не может никого самочинно назначить на должность, всегда необходимо единодушное одобрение. Братья призывают всё человечество присоединиться к ним, но званье могут стать избранными лишь тогда, когда будут к этому готовы. Каждый может готовить себя ко вступлению в Братство, и каждый уже вступивший в него может наставлять других на верный путь, но двери откроются только перед тем, кто пройдет по этому пути до самого конца. Мирской разум напрасно пытается отыскать сие святилище: для человека неподготовленного оно — загадка, и даже случайно заглянув внутрь, он ничего не сможет ни увидеть, ни прочесть. Но тот, кто сумеет приготовить себя, станет еще одним звеном в цепи; причем происходит это, как правило, в самый неожиданный момент и некоторое время остается для него абсолютно незаметным. Самосовершенствование, таким образом, является первой обязанностью для всех, кто действительно любит мудрость. И у него есть своя, давно и тщательно разработанная методика, поскольку святое Братство располагает хранилищем самой древней, первоизданной науки человеческой расы и, следовательно, имеет доступ к изначальным тайнам всех наук. Сие единственное в своем роде Братство просветленных владеет ключом ко всем загадкам, ибо ему известен центр и источник природы и творения. Оно объединяет высшую силу со своею собственной и включает в себя Братьев, живущих в разных мирах. Этот союз представляет собою своего рода теократическую республику, которая в один прекрасный день подчинит своему духовному влиянию весь мир.

Данное описание Великой Верховной Ложы, оставленное человеком, который уже при жизни во плоти утверждал, что принадлежит к ней, приведено здесь вовсе не для того, чтобы стать предметом подробного обсуждения, хотя его достоверность может вызвать удивление и, что вполне естественно, сомнение у тех, кто впервые сталкивается с подобными идеями. Но я все-таки рискнул изложить их в тексте книги, дабы каждый читатель смог воспринять их так, как подсказывает ему сердце; ибо очевидно, что при всем своем желании я не смог бы привести достаточно убедительные даже для вполне сочувственно настроенного читателя подтверждения

истинности того, что по самой природе своей не поддается проверке иначе как собственным опытом.

Я включил в свою книгу параграф о Великой Верховной Ложе в расчете на то, что у кого-нибудь из моих читателей все-таки может возникнуть искреннее желание убедиться в достоверности данного учения единственно возможным для этого способом; я предлагаю это как тему для продолжительных и углубленных размышлений всем, кому идея существования подобной Ложы, наблюдающей за масонским Израилем на земле и направляющей его развитие, покажется, по крайней мере, правдоподобной и заслуживающей доверия. Вышеприведенное описание, во всяком случае, может навести на мысль о том, что структура масонского Ордена — его форма и иерархическое деление — в точности воспроизводит свой предполагаемый небесный прототип. И если предположить, что невидимые вещи в какой-то мере можно познавать, глядя на доступные нашему восприятию объекты, то размышления о нашем собственном трехступенчатом Ордене с его восходящей последовательностью Великих Лож округов, провинций и, наконец, государств, возможно, помогут нам лучше представить себе эту невидимую Верховную Ложу — самую великую из всех названных выше. Каждый надлежащим образом подготовленный Брат вправе надеяться на то, что ему будет предложено присоединиться к сей Ложе, пройдя через серию последовательных посвящений — уже не символических и церемониальных, но подлинно духовных, направляемых рукою Вселенского Мастера и Посвятителя, чьи помощники до сих пор остаются нашими Братьями, хотя и достигли уровня святых ангелов.

Часть третья

СВЕТ, СИЯЮЩИЙ В ПОЛНУЮ СИЛУ

«Светильник тела есть око; итак, если око твое

будет чисто, то и все тело твое будет светло...

Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?»

Евангелие от Луки, XI: 34-5

«Теперь я открою тебе — ибо твое сердце

Открыто — последнее, самое сокровенное знание,

Самый главный секрет Моих земель и небес,
Одно лишь познание которого освободит тебя от всех страданий;
Знание царей и царственную тайну;
Для души оно — свет, очищающий ее
От всех грехов; прекрасный свет
Святости, идущий изнутри».

Божественная Песнь, IX

НАБЛЮДЕНИЯ И ПРИМЕРЫ

Мы уже говорили, что посвящение — истинное, а не просто церемониальное, — имеет целью расширение сознания до пределов, ранее недостижимых для человека, его выход на новый, качественно более высокий уровень. Это расширение может быть более или менее значительным, поскольку наша наука предусматривает различные степени посвященности с различным диапазоном сознания, расширению которого нет предела.

Читатель может спросить: «А каковы же природа и характер этого нового уровня сознания? И чем оно отличается от нынешнего, которое я привык считать нормальным?» Ответам на эти вопросы как раз и посвящена данная глава, которую я начну с общих наблюдений, а завершу более конкретными примерами.

Даже нормальное сознание человека, не ищущего никаких посвящений, постепенно расширяется вследствие накопления жизненного опыта. Ибо что есть жизнь, как не постепенный, медленный процесс посвящения, храмом для которого служит весь мир? Сознание и практический ум, обретаемые в зрелом возрасте, почти всегда превосходят способности неопытной юности, даже если накопленные изменения носят главным образом интеллектуальный, а не духовный характер и ограничиваются совершенствованием собственного *savoir faire* и мирской изворотливости, не затрагивая высшей мудрости. Расширение сознания всё равно имеет место, косвенно указывая на то, какие возможности откроются перед человеком после пробуждения его духовного сознания.

Сама природа показывает процесс непрерывного расширения сознания на примере четырех своих царств, начиная с минерального и выше. Все внешние формы жизни, даже минеральные, являются не более чем объективными телами оживляющей их субъективной* жизненной

энергии. Сама планета Земля, равно как и все прочие небесные тела, представляет собою, как справедливо учили древние, не мертвую материю, но Зоон — живое существо, обладающее сознанием само по себе и сознательное во всех своих частях, какими бы грубыми или, напротив, тонкими они ни были. Со всех сторон ее окружает Зодиак таких же «живых существ», взаимодействующих друг с другом; и из отдельных сознаний этого сложного механизма складывается единое Всеведущее, имя которому Бог.

* Смысл этих слов в английском языке отличен от того, который им придаётся в русском. Имеется в виду, что предметные (то есть имеющие природу объекта) тела оживляются действующей (имеющей природу субъекта) энергией — прим. ред.

Жизнь в основе своей едина, хотя и рассредоточена во множестве самостоятельных жизней и разделена на несколько автономных царств, подобно внутреннему пространству судна, разделенному вертикальными переборками и горизонтальными палубами. Это «бесконечный поток», непрерывно льющийся сквозь все природные царства, а все формы (или тела), порождаемые им при этом, суть ни что иное, как мимолетные и неустойчивые волны и водовороты, создаваемые течением; эти формы — от самых низших до наиболее высокоразвитых — идеально приспособлены для прогрессирующего и восходящего от одного уровня к другому сознания. Иными словами, природа представляет собою систему заключенных в бранные тела ограниченных сознаний, стремящихся к обретению неограниченного сознания в сверхъестественном бессмертном теле.

Каждое последующее царство природы вбирает в себя очищенные и возвышенные характеристики предыдущего, но вместе с тем приобретает и новый, дополнительный принцип, а также новое, соответствующее ему тело. Так, по мере восхождения, последовательно приобретаются и встраиваются в эволюционирующую структуру чувственный, эмоциональный, интеллектуальный и духовный принципы. Таким образом, когда жизненная сущность, ограниченная характеристиками минерального царства, перемещается далее в царство растительное, она проходит через посвящение соответствующей ступени, открывая новый этап своей эволюции и приобретая новую форму, или тело, как «знак своего продвижения». Таким же посвящением (только более высокого порядка) и обретением нового, соответствующего более высокому уровню развития тела будет сопровождаться ее переход в животное царство и оттуда — в царство людей*.

* Не следует думать, однако, что здесь идет речь о возможности непосредственного перехода минеральных форм в растительные, а затем — в животные и так далее, который почему-то просмотрели биологи; поскольку на самом деле всё обстоит несколько иначе. Царства природы подобны отдельным палубам корабля, сообщение между которыми на проявленном уровне

невозможно, ибо все переходы, соединяющие их между собою, наглухо закрыты. Переход возможен только на сверхфизическом, ноуменальном уровне, к которому общепризнанная ныне наука не имеет доступа.

Низшая природа человека на его нынешнем этапе эволюционного продвижения являет собою ни что иное, как сочетание, синтез трех дочеловеческих царств; его зародыш каждый раз ускоренно воспроизводит, а физическая структура включает в себя все те стадии, которые ему пришлось преодолеть на пути к своему нынешнему состоянию. Но к ним прилагается еще один дополнительный — духовный, божественный принцип, отличающий человека от всех предыдущих царств и возвышающий его над ними. Для них он — бог, высший посвященный, обладающий недоступным для них сознанием. Точно так же растение является богом для земли, из которой оно произрастает, а животное — богом для растений.

Но благодаря посеянному в его высокоразвитой телесной структуре зерну нового духовного принципа человек может вознестись на следующий, еще более высокий уровень сознания; впереди его ждет очередное посвящение. Перед ним открыта перспектива преодоления рубежей его нынешнего царства, ограничивающих его рамками физического, «животного» человека, и достижения уровня человека духовного. Четыре царства — минеральное, растительное, животное и человеческое — он уже познал и включил в свою структуру. Теперь перед ним задача возвыситься до пятого царства — царства Духа, потенциальным представителем которого он уже является, но еще не развил и не осознал собственные скрытые способности.

Поэтому тайная наука символически изображает человека в виде пятиконечной звезды и облачает его в пятиугольный передник в знак того, что он может лучше понять себя, прочесть свое прошлое и оценить свои нынешние возможности.

Следует подчеркнуть тот немаловажный факт, что каждый переход из низшего царства в вышестоящее, каждое посвящение в новый жизненный уклад предполагает полный разрыв, окончательный и бесповоротный отказ от прежней формы и образа жизни, то есть смерть всего, что ранее составляло суть и смысл активного существования. Следовательно, прежде чем рассчитывать на переход в пятое царство человека духовного, естественный человек должен умереть для самого себя, полностью отринув свою прежнюю природу. Эта смерть, как мы уже говорили, обозначается третьей ступенью, церемониально изображающей тот переход, который надлежит совершить человеку, прежде чем он сможет приобщиться к новому уровню жизни и сознания, коего он никогда раньше не знал, да и не мог знать. Смерть, о которой здесь идет речь, нельзя отождествлять со смертью физической, поскольку физический организм по-прежнему остается собственностью своего владельца. Он просто исчезает, умирает для своей прежней сущности и ее естественных стремлений, заставляя их уступить место новому «Я», руководимому уже не из прежнего ограниченного разума, но из нового центра, познающие способности которого, в сравнении с предыдущим, практически не ограничены. И способности эти не утрачиваются с возвращением посвященного в физическое тело, которое еще послужит ему до

своей естественной смерти, но, напротив, помогают ему в дальнейшем превратить это тело в более совершенный инструмент приближения к наивысшей космической цели.

Как же описать сие новоприобретенное сознание, дабы у читателя сложилось о нем более конкретное представление? Да никак — это попросту невозможно. Как невозможно объяснить слепому от рождения, что такое зрение, или же находящемуся в утробе матери младенцу — реалии внешнего мира, так и посвященный не может объяснить, что такое царство Духа, тем, кто еще не родился в нем. Для того, чтобы познать его, необходимо увидеть всё самому. Это — одна из величайших мистерий, которая навсегда останется неопишуемой и неизъяснимой, какие бы наставления ни давались посвященными относительно меньших тайн. Можно, однако, привести некоторые аналогии и аллегории, которые в состоянии подхлестнуть воображение читателя и тем самым дать ему возможность самостоятельно поразмыслить о сути и характере высшего сознания.

В своей предыдущей книге я уже говорил о том, что момент возвращения к Свету в ходе посвящения третьей ступени, равно как и аналогичный момент в посвящении Королевской Арки (отличающийся от первого лишь большею сложностью ритуала), представляют собою не что иное, как попытку изобразить в драматической форме расширение сознания, переживаемое претендентом во время истинного посвящения. Великолепное литературное описание этого процесса предлагает нам одиннадцатая глава великого индийского трактата о науке посвящений — «Бхагавадгиты» (более известного европейскому читателю в прекрасном поэтическом переводе сэра Эдвина Арнольда под названием «Божественная Песнь»). Другими примерами могут служить видение Данте в «Раю» и библейская книга Откровения, написанная пророком, пребывавшим «в духе в день Господень». Китс очень точно представил себе суть этого процесса, после чего написал в своем «Гиперионе»:

«И чувствую, как в Бога превращает
Меня громада знаний! Имена,
Деянья, подвиги, седые мифы,
Триумфы, муки, голоса вождей,
И жизнь, и гибель — это все потоком
Вливается в огромные пустоты
Сознанья и меня обожествляет,
Как будто я испил вина блаженных
И приобщен к бессмертью!»*

* Отрывок из поэмы Дж. Китса «Гиперион» цит. в переводе Г.Кружкова, по кн.: «Европейская романтическая поэзия», М.: «Московский рабочий», 1988. — Прим. ред.

В последние годы появилось немало количество свидетельств и сообщений о личных наблюдениях, подтверждающих возможность расширения сознания, подобного вышеописанному. Одним из таких сообщений является посвященная мистической стороне масонства компиляция под названием «Космическое сознание», автор которой, д-р Р. М. Бак, состоит в Братстве Каменщиков Америки. Эта проблема даже подверглась экспериментальному изучению — ее исследовал знаменитый психолог, ныне покойный профессор Уильям Джеймс, а также другие; и хотя подобных искусственных способов возвышения сознания следует всячески избегать, так как они могут быть очень опасны для экспериментатора и сам профессор Джеймс признавал, что они обернулись для него весьма болезненными последствиями, все-таки оставленное им описание того, что ныне известно как «откровения под наркозом», было настолько ярким и талантливым, что будет вполне уместным процитировать его в этой книге. Пожалуй, даже тот, кто достиг посвящения «на законных основаниях» — вследствие естественного наполнения своей жизни чистотой и святостью, а не умерщвления своей плоти, отравляя ее веселящим газом, — не смог бы точнее передать открывшуюся ему истину. Вот что он пишет:

«В этом ни с чем не сравнимом метафизическом просветлении взору открывается Истина, лежащая в бездонных глубинах, которые мгновенно становятся прозрачными, пропуская сквозь свою толщу ее ослепительный Свет. Разум постигает все логические связи между вещами с такой быстротой, точностью и очевидностью, что обычному сознанию трудно даже представить себе что-либо подобное. Исчезает граница между центром и внешней оболочкой предметов. Эго и его объекты, meum и tuum сливаются воедино. И первым результатом этого просветления становится абсолютная, безграничная уверенность в том, что всё, в чем вы были абсолютно и безгранично уверены раньше, — не более чем иллюзия и заблуждение. Какие бы мысли или образы при этом ни возникали, все они неизбежно подхватываются всё теми же логическими щипцами и органично встраиваются в общее полотно доказательств всё той же истины, суть которой заключается в том, что все противоположности, сколько их ни есть в этом мире, исчезают в высшем единстве, из которого все они исходят, что все так называемые противоречия — на самом деле всего лишь различия, что различия эти могут проявляться на разных уровнях, что все эти уровни имеют аналогичную структуру, что сущность всего бытия заключена в неразрывной целостности и что мы в буквальном смысле пребываем посреди Бесконечности. Этот процесс распознавания противоречий совершенно не поддается описанию, поскольку они в огромном множестве проносятся в просветленном разуме, подобно стремительному вихрю».

У. Джеймс. «Воля к Веры»

Сравним теперь это описание приобщения к центральному Свету со свидетельством, оставленным истинным посвященным.

«Весь мой дух как будто вырвался за ворота преисподней, и Бог принял его в свои руки и в свое сердце. С чем сравнится это чувство? Разве что с воскресением в последний день. Ибо я узрел — и говорю это со всем почтением — глазами своего духа самого Бога. Я увидел то, каков Он — Бог, и то, почему Бог именно таков, каков Он есть. Врата Божественных мистерий временами открывались предо мною настолько широко, что за какую-нибудь четверть часа я успевал увидеть и понять много больше, чем мог бы узнать за многие годы учебы в университете. Я увидел и узнал Существо всех Существ, мироздание и хаос, рождение Сына и продвижение Духа. Я увидел начало и первоисточник этого мира и всех его творений. У самых истоков я разглядел Божественный мир, мир Ангелов, Рай, а за ним следовал наш мир, погруженный во тьму. Я увидел начало добра и зла, подлинный источник и суть каждого из них. И это продолжалось со мной на протяжении двенадцати лет. Временами истина обрушивалась на меня, подобно разрушительному шторму с грозой и проливным дождем, но, как всегда, после ливня солнце вновь выходило из-за туч и воздух наполнялся благоуханной свежестью».

Автор этих строк — бедный необразованный сапожник Якоб Бёме — жил неподалеку от Дрездена и умер в возрасте 49-ти лет в 1624 году. Один из его учеников — сам большой знаток оккультных наук* — называл его «величайшим светочем, когда-либо приходившим в мир с тех пор, как его посетил Тот, кто Сам был Светом мира». Более подробное описание увиденных им откровений и метафизических видений можно найти в его весьма многословных и к тому же довольно запутанных и трудных для понимания сочинениях, которые, кстати говоря, скрупулезно изучал в свое время сэр Исаак Ньютон, что помогло ему впоследствии сформулировать принципы гравитации и движения планет, а также хорошо известные ныне законы, управляющие физическими явлениями.

* Луи Клод де Сен-Мартен («Le Philosophe Inconnu»); был франкмасоном и выдающимся посвященным.

Можно привести огромное множество примеров того, как внутренняя сущность разных людей, подошедших к порогу посвящения, начинала стремительно расширяться во всех направлениях из той бесконечно глубокой центральной точки, где она до сих пор пребывала, радикально изменяя их представления о жизни и предлагая гораздо более масштабное, нежели у прочих, видение мира. Это явление сопровождается тремя характерными отличительными признаками. Во-первых, все природные объекты и все без исключения люди уже рассматриваются не по отдельности, как самостоятельные и не связанные друг с другом предметы и существа, но лишь как частные проявления единой изначальной, не поддающейся определению субстанции. Во-вторых, для посвященного коренным образом изменяется вся система обычных ценностей, и то, что большинству людей кажется важным, становится для него абсолютно бессмысленным, а то,

что раньше выглядело несущественным, наоборот, приобретает первостепенное значение. И наконец, в-третьих, те пять чувств, которые представлены в обычном человеке в виде отдельных и не связанных друг с другом каналов восприятия, сливаются воедино — в некое всеобъемлющее, синтетическое ощущение, при котором видеть одновременно означает также слышать, а осязать, даже с закрытыми глазами, значит мысленно представлять себе образ предмета и т. д. Один мой знакомый Брат, также принадлежащий к Ордену, сам прошел через это обогащение сознания и описал его следующим образом: «Ты знаешь все и начинаешь понимать и звезды, и горы, и древние песни. Все они теперь в тебе, а сам ты — Свет. Но Свет — это музыка, а музыка — фиалковое вино в огромной золотой чаше, а вино в золотой чаше — аромат июньской ночи».

Талантливый молодой немец Новалис — знаменитый посвященный, умерший более века назад в 29-летнем возрасте, — говорил о своем Учителе Вернере (он был профессором минералогии во Фрайбурге) как о человеке, которому «была известна взаимосвязь всех вещей, их соединения и совпадения. Он ничто не рассматривал отдельно. Его чувственные восприятия сливались воедино, он слышал, видел и ощущал одновременно. Порою он говорил о звездах как о людях, а о людях — как о звездах, камни становились для него животными, а облака — растениями. Он запросто обращался с самыми разными природными силами и феноменами. Он всегда знал, где следует искать ту или иную вещь. Возможно, это далеко не полный спектр его способностей, но об остальном он нам ничего не рассказывал. Он только говорил, что мы сами, ведомые его наставлениями и своим собственным желанием, способны в полной мере осознать то, что с ним произошло».

«Ведомые своим собственным желанием»... Именно в этом кроется весь секрет! Посвящение предполагает прежде всего сконцентрированное, настойчивое желание достичь его — в противном случае оно просто невозможно. Желание, обращенное во внешний мир, направленное на внешние объекты, расточает силы души, выплескивает ее энергию через пять каналов ощущений. Но если направить его внутрь и сфокусировать на своих потенциальных возможностях, желание начнет аккумулировать эти силы и объединять чувства. И в один прекрасный день результатом сего накопления энергии станет яркая вспышка сознания. «Если око твое будет чисто, то и всё тело твое будет светло».

Вот еще один пример. На уединенном маленьком островке Гебридского архипелага жил молодой рыбак — один из немногочисленных коренных обитателей этих островов, такой же бедный, как и прочие его земляки, и такой же необразованный; так что, окажись он на «большой земле», его наверняка сочли бы настоящим дикарем. На всем острове чуть ли не единственной книгой была книга природы, а единственным местом поклонения — храм земли, неба и моря. Пожалуй, подобные условия большинству людей показались бы не слишком привлекательными, но на деле они лучше всего подходят для самоосознания и посвящения. Бедность, простота и неиспорченность нравов — наилучший фон для посвящения, но его чрезвычайно трудно создать в толчее и сутолоке нынешнего мира, среди жестокостей, ненужных условностей и конкуренции, порожденных так называемой цивилизацией. Но у того рыбака было всё, что требуется для духовного роста. С какою-то необъяснимою страстью, унаследованной, вероятно, от древнего культа Деметры, он любил свой остров и море; его душа постоянно стремилась познать живую

красоту, которая, как он чувствовал, скрывается где-то в глубине, за завесой видимого мира. И вот, в один прекрасный день, в момент сосредоточенного благоговейного размышления, он бросился на землю, поцеловал теплый медвяный вереск, погрузил в него свои ладони, закрыл глаза и заплакал, ибо душа его была охвачена странным и смутным томлением. Так он лежал неподвижно, и положение его тела в тот момент — непреднамеренно, но и неслучайно — в точности повторяло то, которое предписывается кандидату на посвящение, когда он, так же закрыв глаза и возложив свои ладони на Священный Закон, торжественно провозглашает приобщение к высшему Свету самым заветным своим желанием и просит позволения реализовать его. И тогда тайное мечтание его души стало явью: пелена спала с его глаз, и он увидел пред собою Свет.

Не знаю, как объяснил бы то, что случилось далее, ученый психолог, но сам герой нашего рассказа описывал свои впечатления следующим образом: две маленькие ладони поднялись над острыми макушками вереска и помазали его лоб и глаза чем-то нежным и благоуханным.

Сам он вроде бы остался прежним, но в то же время ощущал себя совершенно иным человеком; и то место, где он жил, хотя и не изменилось внешне, тоже стало каким-то новым — прекрасным и сияющим славою. Вечная Красота вошла в него, и даже то, что другим казалось удручающе мрачным, он видел не иначе как в ее бессмертном Свете. Унылые пустыри выглядели теперь невыразимо прекрасными. А когда впоследствии он все-таки посетил большие города и ему открылись, наряду с их красотами, вся грязь трущоб, их отвратительное убожество, дым и копоть заводов и фабрик, эти достойные сожаления вещи казались ему не более чем мимолетными тенями, за которыми (будь то предметы или люди) скрывалась их истинная суть, всегда прекрасная и излучающая странное сияние: лица всех мужчин и женщин были светлыми и красивыми, а их души — ослепительно белыми.

Таким было нежданное посвящение этого человека; и, хотя он не искал ничего подобного (или, вернее, искал, но подсознательно, не отдавая себе в этом отчета), на него снизошло просветление, навсегда преобразившее его душу*.

* Этот случай упомянут в сочинениях покойной Фионы Маклеод (У. Шарп).

Он стал известен в кругу тех, кто мог разглядеть в нем «помазанника», ибо в момент посвящения его помазали чьи-то таинственные руки. Напомню, что слова «Христос» и «христианин» в своем изначальном греческом варианте означали именно это — помазанного, принявшего крещение, или посвященного человека.

Истинное посвящение, приравняемое, таким образом, к «крещению», бывает двух типов — великое и малое. Малое посвящение (названное в писании «крещением водой») воздействует на низшую природу, разум, психическую природу и чувства человека. Расширяется и усиливается интеллект, обостряются чувства, совершенствуются психические способности и восприятие; потому что душа (или *psyche*) начинает использовать свои доселе обреченные на бездействие силы.

Более высокая форма посвящения — «крещение огнем» — заключается в пробуждении Духа, внутренней сущности, «бессмертного жизненного принципа», пребывающего в центре души, подобно тому, как душа пребывает в центре чувственного тела. Многие люди достигают малого крещения вследствие простого накопления жизненного опыта и часто даже не подозревают об этом. Но великое крещение происходит гораздо реже и являет собою такой радикальный перелом, который невозможно не заметить, неправильно истолковать или забыть.

Как для малого, так и для великого крещения церемониальное посвящение вовсе не является обязательным условием, поскольку духовный рост и контакты между Богом и душой не зависят от изобретенных человеком формальностей. Однако церемониальное посвящение всегда играло роль катализатора духовного роста, важность которого, в противном случае, еще очень долго могла бы оставаться не оцененной и не понятой многими людьми. В силу этого масонское посвящение — хотя сейчас оно и ограничивается исключительно церемониальной стороной — имеет огромное значение и, если правильно понять его суть, может быть поднято до таких высот, которые и не снились нашему Ордену.

Для тысяч людей, повторяю, жизнь является непрерывным процессом посвящения, зачастую вовсе лишенным каких-либо ритуалов и церемоний. Многие при этом приобщаются в той или иной степени к малому крещению водой вследствие расширения сознания, приобретающего поэтическую, артистическую, музыкальную либо мистическую направленность; наши Вордсворты, Шелли, Теннисоны и им подобные прошли через это естественное посвящение, не сопряженное ни с какими формальностями или церемониями. А сколько еще таких же посвященных, о которых никто не знает, ибо они предпочитают жить в тишине и безвестности, никому не говоря о том, как им удалось усовершенствовать свою духовную природу? И тем не менее каждый из них с полным правом может сказать о себе:

«Мы выстроили дом, который никогда не будет временем разрушен;

Мы обрели покой, который никогда не будет потревожен болью».

Многие знают и чувствуют «мистическую связь», которая объединяет не только всех людей в единое Братство, но и все элементы Вселенной — в одно неразрывное целое. Многие уже утратили чувство личной обособленности и разделенности интересов, отличающее обыкновенного, чувственного человека, чье сознание и устремления не простираются дальше

собственных плотских привязанностей. И хотя они всё ещё пребывают в тюрьме смертного тела, им уже удается, пробиваясь сквозь её железные решетки, проникать в мир души, дабы постигать там его чудеса, объединяя свое сознание с сознанием таких же, как они, освобожденных душ,

«. . . и там,

Отринув всё, что разделяло их,

Свой вечный день отдать беседам чистым;

А разум посвятить высоким мыслям,

Свои не отличая от чужих;

И видеть то, что скрыто от слепых;

И наслаждаться собственным единством».

Руперт Брук

Но тех, кто прошел «крещение огнем» — посвящение центрального Духа — сравнительно немного. Для того, чтобы лучше понять, насколько это редкое явление, достаточно вспомнить известные письменные свидетельства, в которых говорится о тех случаях, когда скрытая в человеке Пламенная Звезда проявлялась настолько зримо и Свет ее так явственно проступал сквозь очищенное физическое тело и его внешний разум, что становился видимым даже людям непосвященным. Это была не просто какая-то внутренняя красота или невыразимая слава, но самая настоящая светящаяся аура, исходившая от лица и всей фигуры человека и озарявшая окружающее пространство квозы-физическим светом. Неслучайно святых и ангелов традиционно окружают на портретах ореолы и нимбы и они облачены в огненные одеяния: все это служит видимым подтверждением их святости. О таких посвященных, как Колумб и Руйсбрук, писали, что их часто видели в ореоле исходящего от них света, причем свет этот распространялся на весьма значительное расстояние, освещая даже комнаты, в которых находились эти святые. И если центральный Свет бывает таким интенсивным, то нетрудно предположить, насколько мощным и ярким должно быть субъективное сознание тех, в ком он столь неудержимо пылает. Эти примеры проявления «Света, сияющего в полную силу», как нельзя более наглядно поясняют нам значение ветхозаветного эпизода, описывающего нисхождение Божественного Присутствия в достроенный храм Соломона, когда Оно наполнило весь дом славою (2-я книга Паралипоменон, VII, 1-3).

Перейдем теперь от общих рассуждений к аллегорическому описанию путей, которыми Свет может быть познан и — по воле Божией и с Божией помощью — увиден сияющим во всей своей славе, в процессе истинного (а не церемониального) посвящения.

АПОКАЛИПСИС

«Видение относится к концу времени».

Книга Пророка Даниила, VIII: 17

«О истинно священные мистерии! О чистый Свет! Ведомый светом факела, я поднимаюсь к небесам и к Богу. Посвящение возвращает мне целостность. Иерофант здесь — сам Господь, Он ведет того, кто ищет посвящения, к Свету; Он ставит его перед лицом Отца и просит даровать ему бессмертие. Такова суть моих мистерий. И если хочешь, приди и будешь посвящен; и присоединиться к танцу ангелов, что кружит подле несотворенного, бессмертного, единственного истинного Бога; и Слово Божие будет звучать в такт музыке!»

Климент Александрийский

АЛЛЕГОРИЯ ПОСВЯЩЕНИЯ

«Апокалипсис» — греческое слово, означающее разоблачение, срывание покровов, препятствующих нашему восприятию абсолютной истины. Отсюда и библейский термин «откровение», или «апокалипсис». Посвященный апостол Павел говорит о том возвышенном состоянии, когда Славу Господню можно наблюдать с открытым лицом, как в зеркале, все более преображаясь в образ этой славы (2-е послание к Коринфянам, III, 18).

Но тот, кто наблюдает и отражает ничем не прикрытую, разоблаченную, живую истину, должен сам обнажить свой дух, сбросить с него все ненужные покровы — чувств, эмоций, желаний и мыслей. Он должен пребывать, как говорит нам автор Апокалипсиса, «в духе в день Господень», где «день» означает сознание в духе («Господе»), ибо «ночь» символизирует мрак невежества, в который неизбежно погружены все нижестоящие формы сознания («слуги»).

В древних мистериях такое возвышенное духовное восприятие называлось эпоптейя, а обладавшие им пророки — эпоптами. Сей Свет, сияющий в полную силу, сие прямое взаимодействие обнаженного человеческого духа с разоблаченным Святым Духом Вселенной

доступны только высшим посвященным, поскольку это и есть конечный, самый главный результат посвящений. «Если око твое будет чисто, то и всё тело твое будет светло».

Далее я намерен привести описательный пример того, каким образом можно добиться означенного результата, поскольку моя цель — объяснить Братьям (если это вообще возможно), что представляет собою истинное (не церемониальное) посвящение, а этот способ достижения поставленной цели кажется мне наиболее эффективным.

Рискуя показаться чересчур самоуверенным, тем не менее позволю себе последовать (а следовать ему можно сколь угодно далеко) примеру посвященного поэта Вергилия, который рассказал в шестой «Энеиде», в завуалированной форме, о человеческой душе, ищущей своего «Отца» — Божественный Отеческий принцип. В данном случае поиск начинается на земле, представленной в виде сумрачной пещеры, а заканчивается на залитых светом Елисейских Полях вселенского Духа. Тот же самый пример посвящения и эпоптеи, хотя и изложенный в несколько иной форме, предлагает нам библейский текст Откровения, а также «Парсифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и Рихарда Вагнера.

Хотя приводимое ниже описание ведется от первого лица, сразу же уточню, что в данном случае это всего лишь литературный прием и не следует непременно связывать его с личным переживанием автора. Напротив, мне очень хотелось бы, чтобы читатель воспринял написанное как опыт, который в перспективе может приобрести он сам, — возможно, в несколько иной форме, но точно такой же по своей сути, поскольку Дух свободен и движется, куда захочет; и тот, кто понимает это, может извлечь урок из любого источника, ибо результат всё равно будет один и тот же.

Нет смысла подробно останавливаться на том, что именно легло в основу приводимого ниже описания: то ли это просто аллегория, то ли результат работы творческого воображения, основанного на приобретенных ранее познаниях, либо символическое обобщение личного духовного опыта и интуиции; скорее всего, каждый из этих элементов имеет место. Важно лишь то, что оно несомненно иллюстрирует истину. И те, кто следовал за моей мыслью с самого начала книги и нашел на предыдущих ее страницах хотя бы намек на то, что мои рассуждения (пусть даже только отчасти) могут соответствовать действительности, вряд ли заподозрят меня в том, что под занавес своего повествования я вдруг позволю себе пренебречь принципом добросовестности и перейти от искреннего тона, которого придерживался до сих пор, к беспочвенным фантазиям или преднамеренному обману. А уж о том, насколько мой рассказ согласуется с истиной, пусть судят сами читатели; обладающие пониманием и внутренним слухом пусть прислушаются к голосу своего сердца и сделают собственные выводы.

Будучи от природы любознательным и прослышав о том, что некое Братство, именуемое масонским, передает своим последователям ценные и важные арканы (сиречь тайны жизни), к которым более нигде нельзя приобщиться, а также исходя из иных соображений, которые, хотя их и нельзя назвать своекорыстными, были едва ли намного благороднее таковых, я решил, следуя тогдашней моде и примеру некоторых своих друзей, присоединиться к сему сообществу, дабы выудить из него какую-то особенную, хотя тогда я еще не представлял себе толком, какую именно, мудрость в относительно короткий промежуток времени.

Теперь, по прошествии лет, я понимаю, что мое поведение в то время можно назвать благородным разве что в шутку. Ведь я хотел получить что-то, не предлагая взамен ничего. Я надеялся приобрести полезное знание, не оплатив и не заработав его; хотел брать не отдавая. Не думал я и о том, как потом применю это знание, если все-таки смогу его заполучить. Я был молодым, неопытным, легкомысленным, и подобные соображения попросту не могли тогда прийти мне в голову.

И моя самонадеянность вскоре была наказана, ибо сразу же после того, как я был с большим радушием официально зачислен в общество и торжественно пообещал следовать всем его установлениям, мне пришлось пережить величайшее смущение и унижение. Вместо того чтобы немедленно удовлетворить мое любопытство, меня спросили, а что я сам готов предложить тем своим братьям, которые нуждаются в помощи. Я почувствовал, что попался, но не решился прямо признаться в этом. Однако постыдная правда была совершенно очевидна как для моих новых коллег, так и для меня: я был настолько беден как материально, так и интеллектуально, что не мог предложить своим ближним абсолютно ничего. Поэтому мне пришлось-таки пробормотать в ответ нечто не совсем искреннее о своем незавидном материальном положении, которое не позволяет мне жертвовать сколь-нибудь значительные суммы, что я, в противном случае, сделал бы с большим удовольствием. К моему безграничному удивлению, этот ответ вполне удовлетворил их, и они великодушно уверили меня в том, что, хотя я пока не могу ничего им предложить, они всё равно постараются передать мне нечто, но при одном условии: если в будущем я встречу на своем пути такого же бедного человека, каким я был раньше, мне надлежит вспомнить об этом случае и постараться быть с ним щедрым и благородным. Это происшествие произвело на меня неизгладимое впечатление, а последующие события еще больше убедили меня в его огромной важности. И вот теперь я стараюсь выполнить некогда данное мною обещание.

В своем новом беспокойном положении я плохо ориентировался в том, что происходит вокруг и что именно мне пытаются передать. Помню только какие-то разговоры о камне или, вернее, краеугольном камне, и о том, что я должен отождествить себя с этим камнем и постараться использовать его для какого-нибудь благого дела; хотя никакого камня я, разумеется, не увидел и не заметил, чтобы он переходил из рук в руки или же оставался у меня. Но теперь (если, конечно, я уже успел отождествиться с этим камнем) я знаю, что он уже никуда не уйдет от меня и что он всегда был во мне, но до недавнего времени я не осознавал этого.

Как бы то ни было, вернувшись домой, я действительно обнаружил у себя маленький камень и с тех пор бережно храню его как память о том первом дне и символ собственной принадлежности к Братству, к которому я так страстно стремился присоединиться. У каждого из моих коллег, как я заметил, тоже был примерно такой же камень, равным образом составлявший предмет их особой гордости. Во время деловых или просто развлекательных поездок он служит чем-то вроде паспорта или опознавательного знака. Некоторые мои коллеги носят его открыто — прицепив как брелок к цепочке карманных часов, либо как перстень, выгравировав на нем циркуль и наугольник, или подвесив его в виде украшения на свою жену. Я же предпочитаю не выставлять его напоказ и храню камень у себя в кармане.

Несколько лет я носил его с собою, не переставая заниматься привычной мирской деятельностью и не меняя рода занятий. Я продолжал посещать собрания Ордена, и мне нравилась его живая, свойская атмосфера. Общение с коллегами доставляло мне такое удовольствие, что довольно долго я даже не задумывался над тем, что так и не смог узнать ровным счетом ничего важного и никоим образом не приблизился к той мудрости, о коей мечтал. И хотя я прилежно изучал всё, что мне предписывалось, и добросовестно исполнял всё, что от меня требовалось, это не сделало меня ни на йоту совершеннее против того, каким я мог бы стать, не вступи я вовсе в масонское Братство. У меня не прибавлялось полезных философских знаний, мне не открывались высшие истины, и похоже, что у моих коллег дела обстояли ничуть не лучше. Возможно, среди нас просто не было таких, кто мог бы поделиться этими истинами, а если кто-то и был, то явно не спешил ими делиться.

С течением времени положение стало казаться мне несколько абсурдным, и я начал искать пути выхода из него, но никто не мог толком объяснить мне цели существования масонского Ордена, и в конце концов я даже начал подумывать о выходе из него. Но однажды, одолеваемый все теми же удручающими мыслями, я достал из кармана свой маленький камешек и, разглядывая его со всех сторон, снова вспомнил о том дне, когда впервые получил его, и сказал себе: «Я просил хлеба, а взамен мне дали камень — вот этот самый камешек». И тут мне показалось, что камень увеличился и заметно потяжелел. Я поднес его ближе к глазам, еще раз внимательно осмотрел со всех сторон и заметил то, чего никогда не замечал раньше: на камень были нанесены какие-то мелкие значки, которые никак нельзя было рассмотреть без лупы. Я взял увеличительное стекло и прочел выгравированную на поверхности камня миниатюрную надпись: «Свободное и признанное масонство»; далее следовала одна фраза на латыни: «Descendit e coelo» — «Ниспослано с небес»; и, наконец, два слова по-гречески, написанные греческими же буквами и в переводе означающие «Познай себя!»*

* Эти слова написаны на Краегульном камне (фундаменте) Дворца франкмасонов в Лондоне, заложенном майским днем 1775 года.

Я много размышлял над этими словами, стараясь постичь их смысл, но всё безрезультатно. Я обратился к некоторым своим Братьям с просьбой позволить мне изучить их камни и, к своему удивлению, на каждом из них обнаружил ту же самую надпись; но еще больше удивило меня то, что ни один из владельцев этих камней до сих пор ничего не знал о ее существовании. Коегде она уже изрядно стерлась и едва угадывалась, но чтобы ее не было вовсе, — такие камни мне не попадались. Я обратил внимание некоторых коллег на этот поразительный факт, и он вызвал у них несомненный интерес, но лишь на время — уже через несколько минут они переводили разговор на другие темы и не вспоминали более о загадочной надписи. А некоторые старшие коллеги, имевшие высокий ранг и многочисленные знаки отличия, были даже возмущены предположением, что их камни могут скрывать в себе нечто такое, чего они до сих пор не знали. Поэтому с ними я вовсе не стал подробно обсуждать этот вопрос. И никто, к кому бы я ни обратился, не мог дать мне на сей счет сколь-нибудь вразумительного объяснения.

Я обошел чуть ли не все библиотеки и взял напрокат множество книг по истории и археологии. Я ездил в штаб-квартиру Ордена и беседовал там с собирателями древностей и прочими образованными и авторитетными людьми; но, хотя я и вел активный поиск на протяжении нескольких лет, никаких сколько-нибудь заметных результатов так и не достиг.

А камень тем временем становился все больше и тяжелее, вследствие чего всё более заметной становилась надпись, словно требовала, чтобы ее как можно скорее прочли и поняли. Камень начал тяготить меня и в прямом, и в переносном смысле: во-первых, его физический вес становился все более ощутимым, а во-вторых, его неразрешенная загадка все сильнее давила на мой разум. И я не знал, как мне сбросить с себя эту ношу.

Но, к счастью, у меня есть добрый друг и брат, к которому, попав в безвыходное положение, я всегда могу обратиться за помощью. Я не знаю, кто он, но абсолютно уверен в его доброжелательности; и хотя он не слишком общителен и порою бывает откровенно медлителен и раздражающе немногословен в ответах, которые к тому же преподносит в виде загадок и иносказаний, он до сих пор еще ни разу не дал мне ни одного вредного совета. Похоже, что он, как и камень, тоже был некоторым образом тождествен мне. Медик или психолог, разумеется, скажет мне, что этот таинственный друг — мое собственное сознание либо подсознание. Но так ли это важно? Я знаю, что он теснейшим образом связан со мною, что он обладает потрясающим интуитивным знанием обо мне и моих личных проблемах и что он может помочь мне справиться с теми из них, которые оказываются не по силам моему разуму и воображению, и этого пока вполне достаточно. Я узнал, что восточные психологи называют этого невидимого друга Учителем, или Мастером, живущим в сердце, и решил называть его так же.

Словом, я решил поделиться с ним своими проблемами и получить от него дельный совет. Однако долгое время никакого ответа не было. Я обращался к нему снова и снова, пока не заметил, наконец, что моя настойчивость мало-помалу начинает брать верх над его отчужденностью и равнодушием. Правда, его ответы были как всегда лаконичными и замысловатыми — скорее намеки, нежели объяснения, как будто он намеренно желал оставить право открытия за мною,

ограничиваясь предоставлением мне минимальной помощи. Если сложить все его намеки воедино, то получится примерно следующее:

«Ты не сможешь выбросить свой камень, потому что он — это ты. Ты не сможешь снять с себя его тяжесть, даже если покинешь Братство, которое вручило его тебе. Тот, кто стал масоном, навсегда останется масоном — и в этом, и в последующих мирах. Ты связан теперь заветом — не только с самим собою и с Братством, но и с вечным Священным Законом — до конца быть верным масонскому делу. Сей Закон не позволяет брать назад добровольно данное Ему обещание, даже если оно было дано по незнанию. Ignorantia Legis neminem excusat. Ведь есть же в тебе нечто, что побудило тебя дать это обещание; и поверь, сделало оно это отнюдь не по незнанию. Descendit e coelo. — Познай себя!»

Размышляя над этими наставлениями, я постепенно смог в полной мере осознать их истинность и силу и понял, что камень и я теперь действительно как никогда едины. Он стал неотделимым символом меня самого, моим «камнем судьбы», подобно Каабе — установленному в Мекке священному кубическому камню мусульман, подобно камню Lia Fail в Вестминстерском аббатстве, на котором, как говорят, спал Иаков и венчались на царство короли. Добавлю, что, согласно легендам, оба эти камня были «ниспосланы с небес». Странно, что эти легенды в точности совпадают с надписью на моем камне! Но каким же образом Иаков и коронации связаны со мною, или же я связан с ними? «Познай себя!» Что ж, это резонно — ведь во мне самом наверняка скрываются и бездонные глубины, и недостижимые высоты, о существовании которых пока не догадывается мой сознательный разум. Но как же мне проникнуть туда и исследовать их? Как мне узнать о себе больше, чем я знаю сейчас? Вот что не давало мне покоя.

Окончательно зайдя в тупик, я решил отложить на время решение этой проблемы или, вернее, попытаться отложить, поскольку она по-прежнему настойчиво напоминала о себе. Камень продолжал наращивать свой объем и вес, и вскоре мысли о его загадке стали настолько же неотступными, насколько изнурительной стала его тяжесть.

Наконец настал день, когда я в отчаянии решил отнести свой камень в безлюдную вересковую пустошь, чтобы там попытаться окончательно разрешить его загадку, покончив с нею раз и навсегда, или же бросить камень там, если бы мне удалось это сделать. Я шел, вспоминая про себя пилигрима Дж. Баньяна, несшего на спине неподъемную ношу, которая сама упала на землю, как только он достиг вершины заветной горы. Но я не смел даже надеяться на то, что со мною может произойти нечто подобное, и потому не ожидал чуда. И снова я воззвал к своему внутреннему другу и наставнику, умоляя его прийти мне на помощь, но на этот раз он вовсе не удостоил меня ответом.

Устав и телом и разумом, я влачил свою ношу, ставшую теперь почти непосильной, пока не наступили сумерки, и тогда сбросил ее вниз, в заросли вереска и папоротника, чтобы хоть

немного отдохнуть; и, преклонив голову на тот же самый камень — мой камень судьбы, — забылся мертвым сном вконец измученного человека.

II

Я спал, но сердце мое бодрствовало.

Даже во сне я продолжал осознавать происходящее: мне было приятно чувствовать, что я сплю, что мое усталое тело и мозг обрели, наконец, покой и что я сам — мой освобожденный и ничем не сдерживаемый интеллект — могу теперь действовать независимо от них. О, блажен покой осознанного сна! — как бы парадоксально это ни звучало.

И хотя я помнил, что моя бедная голова и изможденный мозг покоятся на жестком камне, он с каждой минутой казался мне всё более мягким и вскоре уподобился набитой нежнейшим пухом подушке, завернутой к тому же в прекраснейшую ткань, белоснежную, прохладную и пропитанную ароматом лаванды. Но и это еще не всё: мой камень начал вибрировать — по нему побежали волны отчетливой, целительной вибрации. А еще он начал источать приятные запахи, а еще — издавать звук. Негромкие, но величественные напевы, доносившиеся как будто издалека, смешивались с благоуханными ароматами, идеально дополняя друг друга; вернее будет сказать, что они звучали в унисон — мелодичные ароматы, благоуханная музыка!

Радостное предчувствие охватило меня, и я открыл глаза. Темнота уже отступила. Всё вокруг было залито мягким золотистым светом, на фоне которого то и дело вспыхивали, подобно молниям, яркие зарницы, розовые и иных цветов, еще более чистых, чем радуга. И земля, на которой я лежал, превратилась из унылой вересковой долины в ровную, чуть волнистую поверхность приятного фиолетового цвета, словно я проник сквозь темно-синий купол ночного неба и улегся на его верхней, освещенной солнцем стороне.

Я поднялся и посмотрел вокруг. Рядом с собою я увидел незнакомца, в котором сразу же инстинктивно признал своего прежде невидимого друга и Брата, скрытого внутреннего наставника, к которому я часто обращался за советом. Я даже не предполагал, что он окажется настолько величественным и прекрасным существом. Локоны сияющих, похожих на языки пламени волос обвивали его благородную голову, и ноги его тоже окружал, подобно крылатым сандалиям, яркий, но не обжигающий огонь. Он был облачен в белые одежды, которые, казалось, не надеты, но составляют с ним единое целое. Его шею и пояс украшали — к моему безмерному удивлению — мерцающие золотым и голубым блеском облачения Мастера Великой Ложи. В

одной руке он держал длинный кристаллический скипетр, подобный жезлу дьякона, а в другой — золотой тирс, кадуцей.

Наши взгляды встретились, и мы улыбнулись друг другу. Я понял, что он здесь уже давно, только не хотел будить меня и ждал, когда я как следует отдохну.

— Где мы? — спросил я.

— Это Aula Latomorum!

— Дворец франкмасонов! — мысленно перевел я его слова и так же мысленно добавил про себя по привычке: — Грейт-Куин-стрит, Лондон, Вест-сайд, 2. Однако это явно не Лондон! — Я заметил, что мой друг прочел мои мысли, хотя я и не высказал их вслух.

— Да, это не Лондон, — подтвердил он. — То место находится теперь намного ниже и очень далеко. И дело здесь даже не в расстоянии, но скорее в состоянии — в состоянии сознания.

— Тогда где же я?

— В Aula Latomorum, в Верховной Вселенской Ложе всех Строителей Духа, которую ты до сих пор называл Великой Верховной Ложей. Здесь приготовительные покои для новоприбывших.

Услышав это, я начал возражать: я говорил, что пока не готов, что еще не заслужил права находиться здесь. Но он остановил меня и сказал: «Ты ходил, искал, спрашивал, хотя и сам не знал об этом. И потому снискал себе право быть сюда допущенным. Твои поиски мудрости, твоя непреходящая жажда Света не остались незамеченными, ибо здесь есть Око, которое никогда не спит и не дремлет. Твои неуверенные шаги на пути к истине отдавались здесь стуком в двери святилища, все более громким и настойчивым — и вот теперь эти двери открыты для тебя. Там, внутри, тебя уже ждут. Следуй же за мной, нам предстоит войти в Ложу!» И он бережно, но властно обнял меня за плечи.

Я всё еще колебался, но живительная энергия его присутствия и прикосновения помогла мне преодолеть робость и вселила бодрость и мужество. И всё же я не смог, уходя, не оглянуться назад — туда, где лежало в полумраке, опустив голову на грубый серый камень, мое спящее тело,

подобное ветхим лохмотьям, которые я только что сбросил с себя. От него ко мне тянулась тонкая серебристая полоска — фосфоресцирующая нить, едва различимая на фиолетовом фоне.

— Это и есть твой «канат», — сказал мне мой наставник. — С его помощью ты сможешь вернуть себе потом благословение материальной жизни... Если, конечно, она была для тебя благословением, — добавил он с усмешкой. — Однако она и вправду благословенна, поскольку без нее ты никогда бы не смог сюда попасть. А теперь иди за мною!

Мы поднимались вверх по огромной лестнице. Обутое в пламя ступни моего спутника едва касались ее ступеней. И чем выше мы поднимались, тем более громко и торжественно звучала музыка; ее переливы накатывались на меня подобно океанским валам.

— Какая чудесная музыка; откуда она здесь? — спросил я наконец.

— В ожидании твоего прихода великий органист исполняет фрагменты музыки сфер, дабы они помогли исцелить твой истерзанный дух. Ее эхом были те благоуханные звуки, которые издавала твоя каменная подушка. И эта Ложа, суцая на небесах, и земля, которая сейчас под нами, — все они созданы и соединены этою музыкой, но лишь немногие в нижнем мире имеют уши, чтобы слышать ее.

И мы продолжили свой путь.

III

Одолев первый пролет лестницы, мы оказались на ровной прямоугольной площадке посреди огромного зала. В обе стороны от нее вели длинные коридоры, обрамлявшие все здание по периметру. Мой наставник провел меня вдоль всех четырех ее сторон.

— Это та площадь, — сказал он мне, — на которой строят все Архитекторы Духа, руководимые Великим Архитектором Вселенной. Есть еще два более высоких уровня: один из них принадлежит Геометрам, которые составляют чертежи, впоследствии воплощаемые в жизнь Архитекторами; а на самом высоком трудятся еще более великие души, посвященные в тайные замыслы Высочайшего и пребывающие в Его тени.

Мы достигли врат центрального зала — Ложи подмастерьев Великих Архитекторов. Рядом с ними стояло могущественное существо с грозно поднятым мечом, но, оглядев мой внешний вид и одеяние, существо опустило меч и спросило меня, чьим именем я требую, чтобы меня впустили. За меня ответил мой провожатый, и голос его зазвучал подобно серебряной трубе:

— Во имя Сына Плотника — Великого Плотника Вселенной миров и людей, сотворившего всё сущее!

Огромные ворота распахнулись, и из внутреннего пространства зала, подобно шуму волн, до меня донесся слаженный хор голосов: «Да будет вовеки прославлено Его Имя! Да наступит царствие Его во внешнем мире так же, как и здесь, внутри!»

И мы вошли внутрь.

Я не вправе рассказывать обо всём, что видел и что произошло со мною в этом чудесном месте, в этом славном собрании. Скажу только, что встретил там, помимо всего прочего, два переплетенных треугольника, образованных зажженными свечами, из которых три светили более, а три остальные — менее ярко. Еще одна — седьмая и самая большая свеча — стояла в самом центре, и свет ее был столь нестерпимо ярок, что я невольно опустился на колени и закрыл глаза обеими ладонями. И пока я стоял так, ослепленный и коленопреклоненный, слух мой внимал словам, которые я никогда и никому не осмелюсь передать; мне показалось, что исходили они от самой большой и самой яркой свечи. А затем меня спросили, готов ли я добровольно и безо всякого принуждения заключить с исходящим от свечи Голосом великий и возвышенный завет, который мне никто не передаст ни изустно, ни письменно, поскольку он должен сам родиться в моем сердце в подтверждение моей решимости и искренности. Я же, в силу своего невежества, простоты и слепоты, исполнился таким восторгом от встречи с бесчисленными чудесами, открывшимися мне в этом благословенном месте, что уподобился ребенку, которому показали нечто новое, необычное и интересное, отчего ему хочется немедленно бежать к своим друзьям, чтобы поделиться с ними радостью. И я воскликнул, что теперь ничто не может заставить меня утаить от мира существование этой неопишуемой благодати, которая так близка и в то же время мало кому доступна. Напротив, я расскажу об этом всем и каждому и, как смогу, постараюсь описать тот благословенный Свет, в лучах которого мне посчастливилось купаться; я постараюсь унести с собою назад, в погруженный во мрак нижний мир, столько этого Света, сколько сумею, чтобы каждый смог его увидеть, ибо я готов обратиться в пыль и развеяться надо всю землю, если только вместе со мною по миру разлетятся искорки этого чудесного Света.

Я, наверное, говорил бы еще долго, будучи не в силах совладать с захлестнувшими меня чувствами, но чьи-то руки отвели мои ладони от лица, сжали мои пальцы, и Голос воззвал: «Встань, Брат с сердцем ребенка; это царство — для таких, как ты. Неси перед собою мою свечу, и да будет Свет!»

Меня подняли с колен, и мне показалось, что вместе с телом возносится вверх и мой разум, который вдруг стал во много раз восприимчивее и богаче. Мне показалось, что причиной тому послужила вибрация, исходящая от всё той же, поднимающей меня с колен, таинственной руки. Всё, что я видел и знал раньше, вдруг показалось мне всего лишь темнотою и заблуждением в сравнении с тем, что я познал сейчас; и я — лишь минуту назад заявлявший в своем импульсивном невежестве, что сам стану Светом для мира, — заметил, наконец, что великий центральный Свет, окруженный шестью меньшими светильниками, это вовсе не свеча, но Сам носитель прославленного имени.

«Domine, non sum dignus!» И снова я собрался пасть на колени, но Иерофант Великой Доброты, ходивший между светильниками, удержал меня и для моего успокоения снял с себя одеяние из белоснежной шкуры ягненка (я успел заметить, что одеяние это и плоть Его суть одно и то же) и препоясал им мой стан, будто передником, говоря:

«Сие есть Тело Мое, которое я даю тебе, чтобы и ты смог отдать Мне свое тело». И снова меня захлестнула волна разноцветных звуков — это был стройный хор голосов, которые пели: «Ecce Agnus Dei, qui tollis peccata mundi!»

И тут я ощутил прилив великой силы: все мои сомнения рассеялись, и я встал перед Ним, расправив плечи, — признанный Каменщик-подмастерье Великой Верховной Ложи.

Тем временем Он взял три меньших свечи, и они слились в Его руке в одну, и Он вложил ее в мою руку, призвав меня освещать ею путь, который приведет меня к осознанию меры совершенного человека и к высокому званию Мастера-масона, после чего мне надлежало идти к тем, кто до сих пор пребывает во тьме, ибо на них все еще лежит тень смерти.

И тогда, под звуки музыки, все более громкой и торжественной, мой проводник повел меня к выходу из великого зала, и всё огромное собрание приветствовало своего нового Брата, который шествовал перед ними с зажженной свечой в руке. И я мог свободно входить в их жилища и мастерские, где воочию наблюдал ту работу и те методы, которые используются этими подлинными созидателями — строителями и плотниками, стараниями которых сотворены все проявленные формы в нашем мире, от Солнечной системы до человеческих тел и прочих организмов, от отдельных планет до простейших механизмов, изобретенных людьми; ибо чем же являются все наши «изобретения», как не «открытием», обнаружением, выявлением человеческого разумом того, что уже создано и существует как прообраз на сверхчеловеческом уровне, незримо для людей? Здесь же, наверху, становятся проявленными и видимыми все тайны и загадки всех сотворенных форм и физических явлений. Здесь силы, именуемые нами законами природы, поддаются регулировке и контролю, здесь определяются очертания океанов, континентов и водных путей, здесь составляется расовая структура человечества. В одной

мастерской трудятся те, на ком лежит ответственность за строительство стран и государств в нижнем мире и за формирование их политических систем; в другой — те, кто составляет таблицы и своды законов, коим предстоит регламентировать общественную жизнь и управление, кто разрабатывает этические и религиозные системы, виды церемониала и священнодействий, предназначенные для людей и призванные приближать их к пониманию высших истин. Среди творений этих последних можно было узнать первоисточники великих ритуальных и символических систем, способствовавших развитию человеческого воображения и открывших людям глаза на многие духовные принципы, которые в противном случае так и оставались бы неизвестными. Тут были и древние школы мистерий, и церкви — иудейская и древняя христианская, и современное франкмасонство, чьи истоки — тайна за семью печатями для земного исследователя, хотя здесь, наверху, они предельно ясны. Ибо все эти системы и учреждения появились во внешнем мире не в результате случайного стечения обстоятельств или исключительно человеческой изобретательности, но как земные «образы вещей небесных», материализованные отражения объектов, созданных ранее Строителями и Архитекторами, которые трудятся на более высоком и просветленном уровне бытия, нежели наш физический, — на том уровне, с которого эти объекты переносятся на землю через вдохновение, озаряющее умы живущих внизу людей, или же через тех, кто способен осознанно восходить на вершину горы и приносить оттуда наставления, как это сделал еврейский посвященный Моисей, когда ему было приказано создать религиозно-политическую систему для своего народа, не забывая при этом «делать всё в соответствии с образцами, показанными ему на Горе».

Ведь на этой священной «Горе» создаются прообразы всего, что есть доброго, полезного и хорошего в раскинувшейся у ее подножия земной «долине», где ничто по-настоящему не создается, но только копируется и воспроизводится. Именно оттуда пророк, поэт, художник, музыкальный гений и изобретатель черпают, осознанно или неосознанно, свои идеи, которые превращаются затем в наследие человека и способствуют его эволюционному продвижению, хотя в то же самое время внушают ему иллюзорное ощущение способности самостоятельно развиваться и веру в неограниченное могущество собственного ума.

Так я познакомился с великим Братством Небесных Архитекторов, которые не спеша, но и не останавливаясь, трудятся в мире Света. Тут мысли мои вновь вернулись к тем строителям, что трудятся в темноте нижнего мира; и если они и в самом деле ничего не могут строить самостоятельно, кроме собственной судьбы — доброй или злой, — то прав был поэт, сказавший:

«Гляди, они Судьбу свою творят:

Взбираясь по разрушенным ступеням,

Подняться выше стен они хотят,

Которые вокруг них воздвигло Время».

Тут меня позвал мой обутый в пламень проводник, и, вспомнив, что перед тем, как нести Свет в темное царство, из которого я пришел, мне следует познать меру совершенного человека, я последовал за ним.

IV

Мы продолжили восхождение по огромной винтовой лестнице, которая привела нас к еще одному огромному залу, где была Ложа Геометров. По его коридорам меня провели дважды — видимо, для того, чтобы я смог лучше освоиться на этом, еще более высоком уровне бытия.

После надлежащих приготовлений, по-прежнему держа в руке, как свидетельство, свечу, я был допущен в их центральное святилище. И тот же Иерофант, которого я видел раньше в образе Великого Архитектора, предстал передо мною в ином, еще более возвышенном облике Великого Геометра.

На сей раз Он стоял в середине треугольника, образованного тремя яркими свечами, которые Он тоже собрал вместе; и они так же слились в его руке воедино, и эту триединую свечу Он всё так же вложил в мою руку; так что теперь у меня было уже две свечи, одна из которых светила неярко, как луна, а другая сияла, как солнце посреди безоблачного небосвода. Мне было сказано, что в дальнейших странствиях мне понадобятся обе эти свечи.

И когда я взял в руку вторую свечу, мое предыдущее просветление показалось мне всего лишь лунным светом в сравнении с тем, которое снизошло на меня в этот миг, а пространство комнаты, до сих пор представлявшееся мне пустым, вдруг оказалось заполненным множеством величественных существ — богоподобных людей, приветствовавших мое появление. Каждый из них поднял высоко вверх руку, и все они хором запели: «Пусть солнце никогда не заходит на его вершинах и луна непрерывно светит в его долинах, пока не будут побеждены все его враги в великий день его завершения!»

И Великий Посвятитель, возложив руку себе на грудь, извлек оттуда чашу красного вина и, протянув ее мне, сказал: «Вот живая кровь Моя, которую Я даю тебе, дабы и твоя кровь могла стать Моею. Прими и выпей!»

Я с благодарностью осушил предложенную мне чашу, после чего мне было позволено продолжить свой путь.

До сих пор я видел только то, что мне позволяло мое внешнее, обычное зрение, и потому воспринимал лишь внешние формы и поверхностные образы вещей. Но теперь, отведав нового вина, я почувствовал, что обрел внутреннее зрение, способное проникать сквозь форму и постигать сущность вещей, оживляющую их; видеть уже не отдельные существа и объекты, но все живое в целом, все вещи в их неразрывном единстве. И я воочию убедился, насколько точен был Сократ, когда восторженно описывал (а я ни на йоту не сомневаюсь в том, что еще при жизни он сам был призван в это священное место и прошел через то же самое посвящение, иначе он ни за что не смог бы сказать то, что сказал), судя по тексту платоновского «Федра», эту сферу, о которой ни один земной певец еще не сложил и никогда не сложит достойной ее песни и где человек впервые познаёт реальное существование: лишенное цвета и формы, неосязаемое, воспринимаемое лишь самой возвышенною областью человеческого разума — его духовным разумом, управляющим движениями души и единственно способным контактировать с Божественным Разумом, благодаря чему человек обретает возможность познавать уже не второстепенные свойства и характеристики вещей, но их первоисходную сущность; думать уже не о том, что справедливо, значимо, красиво и добродетельно, а что противоположно этому, непосредственно ощущать Мудрость, Силу, Красоту и Добродетель в их абсолютном, исходном и реальном бытии.

Здесь же я обнаружил те «идеи», что лежат в основе прообразов и прототипов, которые я уже встречал раньше — в мастерских Небесных Архитекторов. Здесь я постиг геометрические и математические принципы, на основе которых создаются сии прототипы, и убедился в том, что каждая сотворенная вещь заранее исчислена, взвешена и измерена (о чем уже поведали людям из внешнего мира посвященные пифагорейской школы). Поистине, исчислены даже волосы на голове у каждого из нас — не в арифметическом смысле, но в смысле своей структурной целесообразности; и даже воробей не упадет на землю, если это не будет продиктовано всё той же целесообразностью, потому что любой, даже самый незначительный факт непременно отражается во Вселенском Сознании и производит в нем соответствующие изменения. Как говорил Платон, на этом уровне «рисует свои чертежи сам Бог», после чего сии Божественные Идеи подхватываются Геометрами, которые трудятся не покладая рук, дабы подготовить их к передаче в расположенную еще ниже Ложу Архитекторов, где их облачают, наконец, в конкретную форму. Я мог бы долго оставаться на этом уровне, удивляясь его бесчисленным чудесам, но снова вспомнил о своем обещании и попросил, чтобы мой проводник вел меня дальше.

V

Но как расскажу я о том, что открылось мне после? Как передать словами то, что познаётся только в Безмолвии? Я уже прошел через два небесных, новых для меня уровня бытия: тот, где создаются все формы, и тот, где образуются бесформенные, самодостаточные принципы и абстракции — эфирные эмбрионы, порождаемые мыслями Геометров и обретающие объективный образ

стараниями Архитекторов. Теперь же мне предстояло подняться еще выше — на уровень, качественно превосходящий оба предыдущие, где нет ни облеченного в форму, ни бесформенного, но есть только первичный Хаос, откуда исходит и то и другое и куда всё в конце концов возвращается. Сие есть первичный раствор, который невозможно ни представить себе, ни описать. И хотя дух мой горел желанием двигаться дальше и проникнуть в этот загадочный и невообразимый мир, все-таки на его пороге, впервые за все время моего пребывания в этом царстве блаженства и покоя, цвета и звука, телесной силы и ментальной чистоты, меня одолело сомнение: достаточно ли я разумен и стоек для того, чтобы войти сюда, хватит ли у меня сил воспринять и понять истины еще более высокие, нежели те, что я уже воспринял и понял, и не будет ли с моей стороны глупостью и безрассудством пытаться проникнуть еще дальше, не обернется ли это для меня падением и гибелью?

— Пусть слабость превратится в силу! — сказал мой проводник, прочитав мои мысли. — Иди же со мной. Нам предстоит взойти на Гору Господню! — И снова он обнял меня своею сильною рукою, и я, неся перед собою малую и большую свечи — свой лунный и солнечный свет, — отправился вместе с ним наверх, к самому высокому этажу великой Аулы.

Чем выше мы поднимались, тем менее различимой становилась дорога у нас под ногами: так бывает, когда широкий большак, постепенно сужаясь, превращается в узенькую тропинку, а затем и вовсе исчезает из виду. Несмотря на то, что я нес в руках две яркие свечи, вокруг нас как будто начали сгущаться сумерки: с каждым нашим шагом становилось все темнее, и когда мы добрались, наконец, до ровной площадки перед входом, я уже почти ничего не видел вокруг, кроме неопределенных черных силуэтов, едва вырисовывавшихся вблизи.

Хотя мы по-прежнему находились внутри здания, оно словно исчезло, растворилось во мраке, и то, что теперь окружало нас, невозможно было ни определить, ни описать. Это было некое «место», к которому не подошел бы ни один эпитет и ни одно название. Здесь не было ни комнат, ни коридоров, подобных тем, что я видел на предыдущих этажах, и никаких признаков жизни или активности, только заброшенность и пустота, хотя меня не покидало чувство, что жизнь буквально обступает нас со всех сторон. Здесь меня трижды обвели вокруг того, что могло бы называться четырехугольником, если бы было видимым и имело четыре стороны, дабы я смог лучше уяснить себе принципы этого странного существования.

В этой области человеческого разума царили тишина и одиночество. И даже величественная музыка, заполнявшая предыдущие уровни, стихла — то ли потому, что воздух здесь был слишком разреженным, то ли потому, что слух мой был недостаточно чувствительным, чтобы услышать ее. Временами мне начинало казаться, что мы находимся под сенью густого леса и что над нами нависли, закрывая свет, могучие ветви огромных ливанских кедров и других исполинских деревьев.

Наконец я спросил своего спутника, куда мы попали.

— Это дом Сыновей Вдовы, — ответил он. И в тот же миг нас обоих захлестнул столь сильный поток чувств, что, казалось, даже могучая природа моего проводника поддалась его влиянию. Он на секунду замедлил шаг и прошептал скорее самому себе, нежели мне: «Sub umbra alarum Tuarum, Jeheschuah!», — словно проникся желанием навеки остаться в этом мире непроглядного тумана.

Мысли мои сразу же обратились к учению об утраченной Божественной Мудрости — Софии, о Невесте, овдовевшей на много веков из-за своих заблудших сыновей, которые, впрочем, рано или поздно поймут, что следовали путем не разума, но глупости, и добровольно вернуться к Ней и признают Ее.

Наконец мы прервали свой путь перед двумя смутно угадывавшимися в темноте колоннами, расположенными так близко друг к другу, что между ними едва мог протиснуться один человек. Далее, как сказал мне мой проводник, я должен был идти один, поскольку ему не дано было права сопровождать меня в этом конечном святилище. Но он пообещал надлежащим образом подготовить меня к этому ответственному путешествию, а затем — дожидаться моего возвращения снаружи.

И мы приступили к великому и торжественному ритуалу приготовления.

Он взял у меня большую, солнечную свечу и укрепил ее на подсвечнике, установленном у вершины одной из колонн, отмечавших вход в святилище. Затем он взял у меня малую, лунную свечу и укрепил ее на таком же подсвечнике, стоявшем у вершины другой колонны. При этом он повторял со всею убежденностью и искренностью следующие слова: «Пусть солнце никогда не заходит на его вершинах и луна непрерывно светит в его долинах, пока не будут побеждены его враги в великий день его завершения!»

Он снял с меня все одежды, кроме одной — того самого передника, который даровал мне в нижестоящей Ложе Великий Иерофант, поскольку все прочие мои облачения, какими бы эфирными они ни были, представляли собою продолжение моей природы, мои сконденсированные мысли и желания, ставшие теперь зримыми и объективными и облежавшие мое существо, подобно одежде. И если я действительно хотел, чтобы дух встретился с Духом, мне надлежало снять их с себя: только отбросив свою плоть, я мог увидеть Бога. Но мой передник не могла с меня снять ни одна рука, кроме той, что даровала мне его; поэтому он остался обернутым вокруг чресл моих, дабы быть мне силою и поддержкой в день моего завершения.

Спутник мой, сорвав с нависающей над нашими головами ветви легкий как перышко побег акации, скрутил его наподобие ленты и возложил мне на голову, говоря при этом: «Увенчан ты в чертоге смерти, дабы возложили на тебя потом Венец Жизни, который не увянет вовек».

Встав напротив меня, он поднял высоко вверх свой тирс, или кадуцей, который все время нес с собою, и, держа его как распятие перед лицом умирающего, воскликнул:

— Прими сию золотую ветвь, ведь и сам ты — не более чем веточка на вечном Древе Жизни, и, глядя на нее, подумай о том, что ты тоже связан с сим Древом и можешь стать его бессмертной ветвью, и тогда листья и плоды твои будут служить исцелению народов!

Привязанную к кадуцею золотую нить он надел мне на шею, так что сам кадуцей оказался у меня на груди, подобно нательному кресту.

Затем указательным пальцем он запечатлел меня знаком креста в пяти местах: над бровью, над гортанью, над сердцем, над ладонями обеих рук и над ступнями обеих ног. И после каждого такого осенения крестным знамением он еще раз запечатлевал окрещенное место своим братским поцелуем, словно старался собственными устами исцелить раны, нанесенные его перстом. При этом он говорил мне:

— В любви нанесены тебе раны в доме друзей твоих, дабы любовь смогла вернуть тебе целостность. Пусть эти раны навеки свяжут тебя с Бессмертной Любовью, чтобы в любви ты думал, в любви говорил, чувствовал, ходил и трудился, когда снова окажешься среди сынов человеческих.

Сказав это, он повернулся ко мне спиной и направился к двум возвышавшимся передо мною колоннам. Подле них преклонил он колени свои, прикоснулся к стволам колонн ладонями, словно хотел соединить их в себе, и сказал, обращаясь в скрытую за ними неизвестность: «Утвердил я в силе сего сына дома Твоего, чтобы мог он стоять гордо и непоколебимо в великий день своего единения с Тобою, Высочайший!

Поднявшись с колен и снова взяв в руки свой жезл, или скипетр, он встал у меня за спиной. И хотя я уже не мог видеть его более, я все равно ощущал его присутствие, излучавшее в тот момент благотворную энергию, направлявшую, побуждавшую и даже заставлявшую меня двигаться вперед. То была энергия одновременно воли и молитвы — воли, подчинившей себе и укрепившей мою собственную, и молитвы о благополучном исходе этого путешествия. Ибо я направлялся в долину, на которой лежит тень смерти — безмолвная энергия, подобная штормовой океанской

волне, и мощь ее нарастала с каждой секундой, и, казалось, вот-вот должна была взорваться звуком, который унесет меня, подхватив, как пушинку, в неведомый мир.

Едва я успел подумать об этом, как звук действительно родился. Он ворвался в мой слух, во все мое существо, как великое и чистое Слово, увлекшее меня за собою. Я не в силах передать, что это было за слово, поскольку оно превосходило мое понимание. Оно смогло проникнуть в мой разум только как отзвук мысли, родившейся в сердце моего проводника и наставника:

«Отец мой, в руки Твои предаю я ныне сей дух, ибо он — и мой дух тоже!»

И побуждаемый этим великим Словом, я устремился сквозь узкие врата, обозначенные двумя освещенными колоннами, навстречу мрачной неизвестности.

VI

Я заметил, что земля под моими ногами начала круто подниматься вверх, как будто я взбирался по склону окутанной тишиною и мраком горы. Правда, на первых порах путь мой хоть и неярко, но освещался остатками сопутствовавшего мне прежде света, посылаемого ныне мне вослед двумя великими свечами, которые я принес с собою и оставил на вершинах двух колонн; но темнота всё более сгущалась по мере моего восхождения, и в конце концов непроглядный мрак окутал меня со всех сторон. Мне вспомнились мудрые слова, которые смогли немного утешить меня: «Ни солнце не будет более светить тебе днем, ни луна ночью; но Дух станет для тебя вечным Светом, а Бог твой станет твоею славою; и тогда закончатся дни твоих скитаний». Я знал то, что было написано другими о прохождении через этот божественный мрак — агносию человеческого духа, где исчезают видения и замирает мысль и где возможно соприкосновение с нулевой точкой сознания, в которой нет ничего — ни человека, ни самого Бога. Но мне было известно и то, что сия пугающая темнота была на самом деле светом — настолько интенсивным, что неподготовленному и недостаточно чувствительному глазу он казался тьмою; эта мысль также приносила мне некоторое утешение. Однако мысли и память (и я это тоже знал) исчезают здесь, как и всё остальное, поэтому даже они не могли быть для меня достаточно надежной опорой.

Итак, я оказался в окружении этой всепоглощающей тьмы. В разреженной атмосфере горы я поднимался всё выше и выше, и существо мое обретало при этом все большую, поистине сверхъестественную чувствительность. Я чувствовал, как плоть моя (то есть даже моя нынешняя эфирная оболочка) растворяется, оставляя незащищенным трепещущий остов из обнаженных нервов. Легкий как пушинка венчик, сплетенный из ветки акации, сдавливал теперь мою голову подобно тяжелому терновому венцу, и его нежнейшие листья казались мне стальными шипами,

беспощадно впивавшимися в бровь. А небольшой золотой тирс, висящий у меня на шее, уподобился тяжелому кресту, под грузом которого я, истекая кровью, сочившейся из моих ступней и ладоней, с трудом поднимался по крутому склону. В конце концов, совершенно выбившись из сил, я остановился, чтобы хоть немного передохнуть, отер указательным пальцем кровь и пот со своих бровей и закричал в отчаянии:

— Помогите же мне, о Сыновья Вдовы! Ибо я такой же сын Вдовы, как и вы сами.

Но не получил ни помощи, ни ответа. Однако чем чаще я так останавливался и чем больше меня одолевали сомнения, тем явственнее я ощущал бодрящее воздействие могущественного Слова, которым напутствовал меня мой наставник. Я чувствовал, что он попрежнему подталкивает меня вперед в моем добровольном поиске, и знал, что, несмотря на разделяющее нас расстояние, он продолжает наблюдать за мною и направлять меня, а его скипетр и жезл служат мне напоминанием и защитой.

В глубинах океана есть точка, ниже которой не может опуститься тонущее судно, так как давление на него сверху и сопротивление толщи воды снизу в этой точке уравнивают друг друга. Судно, таким образом, оказывается в подвешенном состоянии, и две воздействующие на него с противоположных сторон силы перемалывают его, обращая в груды исковерканного железа. В океанических глубинах Вселенского Духа тоже есть подобная точка равновесия, где человеческая душа, стремящаяся убежать от земных привязанностей к духовной свободе, подхватывается и перемалывается между жерновами, воздействующими на нее сверху и снизу. Эта точка есть мистическая Гефсимания, что буквально означает «место, где есть пресс для вина и масла»; в ней душа достигает того экватора, где встречаются две противоположные друг другу притягивающие силы — души и духа, и душа буквально разрывается на части во всех своих суставах и сочленениях. Подобно тому, как пшеница во время обмолота освобождается от соломы и плевел, или масло и вино извлекаются из раздавленных плодов, дух, заключенный в душе — ее бессмертная суть — очищается, освобождаясь от своей ныне расколотой оболочки, в которой он достиг зрелости и совершенства, и переходит к новому, независимому существованию; оболочка же остается, чтобы погибнуть.

Словом, я достиг именно этой точки — Гефсимании. Моя душа теперь уже совершенно явственно ощущала надвигающийся разрыв между двумя своими царствами — «одно мертво, а у другого еще не хватает сил родиться». Снова и снова призывал я на помощь Сыновей Вдовы, но не получал ответа и наконец решил полностью отдаться во власть магического Слова, всё еще побуждавшего меня двигаться дальше — вверх по склону горы.

А за Гефсиманией возвышается Гора Голгофа — Кранион, или Кальвария, голая возвышенность, каменная вершина, которой не стоит искать на поверхности земли; она не известна никому, кроме обнаженного человеческого духа, способного взойти на нее, чтобы оттуда вознестись

высоко над землею и ее магнетизмом и обрести Божественное рождение в свободной и чистой атмосфере Абсолютного Духа.

Когда я достиг вершины, ноги мои подкосились, и в этот момент, пожалуй, только одно спасло мою душу от полного разрушения — всё возрастающая благотворная сила, исходившая, как мне показалось, от передника, обернутого вокруг моих бедер. Вдруг я почувствовал, что земля уходит из-под ног и я поднимаюсь над вершиною этой срединной горы.

Ничья рука не прикасалась ко мне, я поднимался вверх сам. Как у человека, сквозь тело которого проходит сильный электрический поток, конечности мои одеревенели, стали негнушимися и непослушными. И я понял, что в душу мою, подобно электрическому току, вошел сам Творящий Дух, заставляя меня выпрямиться и принять вертикальное положение; мои руки вытянулись горизонтально в стороны, и всё существо мое затрепетало от напряжения. Так я и застыл высоко в воздухе: голова моя была устремлена к вершинам, остававшимся недостижимыми, а ноги направлены к земле, от которой уже полностью оторвались; руки мои распростерлись во всю ширину своего размаха, словно я повис на невидимом и неосязаемом Древе Жизни, где сам был и крестом, и жертвою, распятой на нем.

Я провисел в темноте три часа (не обычных, земных часа, ибо то были часы Духа, для которого, как известно, один день — как тысяча лет), зная, что мой крест — это тот самый *Stauros*, на котором от начала мира распята добровольно принесшая себя в жертву Жизнь Творящая, дабы по ее образу и подобию могли совдаваться миры и Жизнь Сотворенная могла воспринимать ее совершенный облик.

Всё это время акациевый венец безжалостно язвил моё чело своими острыми колючками, а я не мог даже пошевелить рукою, чтобы утереть со лба пот и кровь. Но постепенно отчаяние мое стало сменяться радостью, и даже боль, как мне показалось, немного утихла, ибо я почувствовал, что колоссальное напряжение, испытываемое в тот момент всем моим существом, передалось и той хрупкой веточке акации, что была возложена на мою голову, пробудив скрытые в ней жизненные соки: она вся затрепетала, готовая расцвести золотым цветом, и я понял, что когда это произойдет, я наконец увижу долгожданный Свет и мой терновый венец превратится в венец жизни.

Золотой тирс глубоко врезался мне в грудь, прошел сквозь всё мое естество и наконец слился с моим позвоночником. Две змеи, обвивавшие тирс снизу вверх, тут же поползли еще выше, обвивая теперь уже мой позвоночник. Они были подобны потокам новой — неизведанной и гораздо более активной — жизненной силы, что устремились по моим нервам к голове, где они должны слиться воедино; и результат этого слияния, как я знал, будет подобен соединению разнополюсных электрических потоков. Но если последние, встречаясь друг с другом, рождают

лишь вспышку света, то мне предстояло обрести сияющие крылья сознания, такие же прекрасные, как символические крылья ангелов, и такие же широкие, как мои раскинутые на кресте руки.

Я почувствовал, что передник Каменщика, который был для меня одновременно и бременем, и поддержкой, тоже начинает срастаться со мной, становясь моею собственной плотью и кровью. И тогда я понял, почему Верховного Владыку всех посвященных — «Царя Иудейского»*, распятого на Кресте, обычно изображают облаченным именно в эту одежду — передник, представленный в виде набедренной повязки; и почему все великие художники, создавая сцену Распятия, намеренно либо по наитию рисовали практически одно и то же. Я понял, что делалось это не из мелочного ханжества или эстетства, но дабы открыть каждому, кто способен это понять, одну важную истину: те изначальные, скрытые творческие энергии, что порождают Вселенную и способствуют духовному возрождению человеческой души, должны оставаться тайною для всех, ибо созерцать их может едино лишь Божественное Око.

* Под термином «иудей» подразумевается посвященный в еврейские и гностические мистерии. Надпись на кресте — на языках трех основных цивилизаций того времени: еврейском, греческом и латинском — призвана указать людям вдумчивым на то, что распятие есть кульминационная точка, общая для всех существующих в мире систем посвящения, и христианский Мастер, следовательно, главенствует над всеми прежними посвященными; Он есть «Царь» надо всеми мистическими «иудеями» как на Востоке, так и на Западе.

Мое сознание, словно у умирающего, становилось то почти полностью пассивным, то вдруг неестественно деятельным и восприимчивым, впадая временами в состояние совершенно дикого (хотя и упорядоченного в своем роде) бреда; но при этом я ни на миг не забывал о стоящей предо мною цели и о необходимости сосредоточить на ее достижении всю свою волю. Временами мое сознание расширялось до космических масштабов, но затем сбивалось вдруг на вещи до крайности банальные и несущественные. Были моменты, когда мне казалось, будто вместо маленького акациевого венка голову мою украшает сияющая диадема Млечного пути, будто огромные созвездия умещаются у меня на ладони и носятся вокруг, подобно танцующим светлячкам, а тело мое и ноги распростерлись на необозримое расстояние, и земля маленькой, едва заметной пылинкою лежит под моими стопами. А иногда само небо разверзлось предо мною, преподнося все свои мыслимые и немыслимые наслаждения, но я отвергал все соблазны и искушения, едва они успевали появляться; я жаждал, но хотел отведать гораздо более благородного вина, нежели то, что мне предлагалось. Каждый волос на голове казался мне теперь связующей нитью, соединяющей меня с сонмом ангелов и с источниками сверхъестественного разума, а нервы моих ног превратились вдруг в тончайшие корни, проникающие во все уголки земной природы и во все без исключения тайны человеческого бытия, благодаря чему я мог слышать, как растет трава, как щебечут птицы, как плачут и смеются дети; и в то же время я слышал, как шумят и грохочут заводы, машины и механизмы, как сталкиваются друг с другом в смертельной битве враждующие армии. Каждая песчинка, каждая мельчайшая пылинка и каждая клеточка живой материи открыли мне свое строение, свои возможности, предназначение и

грядущую судьбу. Я видел, как они трудятся, борются, строят, разрушают и перестраивают; и на каждой из них — знают они об этом или нет — запечатлен знак креста — собственный, пусть даже очень маленький крестик, который они несут, следуя всеобщему стремлению возвыситься до великого и конечного креста преображения, на котором ныне висел я, дабы проследовать далее к немыслимым высотам нового, более совершенного мира.

Посреди маленького и мрачного, суетного и ограниченного нижнего мира я увидел и своих Братьев-Каменщиков — членов символического Ордена. Сбравшись в своих Ложях, они истово твердили заученные ритуалы, поправляя друг друга, если кто-то неточно или не вовремя произносил важное, на их взгляд, и способное повлиять на конечный результат церемонии слово. А иных я увидел за банкетными столами, под хлопки открывающихся бутылок шампанского произносивших здравицы в адрес своих коллег, восхваляя добродетели масонства, крича: «Пусть не увядает Мастерство!» и воспевая «мистическую связь», сплывающую (причем намного теснее, нежели они сами полагают) всё сущее в мире и побуждающую нас строить храм, о котором, впрочем, мало кто из них имеет хоть сколь-нибудь определенное представление.

Темнота вокруг меня тем временем сгустилась еще больше (если, конечно, непроглядную темень можно было сделать еще непрогляднее) и вдруг... показалась мне долгожданным светом. Моя способность чувствовать и страдать окончательно истощилась, и боль моя отступила, став вдруг мериллом радости. Я воспринял сие как должное, ибо знал, что эти противоположности суть разные полюса одного и того же явления и потому их несовместимость условна; и наше восприятие этих полярных крайностей, как правило, навязано нам окружающей средой. Но не к этому свету и не к этой радости я стремился — ведь они были связаны с ощущением, желанием и мыслью. Я же пытался достичь еще более глубинного уровня, превосходящего любое чувство, любую мысль и любое желание; я стремился достичь универсального Духа, дабы воссоединить с ним собственную волю.

Но в конце концов все чувства во мне умерли, и я не испытывал более ни радости, ни страданий. Умерло и желание, и меня перестало волновать мое будущее — я воспринял бы его одинаково спокойно, каким бы радостным или, напротив, ужасным оно ни было. Позже всех умерла мысль, ее последние искорки постепенно погасли, и осталась лишь абсолютная, застывшая пустота. От меня же не осталось ничего, кроме мятущегося духа, который пытался родиться, но не мог. Это и была нулевая точка негативного сознания — тот рубеж, за которым остается только вечное НЕТ и где нет ничего, даже Бога.

Элои, Элои! Лама Савахфани!

Я все-таки воскрес — я и уже не я — и увидел Свет, новый, невыразимый Свет, который был больше чем просто свет, потому что это была сама жизнь — имперсональная жизнь, где отсутствует категория личности, жизнь во Вселенском Духе Света:

«Свет необычный, несравненный и столь яркий,

Что самый свет он может осветить;

Неизъяснимый ни одним языком!»

И в тот же миг ветка акации, возложенная на мою голову, расцвела чистым золотым цветом.

Никакой язык не сможет, и ни одно перо не дерзнет описать сей осознанный отдых души, достигшей Бога, — этот «сон в Свете», как называли его египтяне, этот равноправный союз конечного объекта с бесконечным Субъектом, это нирваническое поглощение очищенного пламени человеческого духа огнем Божественного Разума; растворение человека-капли в океане Чистого и Безграничного, которое есть Ничто, но без которого ничего бы не было; это имперсональное, но осознанное состояние, достижимое только тогда, когда всякая деятельность, все чувства и все ощущения сведены к нулю и когда неугомонный разум наконец успокаивается, переставая мыслить. Тогда душа, уподобившаяся младенцу, покоится на обнаженной груди Духа, о котором сказано:

«Я — Тишина, что звука всякого сильней.

Себя обрящет тот, кто затерялся в ней!

Я — Океан Безбрежный и Бездонный.

Опору ищешь ты, но тонешь тем верней!»

То, что прежде казалось беспросветным мраком, превращается в безбрежное море ласкового света, наполненного жизнью — море живого света, море светлой жизни. И я увидел вокруг себя бесчисленное множество Сыновей Вдовы — Божиих Мастеров-масонов, Повелителей Мудрости и хранителей тайн Высочайшего, чье вдохновение чрез них передается Геометрам и Архитекторам нижестоящих уровней, превращающим эти абстракции в конкретные планы строительства, развития и разрушения миров. Но сии могущественные Мастера были по виду не более чем пена, взбиваемая волнами на поверхности Вселенского потока Жизни.

Я понял, что на всем протяжении моей агонии эти великие Сыновья были рядом со мною, но я не мог видеть их, пока во мне не пробудилось внутреннее зрение, способное воспринимать Духовный Свет; и когда это наконец произошло, они приблизились ко мне и сняли меня с креста. Я не стану говорить о том, какие тайны и мистерии были открыты мне после этого, и какие — еще более возвышенные — ступени посвящения следуют далее за теми, о которых я ныне свидетельствую.

Отправляясь обратно, я снова прошел сквозь их бесчисленные ряды — так же, как я шествовал мимо них к своей Голгофе. Только тогда они представлялись моему несовершенному зрению огромным лесом ливанских кедров, осенявших меня своими густыми ветвями. Ибо с чем же еще их можно сравнить, как не с огромными деревьями, увенчавшими вершину мировой горы и раскинувшими надо всем миром, подобно ветвям, темные, актинические* лучи своей Мудрости, еще не воспринимаемые людьми как Свет в силу несовершенства их зрения?

* Актинические (от греч. aktis — луч) — лучистые. — Прим. ред.

Я нашел своего Брата и бывшего наставника там же, где мы с ним распрощались, — возле двух колонн. Он приветствовал меня знакомым жестом радости, ибо страдания мои наконец прекратились, затем опустился на колени и закрыл ладонью глаза, ослепленный моим присутствием, от которого исходил теперь яркий свет. Через несколько мгновений он снова поднялся и, кланяясь, приблизился ко мне, протягивая навстречу руку, как подобает Брату третьей ступени этой Великой Ложи. Мы обнялись, и он воскликнул:

— Мастер воскрес!

— Воистину воскрес! — отозвался я.

И мы начали спускаться по той же великой лестнице, по которой он привел меня сюда. Но теперь мы были уже не одни: нас окружало множество Геометров и Архитекторов, вышедших навстречу поприветствовать своего нового Брата, возвращавшегося ныне в качестве носителя Света во внешний мир тьмы. И снова до слуха моего донеслись величественные переливы органной музыки, сопровождавшиеся на сей раз торжественным пением: «Тому, кто превозмог, дарован венец жизни!», «Претерпевшему до конца дарован белый камень!»

Наконец мы достигли того места, где, в полумраке, всё ещё лежало, положив голову на камень, мое спящее тело. Однако, приглядевшись внимательнее, я заметил, что камень мой уже не был

прежней глыбой — грубой и бесформенной, но превратился в кубической формы кристалл, на вершине которого возвышались три рога изобилия — с зерном, вином и маслом. И в окружении этих символов на поверхности принадлежащего мне камня судьбы всё так же покоилась моя голова, окруженная теперь едва заметным ореолом света, свидетельствующим о том, что моя коронация завершена.

Я знал, что отныне и мой проводник, и камень, и я сам будем полностью тождественны друг другу и что рога изобилия с их содержимым символизируют мою будущую вечную пищу и тот урожай, который мне удалось собрать на каждой из трех пройденных мною ступеней: на первой — хлеб Жизни; на второй — вино Блаженства и Просветления; на третьей — масло Мудрости. И тогда мне открылся подлинный смысл давно и хорошо знакомых слов, казавшихся до сих пор не более чем красивой поэтической метафорой: «Ты готовишь для меня стол в окружении моих врагов; Ты помазываешь мою голову маслом; переполнилась чаша моя!»

И снова мой добрый Брат обнял меня как Мастер-масон. И столь крепки были наши объятия, что казалось, мы превратились с ним в единое и неразрывное целое.

— Мера зерна за мелкую монету, — сказал он мне, — и смотри не испорти ни вина, ни масла.

И я понял, что он призывает меня мудро распорядиться полученными дарами.

— «Ave, Frater, atque Vale!» — напутствовал он меня на прощание.

— «Vale, Frater, atque Ave!» — ответил я ему.

И когда я посмотрел вокруг глазами своей плоти, рядом со мною уже никого не было. Лишь свет восходящего солнца разливался над пустынной вересковой равниной.

Часть четвертая

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ МАСОНСКОГО ОРДЕНА

«Сперва то, что естественно; затем то, что духовно».

ПРОШЛОЕ

Поиск начала — будь то начало нации, или религии, или какого-нибудь общественного института, или даже мира и самой жизни — всегда был и остается делом заведомо обреченным, ибо ничто никогда не «начинается» само по себе, но всегда имеет место переход в новое состояние чего-то, что уже существовало раньше, только в другом состоянии. Вы можете, если вам угодно, называть этот момент качественного изменения «началом», но при достаточно внимательном изучении неизбежно станет ясным, что это начало есть ни что иное, как следствие, проистекающее из каких-либо предшествующих причин. Сама жизнь начинается задолго до своего физического рождения, так как последнее означает лишь вхождение жизни в физический мир, начало ее физического проявления. То же самое можно сказать и о рождении общественных институтов: все они являются логическим следствием и материализацией того, что существовало ранее в текучем, аморфном состоянии. И масонство не является исключением из этого правила, чем и объясняется традиция, согласно которой эта школа имеет божественное происхождение, и, следовательно, она такая же древняя, как и само человечество, хотя и принимала в разное время разные формы.

Современное теоретическое масонство возникло в начале XVIII столетия, точнее говоря, в 1717 году появилось то, что развилось со временем в Уставы английских масонов, существующие по сей день. Однако масонство существовало и до этого, причем в двух формах: экзотерической — в виде гильдий свободных каменщиков, и эзотерической — в виде разного рода тайных сообществ мистиков и оккультистов, не имевших ничего общего с деятельностью каменщиков-практиков, но нередко использовавших профессиональную терминологию строителей для создания своей собственной символики.

Современное масонство представляет собою смесь обеих форм; его установления, требования, ритуалы и наставительные лекции включают в себя элементы, заимствованные из обоих указанных источников. Например, древнее наставление, передаваемое в настоящее время каждому претенденту на вступление в Орден, — явный образец заимствований из ритуалов и правил практического масонства. Это — типичное поучение, каковое и должно давать каждому юноше, изъявившему желание приобрести статус подмастерья, дабы обучаться секретам мастерства, в полной мере приняв на себя обязанности взрослого человека и гражданина. Это — обычное увещание быть порядочным человеком, достойным гражданином, заслуживающим уважения ремесленником и членом цехового Братства; бояться Бога, почитать короля, любить

свою страну и помнить о необходимости самообразования и самосовершенствования. И ни единого слова о каком-либо трансцендентном знании или мудрости, ни малейшего намека на знакомство с какими-то реалиями мистического или оккультного характера.

Однако в церемониальных ритуалах — в особенности тех, что приняты на третьей ступени, а также в «традиционной истории» и наставительных лекциях, — мы находим, наряду с заимствованиями из традиций практического масонства, сведения глубоко эзотерического и мистического свойства, которые не следует соотносить с профессиональным опытом ремесленника, работающего с обыкновенным камнем и кирпичом, поскольку они определенно не связаны ни с практической деятельностью, ни с материальным миром вообще.

Сей эзотерический элемент заимствован, разумеется, не из опыта цеховых объединений вольных каменщиков-практиков, но из учений символического, или мистического масонства, объединенного в особые — менее заметные и менее массовые — организации.

Эти организации являлись частью непрерывного потока герметической традиции и практики, восходящей еще к дохристианским временам, к цивилизации Древнего Египта, а также к раввинам-мистикам и древним каббалистам — хранителям тайных и ревностно оберегаемых знаний о Космосе и жизни человека, знаний, получивших лишь частичное и к тому же иносказательное, изложенное опять-таки при помощи строительной символической терминологии, отображение в еврейских священных писаниях. Само строительство и дальнейшая судьба храма Соломона (независимо от того, существовал ли такой храм как реальное историческое сооружение, или нет), о котором говорится в Ветхом Завете, представляет собою ни что иное, как мистическое, иносказательное описание великого процесса строительства человеческой души — неважно, об индивидуальном или о коллективном строительстве идет речь. И даже тогда, когда ход еврейской истории, сопровождавшийся постепенным расширением и преобразованием мистической традиции, подвел ее к качественно новому, христианскому этапу, символическая терминология не перестала существовать и не вышла из употребления. Как сами Евангелия, так и Послания и Апокалипсис изобилуют масонской символикой и намеками на духовное строительство. Именно в Новом Завете человеческая душа открыто объявляется истинным Храмом, тогда как храм исторический (или квази-исторический) предлагается рассматривать лишь как ее зримый и осязаемый символ. Упоминается также и Главный Камень — сделавшийся главою угла, хотя и отвергнутый некоторыми строителями, то есть тот самый камень, на основе которого будет объединено со временем всё человеческое общество, коему предстоит составить единый вселенский Храм. Сам святой Иоанн как «возлюбленный ученик», или самый возвышенный из числа посвященных христианского Мастера, был назначен, согласно эзотерической традиции, старшим смотрителем, коему было поручено и доверено (как и каждому первому смотрителю в наших символических ложах) поддерживать порядок на Западе, а после того как истечет срок его жизни во плоти — оккультно надзирать с небес за исполнением и развитием закона Христова в западном мире. В силу этого святой Иоанн по сей день считается святым покровителем масонства, и неслучайно посвященные ему в дантовском «Раю» строки написаны в типично розенкрейцеровском ключе:

«Он, с Пеликаном нашим возлежа,
К его груди приник; и с выси крестной
Приял великий долг, ему служа...»*

* Поэтический фрагмент приводится в переводе с итальянского В. П. Гайдука, цит. по кн.: М. Морамарко. «Масонство в прошлом и настоящем», М., 1990. — Прим. ред.

А один из его известных учеников — святой Игнатий, о котором говорили, будто его, хотя он был тогда еще ребенком, Господь взял на руки и поставил в кругу учеников своих, назвав примером готовности человека к постижению Царствия Небесного, — истолковывает суть религии, опираясь на чисто масонскую терминологию: «Коль скоро вы — камни, заранее приготовленные Богом-Отцом для возведения Храма, и суждено вам быть вознесенными ввысь силою рабочего орудия Иисуса Христа, которое есть Крест, и послужит вам для того веревкою Дух Святой, то пусть будет вам вместо подъемного ворота вера ваша, а путь к Богу укажет вам любовь. И станете тогда попутчиками Божиими, храмами духовными, несущими с собою свою Божественную искру, свое святилище, Христа вашего и всё, что для вас свято, и будете украшены с ног до головы заповедями Христовыми»*.

* Игнатий, Послание к ефесянам.

Используемая Игнатием (замученным в Риме в 107 году) ярко выраженная масонская символика как нельзя лучше подтверждает традицию, согласно которой наугольник, уровень и отвес, находящиеся ныне в ведении Мастера Ложы и двух ее смотрителей, первоначально ассоциировались с епископом, священником и дьяконом, совершавшими Богослужения у тайных алтарей преследуемого христианства. Будучи сложенными вместе, эти три орудия составляли крест, который верующие, в случае угрозы со стороны светских властей, всегда могли быстро разобрать, снова превратив в обычные строительные инструменты.

Самой популярной религиозной книгой эпохи раннего христианства был «Пастырь Гермы» — собрание учений, видений и сравнений, облеченных в аллегорическую масонскую терминологию и призванных передать в завуалированной форме (что следует из самого названия) герметические, или эзотерические наставления некоего «Пастыря» — так называли (и до сих пор продолжают называть в соответствии с языком канонического писания) посвященных в мистерии иерофантов и Учителей-адептов.

С тех пор как произошло событие, ставшее общеизвестным как Воплощение Христа, практически все мистические строители, духовные алхимики, розенкрейцеры и прочие школы тайного Гнозиса, воспринявшие оное в качестве центрального, поворотного момента в духовной эволюции человечества и кульминационной точки всех прежних мистических систем, признают себя одним великим Братством приверженцев Божественных мистерий, пребывающим под незримою, но действенной опекой Иисуса Христа — «Плотника» (Тектона), главенствующего надо всеми великими Мастерами, и двух его посвященных — великого (святого Иоанна Богослова) и малого (святого Иоанна Крестителя), исполняющих те же функции, что и верховные смотрители Ложи, из которых один тоже считается старшим, а другой — младшим. С ними связываются также дни зимнего и летнего солнцестояния (время наименьшего ежегодного склонения и, напротив, наивысшего меридионального подъема Солнца), которые принято считать праздничными днями, наиболее благоприятными для духовного общения между Великой Верховной Ложей и малыми Ложями внизу.

На всём протяжении человеческой истории можно проследить многократные попытки сравнения души человека с камнем, сопровождаемые рекомендациями относительно того, каким образом можно придать этому грубому камню совершенную форму. С камня начинается духовное восхождение патриарха Иакова. Дервишам Аравийской пустыни вручают после посвящения кубический камень, помазанный кровью. Главною защитой и святыней для каждого мусульманина служит кубический камень Кааба. Найден камень, классифицируемый как *Lapis exilis* и *Lapis ex Coelis*, который, как говорят, всегда падает с неба, откуда он изгоняется в наш внешний мир. Примером несогласия с буквальной, материалистической трактовкой символического камня может служить знаменитое восклицание Корнелия Агриппы: «*Transmutemini! Transmutemini in viventes lapides!*» — «Да превратитесь вы в живые камни!» Благодаря таким просвещенным мистикам как, например, духовные алхимики, мы располагаем сейчас целую сокровищницей малопонятных знаний о «философском камне», так как во все века существования христианства, помимо массовой, элементарной религии и официальной церковной деятельности, продолжался более возвышенный, эзотерический, сложный и углубленный поиск мистического масонства, равно как и связанная с ним работа строителей-каменщиков, коими были аббаты, монахи и просто миряне, действовавшие самостоятельно или в больших и малых сообществах, но всегда в обстановке строжайшей секретности.

У меня нет возможности подробно изложить здесь историю этого движения в Англии, но некоторые ее моменты все-таки заслуживают упоминания, поскольку доказывают тот факт, что, несмотря на строительную терминологию, изначальной задачей масонства была именно мистическая религия, связанная с арканами человеческой души; что масонство всегда было интеллектуальной и духовной наукой, пропагандирующей индивидуальное посвящение и возвышение всего человечества через деятельность этих индивидуальных посвященных.

В Уставах английских масонов от 1784 года, например, содержится меморандум «О мистерии масонской», предположительно написанный в начале XV века самим королем Генрихом VI, —

скорее для личного пользования, нежели для государственных нужд, коль скоро он сам, как говорят, был принят в масонское Братство. Если перевести этот королевский меморандум со средневекового языка на современный, то суть его заключается в следующем: масонство есть духовная наука; возникла она на Востоке (как в мистическом, так и в географическом смысле), а к более молодым человеческим расам Запада попала благодаря путешествиям финикийцев (неправильно названных «венецианцами»); ее развитию в значительной степени содействовал Пифагор (весьма забавно то, что его имя в тексте меморандума переделано в английское — «Питер Говер»), который, после того как сам принял посвящение, основал великую школу в Кротоне, где преподавал сию науку. Масонская наука включает в себя знание скрытых сил природы и власть над ними, благодаря чему опытный масон может совершать действия, которые человеку непосвященному покажутся чудом; овладение этой наукой приходит через наставления, их практическое применение и безмолвие; приобщать к масонскому знанию следует только людей достойных, достаточно сильных и благородных, ибо злоупотребление этими знаниями и обретаемыми благодаря им способностями оборачивается злом как для самого отступника, так и для окружающих; масонам ведомо и подвластно искусство алхимического превращения; у них есть свой универсальный символический язык, благодаря которому члены Братства могут общаться между собою, невзирая на национальные и расовые различия; им знакомо «искусство становиться добрыми и совершенными», освободившись от страха и надежды, смущающих непросветленные умы и насаждаемых массовой религией; но не все масоны понимают смысл того, что познают, и не все становятся совершенными, ибо многим не хватает для этого сил, но еще большему их числу недостает искреннего желания прилагать самоотверженные усилия к обретению подлинной мудрости.

Подлинность королевского меморандума в свое время оспаривалась, хотя *prima facie* в этом нет никаких сомнений. Однако действительно ли он написан Генрихом VI или же нет, его содержание (в пределах занимаемого им объема) в точности передает суть масонства.

Невозможно не заметить, что в истории Англии и Европы со времени появления на свет этого меморандума начинает проявляться некая внутренняя сторона, совершенно не исследуемая (да и не осознаваемая) академическими историками. За бесконечным маршем внешних событий невозможно не почувствовать тесно связанное с ними (или даже направляющее их) незримое присутствие разума, качественно превосходящего обычный человеческий — разума посвященных, которые действительно обладают всеми способностями, перечисленными в меморандуме Генриха VI. Жизнь и литературное наследие таких людей, как Парацельс, аббат Тритхайм, Василий Валентин, Якоб Бёме, Георг Йохан Гихтель, Томас Воган и Элиас Эшмол (не говоря уже о других), зримо свидетельствуют о наличии сильного незримого энергетического потока, о котором до сих пор ничего не написано и вряд ли будет написано в обозримом будущем. Но если мы искренне желаем увековечить тайную масонскую науку, нам необходимо иметь в виду, что это течение действительно существует, и не упускать из виду его пусть примитивные и в значительной мере выхолощенные публичные проявления в современном теоретическом масонстве.

Религиозная Реформация XV столетия была первым значительным эпизодом широкомасштабного революционного движения в интеллектуальной, общественной и политической жизни Запада — движения, о завершении которого пока еще рано говорить. Кажется, что какой-то дальновидный и просветленный разум решил (на фоне нарастающей бездуховности и материализма тех времен и всё более очевидного краха официальной массовой религии) воскресить в упрощенной форме древний мистический Гнозис и привлечь к нему внимание хотя бы небольшой части общества. Данное утверждение невозможно подтвердить строго научными аргументами, и потому оно адресовано прежде всего тем, кто уже имеет хоть какое-то представление о внутреннем часовом механизме, контролирующем видимый циферблат исторических событий. Но как бы то ни было, к 1600 году и далее мы уже имеем первые едва заметные признаки движения, развившегося в конце концов в обширное масонское Братство наших дней, истинные возможности которого до сих пор не определены.

Первый зафиксированный прием масона-теоретика в Ложу масонов-практиков имел место в Эдинбурге в 1600 году. После этого практические Ложы стали приходить в упадок и вымирать, так что уже к 1620 году в Лондоне практическое масонство оказалось полностью вытесненным масонством теоретическим; представители первого уже не работали в гильдиях, но лишь старались сохранить свой прежний, традиционный образ действий. Первое известное посвящение масона-теоретика, состоявшееся на английской земле, относится к 1641 году, и произошло оно в Ньюкасле; вторым было посвящение Элиаса Эшмола, который в то время уже изучал тайную науку, в 1646 году в Уоррингтоне. Число членов Ордена неуклонно росло, хотя поначалу этот процесс протекал очень медленно по причине беспокойной политической обстановки. Хартия Королевского Общества, составленная в 1663 году д-ром (впоследствии сэром) Кристофером Реном, явно высказывается не в пользу упрощенной экзотерической науки, каковую она является сейчас, но пропагандирует науку более оккультного характера, изучение которой, как уже говорилось выше, как раз и является основной задачей масонства. Это можно заключить хотя бы по тому, что в преамбуле к данному документу говорится о частных собраниях, которые проводились некоторыми членами Братства с целью выявления «скрытых причин вещей» ради блага всех людей.

В 1717 году четыре старые лондонские Ложы объединились, чтобы составить новое, более крупное сообщество. Так возникла первая Великая Ложа и появилось на свет современное масонство. Это произошло в таверне под названием «Под яблоней» на Линкольнс-Инн-Филдс.

В 1721 году д-ру Андерсону было доверено написать текст Уставов для новой организации. О состоянии Ордена в те годы можно судить по сообщению известного собирателя древностей д-ра Стьюкли, который писал: «Я был первым человеком, принятым в Орден франкмасонов за последние несколько лет. Нам с трудом удалось собрать достаточно членов для проведения церемонии. Но как только они собрались, церемония началась и, благодаря не слишком осмысленному усердию ее участников, продолжалась до полного изнеможения».

Но когда допуск в Орден стал открытым для всех и каждого без каких-либо существенных ограничений, это привело к известным злоупотреблениям. В 1724 году один из Братьев выступил на страницах массового журнала с протестом, заявив, что «политика проституции, проводимая в последнее время нашим Орденом, является в некотором смысле предательством по отношению к нему. Недалекие умы виноторговцев, буфетчиков, парикмахеров, ткачей и прочих, принятых в ряды франкмасонов, не только выставляют наш Орден на посмешище, но и подвергают его большой опасности». В том же году «для бедных Братьев» был учрежден первый благотворительный фонд, развившийся с тех пор в целую сеть связанных с Орденом благотворительных учреждений.

За последующие с тех пор полстолетия численность Ордена выросла настолько, что встал вопрос о создании центральной штаб-квартиры. И вот, майским днем 1775 года, с соблюдением множества церемоний был заложен краеугольный камень того, что является ныне лондонским Дворцом франкмасонов. Несмотря на то, что в Орден были допущены люди, плохо подготовленные к восприятию масонской науки, вследствие чего уровень понимания сей науки становился год от года все более низким, элементы ее первоначальной трактовки все-таки сохранялись, что следует из описания некоторых ритуалов, коими сопровождалось это знаменательное событие. Так, например, в краеугольный камень была вмонтирована пластина, призванная увековечить акт начала строительства: на ней, помимо описания самого события, начертаны имена тогдашнего Великого Мастера, его помощника и Верховных смотрителей; далее следует утверждение небесного происхождения масонства — «descendit e coelo»; и завершает текст таблички написанный по-гречески афоризм Солона: «Познай себя». Во время религиозной службы, проводившейся по случаю закладки камня, исполнялась торжественная песнь, восхваляющая Великого Архитектора:

«Кто силой таинства, сошедшего с небес,

Расти позволил душам человеков...»

А в специально сочиненной по случаю торжества оде о новой Aula Latomorum говорилось:

«Здесь истинная вера познается, Афинская мораль преподается

И то великое Хирамово преданье,

Как хаос был преобразован в мирозданье».

Уже из одних только этих отрывочных примеров ясно, что, по крайней мере, для некоторых ведущих его представителей масонство по-прежнему оставалось тайною наукою строительства собственной души, и что великая центральная легенда и миф, входящие в традиционную историю, изучаемую на третьей ступени, не связаны ни с каким периодом и ни с какими событиями земной

истории, но повествуют о космических событиях метафизического и мистического характера. И опять же, во введении к Уставу 1784 года ясно сказано, что практическую работу строителей следует рассматривать только как прелюдию к деятельности теоретического масонства; что история практического масонства не так важна, поскольку, когда теоретическое масонство оформилось как особое сообщество, наука перестала нуждаться в таком подспорье, как практическое строительство; и что теоретическая масонская деятельность носит индивидуальный мистический характер, поскольку подобна возведению пирамиды, «стремящейся достичь вершины совершенства, всегда укрытой слоем облаков от нескромных взглядов вынужденной оставаться внизу разношерстной толпы».

Когда строительство Дворца франкмасонов закончилось (это случилось 23 мая 1776 года), он был, опять-таки с соблюдением всех церемоний, торжественно посвящен служению трем целям: во-первых — масонству, во-вторых — добродетели и в-третьих — вселенскому милосердию и благотворительности. И последняя из трех названных целей в последующие годы явно заняла доминирующее положение (во всяком случае, по отношению к первой). Орден превратился в огромную благотворительную организацию, оказывающую материальное вспомоществование своим нуждающимся членам и их родственникам, и с этой задачей великолепно справляется, что служит предметом вполне заслуженной гордости для многих добрых Братьев, которые ничего более не знают и не желают знать о масонстве и его изначальном и подлинном предназначении — быть школой духовной науки — и потому рассматривают свое членство в масонском Ордене только как престижный атрибут общественной жизни и поддерживают свои контакты с ним, руководствуясь исключительно филантропическими мотивами.

Из всего вышесказанного можно заключить, что хотя до 1717 года состав Братства и был до крайности пестрым, понимание сути масонства оставалось гораздо более возвышенным, нежели в последующие времена, когда Орден приобрел официальный статус и вырос до своих нынешних огромных размеров. Ведь последующие масоны, какими бы ни были их добродетели и заслуги в иных сферах деятельности, не могут называться мистиками — ни теоретическими, ни практическими, коль скоро они уже не осознавали того, что масонство есть прежде всего наука, требующая самого серьезного изучения. В отличие от своих предшественников, они не могли со всею убежденностью сказать о себе:

«С нами масонское Слово и второе зрение».

Ибо о приобщении к жизни духа и его неперемных следствиях — развитии феноменальных способностей и появлении внутреннего зрения — они даже не помышляли. Один из самых образованных и осведомленных в этом вопросе авторов (та самая дама, перу которой принадлежит книга «Поучительное исследование герметических мистерий») подтверждал, что «внешняя форма (или нынешняя практика) масонства была бы слишком абсурдной, чтобы сохранять ее и далее, если бы не содержащиеся в ней до сих пор скрытые указания на подлинное предназначение мистерий. Но если истинные посвященные действительно помогали друг другу мудрым наставлением, то нынешние масоны лишь слепо подражают им, утратив тот магический

ключ, что открывает врата герметического сада. Им нужны ключевые слова, но отыскать их можно только в субъективной, внутренней жизни, от которой масоны так же далеки, как и те орудия, которыми они пользуются. Но настоящие орудия можно обрести лишь по мере погружения в ту же субъективную жизнь: они сами встретятся вам на пути — одно за другим, как только их наличие станет необходимым условием вашего дальнейшего продвижения». Еще один, не менее ученый автор, у которого были к тому же все основания быть поборником интересов Ордена, — ныне покойный Брат Джон Яркер — был вынужден признать в 1872 году в своих безусловно талантливых и в высшей степени поучительных «Записках о научных и религиозных мистериях» («Notes on the Scientific and Religious Mysteries»), что «при своем нынешнем образе управления масонский Орден стремительно превращается в настоящий рай для bon vivant — щедрого лицемера, который, позабыв наставления святого Павла, украшает свою грудь «камнем милосердия» (и, сделав это благоразумное пожертвование, считает себя вправе облачиться в пурпур, позволяющий ему диктовать свое мнение другим — более ученым и морально возвышенным, но менее состоятельным Братьям), для любителя показной масонской мишуры и т. д. Ни одно другое сообщество не является по сути своей таким же полезным и таким же способным к сверхчеловеческой деятельности, как масонский Орден. Но, делая то, что он делает сейчас, Орден едва ли выделяется в лучшую сторону на общем фоне. Никто уже не ставит перед собою великих целей, и лишь очень немногие делают что-то действительно хорошее. Так пусть же реформация будет скорой и всеобъемлющей!»

Об этих вещах не слишком приятно рассказывать, и я не стал бы делать этого, не будь у меня благой цели и конструктивных мотивов. Ведь напомнить все эти прискорбные факты необходимо не только потому, что далее речь пойдет о гораздо более обнадеживающих перспективах, но и потому еще, что мои оптимистические прогнозы как раз и основываются на том, что это, на первый взгляд, досадное отступление от первоначальной цели масонства и необоснованная «материализация» последнего являются неизбежной и необходимой прелюдией к духовному расцвету, который в положенное время даст о себе знать и уже проявляет первые признаки своего скорого начала.

Таким образом, в приведенных мною выше наблюдениях нет ни укоризны, ни упрека. Эту тему я мог бы развивать до бесконечности, если бы это хоть в какой-то мере служило преследуемой мною благой цели; но для каждого, кто достаточно близко знаком с деятельностью Ордена, всего того, что я уже сказал, будет вполне достаточно, чтобы согласиться с истинностью приводимых мною фактов и убедиться в справедливости сделанных мною замечаний. Невозможно отрицать тот факт, что по причине незнания истинных принципов масонства Орден заметно деградировал и включил в свои ряды немало членов, которые ни по интеллекту своему, ни по темпераменту, ни по устремлениям не годятся на роль прилежных учеников, способных по достоинству оценить сии принципы. В сегодняшней газете, к примеру, я прочел объявление, в котором некий букмекер с ипподрома называет себя человеком «прямым, как наугольник», и на основании этой самохарактеристики предлагает свои услуги в качестве посредника всем желающим сделать ставку. Хорошо известно, что у многих торговых домов ныне вошло в моду обращать внимание своих партнеров и клиентов на то, что некоторые их ведущие сотрудники — члены Ордена, что должно содействовать респектабельности фирмы. В самом Ордене продвижение на руководящие посты стало напрямую зависеть от общественного положения и степени участия в

благотворительности. За денежные вклады, отмеченные в подписных листах, теперь принято раздавать почести и даже ордена. Любой титулованной особе — от мэра до принца — достаточно пробыть масоном всего лишь несколько месяцев, чтобы оказаться затем на каком-нибудь ключевом посту в структуре Ордена, даже если эта особа не имеет никаких заслуг на собственно масонском поприще и ничуть не преуспела в изучении масонской науки. Важнейшие идеи и учения Ордена остаются не востребуемыми, церемонии исполняются формально и для большинства Братьев являются не более чем малозначительной прелюдией к неизменно следующим за ними празднествам и бесконечным торжественным речам. Абсолютное незнание масонской истины создает благоприятную почву, на которой пышным цветом расцветает чванство, ибо представления многих членов Братства о моральном величии и масонской добродетели явно ограничиваются стремлением занять в Ордене какой-нибудь высокий пост и украсить свою персону как можно большим количеством пурпура и драгоценных камней.

Всё это результат досадного недопонимания. Но имеются, конечно же, и положительные моменты. Сердце английского масонства остается по-прежнему чистым, даже если голова его поглупела и никак не может разобраться в происходящем, а руки делают далеко не всё, на что они в действительности способны.

Итак, я уже поведал о самом худшем, что могло быть сказано о методах современного масонства; и, как видите, все перечисленные мною недостатки можно отнести на счет вполне понятной и прощательной человеческой слабости, тщеславия и низкопоклонства, «успехи» которых можно объяснить искажением и забвением масонских принципов, неспособностью понять, что от нас требуется на самом деле. Конечно, меж колосьями пшеницы проросло много плевел, но ведь и пшеница по-прежнему продолжает расти; и то, что они растут сейчас вместе на одном поле, свидетельствует лишь о плодородии почвы и о животворной силе масонского принципа, который, подобно солнечному свету, одинаково щедро дарит свое тепло всему, что произрастает на его земле — будь то пшеница или плевелы.

Но всё же таких, кто, вступив в Орден, не ощутил, пусть даже смутно и мимолетно, что масонство способно открыть для него новое видение мира и приблизить его к казавшимся ранее недостижимыми идеалам, кто не почувствовал, что за внешней формой скрывается нечто неизмеримо большее, нежели всё, что ему до сих пор было известно, — таких, я уверен, совсем немного. Скажу больше — в глубине сердца каждого человека можно услышать отзвук конечной истины и уловить желание (временами переходящее в страсть) увидеть ее, пусть даже в завуалированной форме церемониального великолепия и восторга. Как объяснил бы это Платон, человек хранит подсознательные воспоминания об истине и славе, которые некогда были ему известны и которые он должен в один прекрасный день познать снова. И цель масонского ритуала и Ордена в целом (равно как и всех посвятительных систем прошлого) состоит как раз в том, чтобы помочь человеку воскресить эти воспоминания. Довольно часто можно видеть, как один и тот же человек, отвергая символические ритуалы в церкви, с упоением и любовью предается им в своей Луже, как будто протестантское воздержание от богатого символизма и сакраментализма в религиозной сфере не дает ему достаточной пищи для зрения, слуха и ума, оставляя его духовно голодным и не предоставляя достаточного простора воображению, хотя оно, вне всяких

сомнений, является эффективным средством приближения к духовным истинам. Неудивительно поэтому, что для многих Братьев масонство становится, как они сами это признают, настоящей религией или, во всяком случае, немаловажным фактором, вызывающим в их душах пусть всё еще неясный, но ощутимый отклик. Для них двери Ложы поистине становятся (как это было сказано однажды об ограде алтаря) «тем тонким барьером, что отделяет мир чувств от мира духа».

БУДУЩЕЕ

Сам факт, что, несмотря на несовершенное истолкование смысла и предназначения масонства, Орден не только не прекратил своего существования, но продолжает воздействовать на воображение и умы всё большего числа людей, служит наилучшим подтверждением того, что в основе масонского учения лежит скрытый, но вполне реальный несокрушимый жизненный принцип, неизменно влияющий, в большей или меньшей степени, на всех своих приверженцев, никого из них не оставляя равнодушным. Свет пронизывает тьму, хотя она и не замечает этого. Современный Каменщик, в отличие от своих предшественников, еще не открыл для себя «масонское Слово»; но всё же это Слово незримо присутствует во всей масонской системе, и каждый из Братьев может слышать его пусть даже слабый отзвук и откликаться на него. Для большинства это потерянное Слово, но оно терпеливо ждет своего часа, и день ото дня всё больше людей стремятся заново найти его.

Сей жизненный принцип был передан Ордену теми вещими, дальновидными и сокрытыми ныне умами, которые, как уже говорилось выше, явились около трех столетий назад изобретателями и вдохновителями (если не прямыми основателями) Ордена как организации, призванной сохранить, хотя бы в самой элементарной форме, древнюю Тайную Доктрину в течение всего периода тьмы и разрушения, вплоть до наступления такого времени, когда эта Доктрина и посвященные ей некогда мистерии смогут снова открыто преподаваться достаточно большому числу готовых к их восприятию людей.

Присутствие в масонской системе и масонских текстах сего древнего тайного учения можно проследить в трех направлениях. Во-первых, в самой схеме разделения Ордена на три традиционные ступени духовного совершенствования, состоящие в подчинении и очищении тела и чувственной природы, установлении контроля над мыслями, самопознании и просветлении разума и, наконец, в полном отказе от собственной воли и искоренении всякого ощущения личности, что должно привести к воссоединению с Божественною Волей, не знающей ни ограниченности, ни разделенности. Во-вторых, в мифах о построении храма Соломона и о смерти Хирама, ибо они являются аллегориями и иллюстрируют не исторические, но метафизические истины первостепенной важности. И, в-третьих, во всё тех же церемониальных текстах и наставительных лекциях, поскольку они содержат в себе множество фрагментов из общего для всех посвячительных систем Востока и Запада эзотерического учения. Однако эти фрагменты облечены в иносказательную форму и потому, теряясь в потоке обычных моральных наставлений,

ускользают от внимания недостаточно подготовленных для их восприятия Братьев, открываясь лишь тем, кто уже смог самостоятельно приблизиться к ним. Примеры этого эзотерического учения и его подлинного значения приведены во второй части данной книги — «Свет на Пути».

Принято считать (и нет сомнения в том, что именно так оно и было), что тексты нынешних ритуалов и наставительных лекций составил в 1717 году или вскоре после этого д-р Андерсон, при содействии некоторых своих коллег, чьи имена для нас сейчас не очень важны*.

* Массонство Королевской Арки было привнесено в Англию в 1778 году еврейским Братом Мозесом Майклом Хейесом.

Не столь важно и то, в какой степени стремление составителей придать оккультному знанию, коим они обладали, иносказательную и завуалированную форму было осознанным. Ведь вполне могло быть и так, что собственных знаний у них было сравнительно немного, но при этом кто-то незримо помогал им увековечить великие истины, о существовании коих они сами даже не подозревали. Эта тема была самым подробным и обстоятельным образом рассмотрена в весьма полезной для каждого масонского ученика книге «Очерки мистицизма» («Studies in Mysticism»), написанной Братом А. Э. Уэйтом, который пришел к выводу, что составители масонских текстов часто сами не ведали, что творили, и писали, как бы руководствуясь слепым, но безошибочным инстинктом, «позволившим даже глупым и старым ученым мужам прошлого частично разглядеть сквозь свои темные и зашоренные очки истинную сущность масонства и, даже не осознавая этого, спрятать среди пустопожних разговоров настоящий ключ к святилищу».

И похоже, что этот вердикт вполне справедлив, поскольку ни Андерсон, ни его коллеги, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, не были сколь-нибудь сведущими или способными эзотеристами. Однако, как бы то ни было, бесспорным остается тот факт, что вся наша система составлена и разработана таким образом, чтобы стать настоящим универсальным руководством в науке посвящения, воспроизводящим важнейшие черты всех когда-либо существовавших и доныне существующих систем ускоренного совершенствования человека.

В этом и заключается секрет силы, жизнеспособности и притягательности масонской системы, ее неуловимое обаяние, пленяющее умы, достаточно чувствительные для того, чтобы ощутить его, но пока еще неспособные проникнуть в его суть и понять, что же их так влечет. Но скрытое в масонской системе возвышенное учение всё ещё можно выявить и разъяснить, и в этом кроется надежда Ордена на постепенное самосовершенствование и исполнение изначально возложенной на него высокой миссии.

После всех приведенных выше пояснений мы можем наконец перейти непосредственно к тому, ради чего было сделано это пространное предисловие. Прежде чем истинный дух и внутреннее содержание масонства получат признание, достаточное для того, чтобы превратить Орден в реальную духовную силу общества (на что мы надеемся и во что мы верим), необходимо создать сильную, могучую и действенную физическую организацию, которая смогла бы стать носителем, вместилищем этого духа, пригодным для его проявления. Учитывая важность преследуемой нами цели, не приходится удивляться тому, что период становления нашей организации и формирования ее физической структуры длится уже более двух столетий и что материал, из которого она создается, пока еще далек от совершенства. А учитывая грандиозность раскрывающейся перед нами перспективы, мы можем позволить себе снисходительно и философски отнестись ко всем прискорбным случаям отступления не только от духа, но даже и от буквы истинного масонства, ибо мы знаем, что справиться с ними — в наших силах. Мы готовы даже временно примириться с тем, что многие члены Ордена сейчас мало что смыслят в эзотерических истинах масонства или же не готовы к их восприятию; что энергии Ордена отклонились от своего основного русла и почти полностью переключились на вспомогательные направления — социальное благоустройство и благотворительную помощь; и что многие высокие посты в нем заняты не адептами и не знатоками духовной науки, способными делиться мудростью и наставлениями с нижестоящими ступенями (что им недвусмысленно предписывает делать символизм нашей великой иерархической системы), но «великими королями, герцогами и лордами» и прочими титулованными особами, не проявляющими никаких признаков обладания тайною мудростью и назначенными на свои почетные должности (к которым они, надо признать, вполне добросовестно относятся и в административном плане неплохо их исполняют) исключительно ради повышения общественного престижа Братства или, как говорится в одном тошнотворном стишке, «чтоб наши таинства они благословили».

Развитие любого крупного института — будь то нация, церковь или система мистерий — продолжительный и медленный процесс, который всегда начинается с малого и, казалось бы, при самых бесперспективных обстоятельствах. Лишь со временем, в результате беспрестанного отбора, изменений и очищений, из первоначального материала может сублимироваться нечто действительно величественное и продуктивное. Поясняя сказанное при помощи аналогии, можно заметить, что и храм Соломона тоже строился не один год и при его строительстве использовались самые различные материалы и труд множества непохожих друг на друга рабочих. И только тогда, когда работа была завершена, а храм — торжественно освящен как святилище, достойное Шекины, Божественное Присутствие снизошло на него, заполняя своим Светом и превращая его в истинную обитель духа.

То же самое можно сказать и о масонском Ордене. Как физический носитель и материальная организация он уже вполне сформировался и имеет детально продуманную и разумно контролируемую структуру, о которой, вероятно, даже мечтать не смели наши предшественники. И поэтому он уже может надеяться на скорое просветление. Свет должен воссиять внутри самого Ордена, подобно тому, как Божественное Присутствие изнутри озарило символический храм. Орден ждет освобождения и проявления своего внутреннего сознания, до сих пор дремлющего под спудом внешних элементов, имеющих на самом деле лишь иллюзорную ценность (или даже вовсе никакой). Но глубинная и истинная природа масонства откроется Братьям только в том

случае, если они сами будут искренне стремиться к этому, если они проникнутся страстным желанием понять и постичь; и когда это произойдет, для них уже не будет возврата к прежним взглядам и методам. Люди, пребывавшие в темноте, увидят проблески великого Света и тогда уже смогут сами осознанно приближаться к нему и указывать другим этот истинный путь. Так, одна за другою смогут духовно возродиться все разбросанные по свету организации Ордена, дабы исполнить ту высокую миссию, ради которой и было создано три столетия назад наше Братство. Придет время, когда Орден станет настоящими вратами, ведущими человечество к величественным и грандиозным духовным свершениям.

Грядущие перемены должны прийти не сверху, не от руководства и высших чинов Ордена, не из Великой Ложы или провинциальных Великих Лож, но из самых глубин какой-нибудь рядовой, частной Ложы. Ибо первичные Ложы и есть основа масонского Ордена, а его высшие чины на нынешнем этапе — всего лишь их представители, исполняющие административные или почетные должности. Но придет время, когда эти иерархи тоже поймут собственное символическое значение и снизойдут в Ложы простых Каменщиков уже не как ораторы, произносящие торжественные речи, но как истинные носители масонской мудрости, миссионеры-наставники и выразители масонской истины. И всё же началом преобразований должна стать именно периферийная Ложа. Одна из Лож, городских или окружных, строя свою масонскую деятельность на принципах, изложенных в этой книге, должна сыграть роль «закваски», распространяющей свое благотворное влияние на соседние Ложы и далее. Не исключено, разумеется, что на первых порах эти нововведения натолкнутся на сопротивление и насмешки со стороны тех, кто вполне удовлетворен прежними методами работы и еще не готов к восприятию более возвышенных целей, ибо «народы» с более приземленным мировоззрением всегда «восстают» против любого отклонения от привычного образа жизни и любого новшества, ставящего под сомнение их мудрость. Подобное противодействие следует принимать терпеливо и беззлобно, зная, что шумные протесты вскоре утихнут перед лицом спокойной и непреклонной приверженности принципам. Более того, в условиях неуклонного повышения масонских стандартов постепенно сама собою разрешится проблема допуска в масонские Ложы морально и интеллектуально не подготовленных к этому людей.

Не следует думать, что в этой книге я хотя бы косвенно призываю своих Братьев к прекращению или радикальному изменению текущей масонской деятельности или же к отрицанию установившихся традиций и авторитета нынешнего руководства Ордена, поскольку ныне существующие формы деятельности как нельзя лучше приспособлены к нынешнему состоянию Братства. Таким образом, если речь идет о чем-то большем, нежели просто исправление мелких, частных недостатков, то радикальное реформаторство оказывается сопряженным с опасностью потревожить древние вехи, установленные с гораздо более мудрым расчетом, нежели это нам кажется сейчас. Даже при нынешнем положении вещей та поспешность, с которою обычно производятся церемонии, зачастую рассматриваемые всего лишь как предписываемая традицией эксцентричная формальность, чревата опасностью сокращения и упрощения положенных ритуалов, что может привести к забвению и утрате некоторых важных и ценных фрагментов оккультной истины. К сожалению, сейчас эта тенденция начинает проявляться даже на официальном уровне.

И всё же некоторая гибкость в вопросах ритуала может оказаться вполне уместной и даже желательной в тех случаях, когда речь идет о восхождении на очередную ступень. Ведь когда ритуал производится формально, чисто механически, то и результат часто оказывается только механическим, тогда как смысл церемонии ускользает или искажается до неузнаваемости. А потому не будет ничего плохого в том, чтобы предварять и сопровождать официальный ритуал собственными словами объяснения и ободрения, ибо этим достигается б`ольшая эффективность обряда: он приобретает более личный, сокровенный характер, пробуждая в посвящаемом чувство воссоединения с живою истиной и с Братством, для которого сия истина — не просто некая абстракция, но очевидная и неоспоримая реальность. Более того, в целях создания оптимальной обстановки и благоприятных для проведения церемонии условий, перед появлением кандидата председателю следует напомнить всем собравшимся Братьям, что им предстоит участвовать в очень важном и торжественном действе, которое потребует от них предельной концентрации мысли и воли, дабы церемониальный процесс смог трансформироваться в духовный (и не только в посвящаемом, но и в них самих). Также и ритуальную подготовку кандидата перед его появлением в Ложе следует воспринимать не просто как некую несущественную формальность, но относиться к ней со всею серьезностью, как к священнодействию. Важность этого акта следует довести до сведения не только самого кандидата, но и всех без исключения участников ритуала. Все Братья должны понять, что в масонском церемониале нет ни одной бесполезной или малозначительной детали; и чем больше они будут прилагать усилий к тому, чтобы вникнуть в смысл даже самых простых и, на первый взгляд, совершенно незначительных подробностей ритуала, тем более очевидной будет для них эта истина.

Помимо вышесказанного, есть еще много других вещей, которые стоило бы упомянуть в этой книге.

Прежде всего, это унификация ритуалов с целью достижения единообразия в деятельности и обучении в масштабах всего Ордена, хотя, разумеется, некоторая (весьма ограниченная) ревизия тоже должна иметь место.

Стандартизированный официальный ритуал принесет всему Братству очевидную пользу и несомненно получит всеобщее признание, даже если не навязывать его всем локальным Ложам, но предоставить им право самостоятельно решать, придерживаться ли прежних методов работы или скорректировать их. К тому же все новые Ложы, образованные по завершении предлагаемой стандартизации, разумеется, будут следовать официальной линии, в силу чего, рано или поздно, реальная унификация непременно будет достигнута. Нынешние расхождения в работе различных Лож невелики и потому легко преодолимы; следовательно, создание единой основы для деятельности всего Ордена — задача вполне разрешимая. Некоторые Ложы имеют в своем арсенале методы, не применяемые прочими, чем и объясняется стремление первых во что бы то ни стало сохранить свои традиции, ценные уже хотя бы в силу своей самобытности. Так, например, многие Ложы не пользуются пятью традиционными знаками третьей ступени и даже не знают, что их должно быть пять, так как всегда обходились всего лишь тремя, упуская два остальных, несмотря на их несомненную важность. И напротив, некоторые Ложы сохраняют в своем ритуале многие заимствования из практического масонства, ныне уже почти повсеместно

вышедшие из употребления, так как они не имеют никакого отношения к учению теоретического масонства и поэтому необязательны. Примером подобных заимствований из практической традиции может служить «Древнее наставление», передаваемое признанному подмастерью при вступлении в Ложу; очевидно, что теперь его вполне можно заменить другим, более соответствующим современным реалиям и более созвучным идеалам теоретического масонства, а то и вовсе обойтись без него. Ведь это наставление, предназначенное для юношей, вступающих в Братство Каменщиков-практиков, вряд ли уместно для людей, уже давно исполняющих свои гражданские, семейные и деловые обязанности и потому ищущих знания исключительно мистического характера. Абсурдно и нелепо советовать уже немолодому, умудренному опытом человеку прилежно исполнять свои элементарные гражданские обязанности или же выражать надежду на то, что новообращенный, даже если это высокопоставленный церковный иерарх, «сможет стать достойным человеком»!

Ревизия ныне существующих ритуалов — задача, конечно же, весьма деликатная. При ее решении нельзя полагаться на одну лишь интуицию или капризы и неквалифицированные суждения кого-либо из Братьев. Здесь необходимо мудрое руководство тех, кто хорошо разбирается в науке посвящений; в противном случае Орден может потерять гораздо больше, чем приобретет, и добрые всходы будут по ошибке вырваны с корнем и отброшены прочь вместе с сорняками. В качестве примера поучений, требующих ревизии и даже исключения, я мог бы привести один фрагмент, предписывающий кандидату проявлять милосердие и оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, «если он в состоянии сделать это без ущерба для себя и своих близких». Данная оговорка, безусловно, противоречит самому духу «милосердия». Финансовая помощь — еще не милосердие, но лишь одна из возможных форм его практического проявления, ибо милосердие предполагает мудрое, но безоговорочное бескорыстие и самопожертвование, не ограниченное никакими расчетами. Возводить вокруг этой наивысшей добродетели какие-либо словесные ограничения — значит исказить саму идею масонского великодушия; любые оговорки в данном случае могут вызвать даже у совершенно чуждого масонству человека лишь недоумение и неприятие.

Перейдем теперь к следующей проблеме — празднествам. Выше уже говорилось о том, что традиционная практика отдохновения после работы и непринужденного общения друг с другом не только полезна, но и имеет определенную эзотерическую ценность. Разумеется, с чисто формальной точки зрения эту практику нельзя называть ни собственно масонской, ни официальной (разве что квази-официальной); но она очень важна уже тем, что укрепляет дух Братства и предоставляет возможность для обсуждения тех вопросов масонского учения, которые не рассматриваются в данное время в Ложе. А ведь у совместных празднеств есть и более высокий, символический аспект, ибо они олицетворяют необходимую после трудов стадию отдыха и восстановления сил, кои мы черпаем из общения с людьми, с которыми нас объединяет одно общее дело. Эта стадия отдохновения предписана нам самим мировым законом как в этой жизни, так и после нее.

Таким образом, польза (или, напротив, бесполезность) совместных празднеств во многом определяется правильным (или же неправильным) пониманием их значения. Если воспринимать

их как естественное продолжение формальной деятельности Ложи, то они могут принести огромную пользу; если же, напротив, празднества рассматриваются как возможность устроить под вывеской Братства фривольную пирушку, не имеющую на деле никакого отношения к подлинному масонству, то ни о какой пользе здесь не может быть и речи, так как подобное времяпрепровождение умаляет возвышенность масонской работы и заведомо нейтрализует ее возможные положительные результаты. Экзаменом на искренность и преданность масона в связи с этим может служить один простой вопрос, ответ на который каждый Брат должен дать себе сам: «Насколько велик и продолжителен был бы мой интерес к масонству, если бы практика совместных празднеств не существовала вовсе и вся масонская деятельность ограничивалась исключительно формальной работой в Ложе?» Этим вопросом вполне уместно будет завершить рассмотрение вопроса о празднествах, предоставив моим братьям по Ордену самостоятельно продолжить размышления на данную тему.

Нельзя обойти вниманием и другой вопрос, который уже давно не дает покоя Великой Ложе и обещает в обозримом будущем стать еще более злободневным, а именно «женский вопрос». Я отнюдь не собираюсь давать руководству Ордена какие-либо конкретные рекомендации, но лишь попытаюсь вкратце обрисовать ситуацию для уведомления рядовых членов Братства, не слишком хорошо с нею знакомых.

Начну с того, что Великая Ложа прежде всего является хранителем унаследованной ею системы, которую она обязана поддерживать и развивать в соответствии с предписанными ей принципами. Причем эти принципы даже Великая Ложа не может изменять по собственному желанию, но только по просьбе и с общего согласия тех, чьи интересы она призвана проводить в жизнь. Великая Ложа не имеет права принимать в ряды Ордена женщин; к тому же Братья в основной своей массе отнюдь не настаивают на каком-либо реформировании данного пункта масонского Устава. В самом деле, тот факт, что женщины могут занимать те же ступени, что и высшие посвященные Ордена, большинству Братьев до сих пор неизвестен.

Признает ли Великая Ложа те общества, которые, объявляя себя масонскими, принимают в свои ряды представителей обоих полов, — это уже другой вопрос, разрешение которого зависит от того, насколько правильной или неправильной будет признана проводимая этими обществами линия; смогут ли эти общества представить достаточные доказательства своей ортодоксальности и легитимности; не появились ли они на свет вследствие предательства или отступничества некоторых членов Ордена. Однако рассмотрение всех этих вопросов не входит в планы автора, который к тому же не располагает достаточной информацией для каких-либо веских суждений на сей счет. Единственный вывод, который я сделал для самого себя, и единственный совет, который я могу дать другим, заключается в том, что наиболее разумным решением было бы придерживаться существующих установлений, исходящих от нынешнего, надлежащим образом сформированного руководства. Орден всегда был «мужским домом» и должен оставаться таковым до тех пор, пока обстоятельства (которые еще не сложились и вряд ли сложатся в обозримом будущем) со всею очевидностью не позволят нам изменить существующее положение вещей. Вполне возможно, что сейчас «мужчины» хозяйничают в своем «доме» далеко не самым лучшим образом и что именно в этом кроется одна из причин появления множества

неортодоксальных обществ. Вполне возможно и то (и данное предположение, увы, не беспочвенно), что в некоторых из них масонство практикуется с гораздо большей аккуратностью и пониманием его истинного значения, а также с большим почтением к его правилам и установлениям, нежели в самом Ордене. Но все же мы связаны обязательствами с нашим масонским Братством и должны трудиться для его блага, не забывая о том, что, порвав с ним, мы тем самым не принесем никакой пользы ни ему, ни самим себе.

Если же меня спросят, доступна ли вообще женщинам масонская или какая бы то ни было иная форма посвящения, то на этот вопрос я могу ответить столь же утвердительно, насколько отрицательно я отношусь к немедленному допуску женщин в ряды Ордена и к перспективе скорейшего установления официальных контактов между нашим Братством и иными несанкционированными обществами (поскольку в ныне существующих условиях подобные контакты могут иметь пагубные последствия для обеих сторон). Хотя сейчас повсеместно утверждается равноправие полов как в светской, так и в религиозной сфере (дополняемое к тому же тенденцией к достижению реального равенства ответственности и возможностей), масонство пока что не может рассматриваться ни как религиозная, ни как светская общественная организация, поскольку большинство членов Ордена считают свое членство в нем всего лишь атрибутом роскоши, необязательным, но занимательным приложением к своей повседневной общественной жизни и деятельности. И пока статус масонства не поднимется, пока мнение о нем как об обыкновенном моральном кодексе не сменится более глубоким пониманием его сути, которая, как я уже говорил, заключается в достижении личной святости, пока ментальное и духовное восприятие не возвысится настолько, что сможет надежно нейтрализовать эмоциональную слабость и исключить возможность морального падения, масонству предпочтительнее будет оставаться «мужским домом», даже если сей дом, по словам пророка, возведен на «незамешенном растворе», которому явно не хватает благотворного женского начала.

Человеческая душа изначально не имеет пола, но все-таки именно женской половине человечества почему-то приписывают обостренную интуицию и способность ощущать истину. По этой причине в древние времена женщинам разрешали участвовать в элевсинских мистериях; для них был разработан особый ритуал, а в процессии фесмофорий они несли по улице, возложив себе на головы, книги Священного Закона — красноречивую символическую дань и свидетельство удивительной способности женского разума интуитивно улавливать высший смысл этого Закона. Именно женщине — загадочной Диотиме из Мегары — изумленный Сократ был обязан своим наивысшим посвящением в последнюю мистирию — мистирию любви, о которой он с таким благоговением и трогательным красноречием повествует в записанном Платоном «Пире». Но тут же нарочитым контрастом выступает и диаметрально противоположный тип женщины — вздорная и безмозглая Ксантиппа, на которой Сократ был женат. Однако были еще Эгерия, Аспасия, Ипатия и другие известные и неизвестные истории женщины, а образ иерофантессы Беатриче выписан рукою Данте как идеал «вечной женственности», которую заслуженно боготворил Гёте и которая вечно присутствует в человеческом обществе, побуждая мужской интеллект продвигаться всё выше и вперед. Нет нужды подробно говорить о том, какую огромную работу по изложению и толкованию мистической философии и религии проделали женщины — жившие в прошлом и наши современницы; либо объяснять, какие бездонные кладези истинно

масонской мудрости заключают в себе «Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина», «Поучительное исследование герметических мистерий» и другие труды, написанные женщинами, уровень образованности и просветленности которых мог бы позволить им встать в один ряд с наивысшими иерархами нашего Ордена.

Таким образом, «женский вопрос» пока лучше оставить открытым. Тем более что никто и ничто не может воспрепятствовать человеку, какого бы пола он ни был, коль скоро он твердо решил стать истинным строителем духа, искать собственного братского союза с этим духом. Ведь в этом случае официальным сотрудничеством с Орденом (каким бы плодотворным оно ни обещало оказаться, если бы было разрешено) вполне можно пренебречь, ибо труд подвижников не ограничен никакими формальными рамками. Уверен, что эти люди сами смогут понять и оценить мудрость и целесообразность всех временно и вынужденно установленных ограничений. И если всё же придет такое время, когда существующие ныне препоны будут устранены, то только благодаря тому, что сам Орден устранит их, осознав наконец в полной мере свое предназначение, и лишь после того, как Великой Ложой будет указано изменить существующие законы властью еще более высокой — Великою Верховной Ложей.

Перейдем теперь от рассмотрения текущих проблем масонского движения к описанию его возможного будущего, к перспективе, которая открывается перед ним, учитывая его нынешнее состояние.

Эту перспективу наилучшим образом характеризуют слова, приведенные в качестве эпиграфа к настоящей главе: «Сперва то, что естественно; затем то, что духовно». За каких-нибудь три столетия Орден развился из небольшого сообщества в огромную разветвленную организацию. И нет ничего удивительного в том, что эта организация до сих пор проявляет чисто материалистические качества: естественную человеческую слабость, неопытность, даже безответственность и свойственную юности узость мировоззрения. Не совсем верное понимание собственной цели никогда не препятствовало и не препятствует неизменно благим намерениям Ордена. И если для множества людей, неспособных понять его истинное предназначение, он стал нетрадиционным способом развлечься и подчеркнуть собственную оригинальность, то одновременно с этим он все-таки смог стать истинным проводником, указавшим путь к Свету многим блуждавшим в темноте душам, равнодушным к мирскому тщеславию и потому разглядевшим за внешней стороной масонской деятельности истинную науку и усвоившим ее. А некоторые из этих душ смогли продвинуться еще дальше: в безмолвии они прошествовали сквозь врата Ордена туда, где усвоение духовной науки продолжается уже иными, более совершенными методами. Система священства отнюдь не пострадала из-за того, что ее приверженцы иногда заблуждались. И подобно тому, как в лоне церкви периодически появлялись святые, несмотря на не всегда располагавшую к святости окружающую обстановку, так и среди членов Ордена время от времени появляются такие, кто смог достичь Света, несмотря на окружающую темноту, в которой продолжают пребывать остальные Братья.

Но теперь наступает время перемен. И очень важно, что их зачинателем является не высшее руководство Ордена, которое, хотя и заботится по мере своих сил о благе и процветании всего Братства, все-таки не может переступить через барьер своего консерватизма и приверженности прежнему, уже ставшему традиционным способу ведения дел; но рядовые Братья — молодое поколение масонов, свежая кровь, текущая ныне по жилам масонского Ордена. Разумеется, это новое движение не имеет ничего общего с нелояльностью. Просто теперь настало время, когда Братья начинают требовать от масонства хлеба жизни — их все меньше интересуют церемонии и древние обряды, коль скоро их смысл все равно остается непонятным; они ждут от своих лидеров и наставников не непрерывного повторения одних и тех же, благозвучных, но бесполезных, речей; им необходимо наставление, способное указать дорогу к истинному масонскому Свету и Мудрости.

Будущее масонского Ордена нельзя рассматривать отдельно от сопутствующих реалий общественной жизни, ибо Орден является неотъемлемой частью общества и подвержен его влиянию; вернее сказать, — они взаимно влияют друг на друга. На состоянии Ордена отражается, в частности, постепенный упадок традиционных церквей, способствующий, во-первых, численному росту Братства, а во-вторых, повышению интереса к скрытым в масонском учении духовным истинам. Религия не может умереть, ибо религиозный инстинкт вечен, и «церковь» всё равно будет существовать в какой бы то ни было форме, по мере сил исполняя свою духовную миссию. Но сейчас явно необходима новая, дополнительная форма священства, и масонство в состоянии ее создать. Идет процесс перегруппировки и перераспределения энергии, который может помочь нам осознать, что масонство действительно переживало до сих пор стадию становления, необходимо предшествовавшую его превращению в мощный психологический феномен, в новый вид массового сознания — на сей раз подлинно масонского. Придет время, и это масонское сознание станет таким же мощным фактором, как и церковное сознание эпохи Средневековья, и такую же моральной силой, как и дельфийские мистерии на протяжении семнадцати столетий своего величия.

Когда это время придет, мистерии как наука жизни и искусство жить так, чтобы быть достойным жизни сверхъестественной, будут восстановлены. На протяжении довольно долгого времени развитие человеческого мировоззрения и ход истории человеческого общества (включая сюда и эволюцию церкви) неумолимо удаляли нас от некогда преподававшейся и практиковавшейся традиции возрождения к сей сверхъестественной жизни. Но то, что было раньше, в соответствии с законом циклического возвращения, должно повториться снова, причем на более высоком, нежели прежде, уровне развития. И произойдет это вовсе не потому, что христианская церковь никогда не была подлинной служительницей мистерий (во всяком случае, та ее часть, которая не отвергает подлинных сакраментальных signa и признает за человеком возможность отыскать путь к постижению мистерий), но потому лишь, что христианская еkklesia деградировала с течением времени до состояния, аналогичного тому, в котором оказались дохристианские посвященные системы с наступлением новой эры. А это, в свою очередь, произошло из-за того, что люди оказались неспособными понять истинный смысл мистерий в тех формах, в каких они им до сих пор предлагались; а уж причины сего непонимания слишком сложны и неоднозначны, чтобы я мог позволить себе их подробное рассмотрение в этой книге. Что же касается Евангелия, то, оставив на время вопрос об его историчности, можно сказать, что оно являет собою

последовательную драму посвящения, предназначенную для каждого, кто имеет глаза, чтобы видеть, — драму, написанную на все времена и переданную для всеобщего ознакомления и изучения. Ведь то, что раньше было доступно лишь немногим, ибо передавалось лишь в свято оберегаемом уединении мистических школ, стало очевидным, явным и общедоступным благодаря рождению во плоти Великого Примера. Иными словами, Евангелие является настоящим учебником посвящений, предназначенным для всех и каждого, в зависимости от индивидуальной способности правильно понимать его содержание. Разумеется, далеко не все области знания нашли отражение в Евангелии, ибо многое предназначено для более кофиденциального изучения. Периодический цикл церковного года с его праздниками и постами и символическими временами года, указующими на этапы эволюции и инволюции сознания души, служит подлинной картой, на которой проложен маршрут, ведущий к посвящению, коим руководит сам Великий Иерофант и Великий Пример науки духовного возрождения. А распятие, изображенное над алтарем, символизирует, хотя и в иной форме, сам процесс посвящения и те превращения, которые происходят в это время с телом и разумом посвящаемого; в масонстве эта метаморфоза изображена в виде перехода на новую, более высокую ступень.

Истина незыблема, но ее временные выражения и проявления подвержены воздействию времени; всё, что когда-либо было рождено, должно рано или поздно умереть. И когда ныне известная форма мистерий будет искажена, или забыта, или ее носитель и служитель исчерпает свои возможности, терпеливое Божественное Провидение предложит новую, способную взять факел истины из слабеющих рук своей предшественницы, дабы нести его дальше. Таким образом, истина «следует путями многими, ибо один добрый обычай может прельстить весь мир». Масонская система была создана три столетия назад, в эпоху великих перемен и беспорядков. Отсюда и ее призвание — быть подготовительной, начальной школой, где человеку заново приходится изучать азбуку древнего как мир Гнозиса и знакомиться с основами науки духовного возрождения человека. И каким бы приземленным ни было восприятие ее ритуалов, а их применение — несовершенным, память о них навсегда останется в душе и сознании каждого, кто когда-либо был к ним причастен. Известный афоризм: «Тот, кто однажды стал масоном, останется масоном навсегда» — отражает оккультную истину, скрытую от тех, кто не знает, как долго продолжают оставаться с нами результаты наших обдуманых объективных действий и какой субъективной ценностью они обладают. Немногие замечают даже то, что церковь хранит ту же самую истину, зашифрованную в форме обряда крещения, призванного навсегда причислить человеческую душу к пастве Христовой. В обоих случаях — в особенности тогда, когда начинает действовать осознанная воля неофита, — к групповому сознанию всего сообщества добавляется сознание еще одного новообращенного индивида. И, следовательно, в случае с масонством появление каждого нового Брата влечет за собою расширение и усиление того, что мы называем масонским сознанием. Последствия этого расширения для всего сообщества и самого индивида, пожалуй, слишком сложны и многочисленны, чтобы я мог позволить себе их подробное изложение. Напомню лишь то, что говорил по этому поводу древнеримский посвященный поэт, его хорошо известные строки:

«Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo.

Jam redit et Virgo; redeunt Saturnia regna;

Jam nova progenies caelo demittitur alto»*.

* «Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,

Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство,

Ныне с высоких небес посылается новое племя».

Вергилий, «Эклоги», IV, 5-7; пер. С. Шервинского. — Прим. ред.

Но пока что Орден, несмотря на некоторое, еще недостаточно сильное метафизическое влияние субъективного мира, вынужден действовать, сообразуясь с ограничениями пространства и времени. Как мы уже говорили, всё началось с грубого материального фундамента и неизбежно следует по пути совершенствования прежде всего физической структуры, пока не наступит то время, когда станет возможным новое рождение. И тогда естественное уступит место духовному, и огромная материальная организация — «тело приготовленное» — станет физическим носителем, подходящим для выполнения не менее грандиозной задачи — служить истинной Мудрости.

Вначале было практическое масонство; постепенный духовный рост превратил его в масонство теоретическое; и теперь приземленные начала последнего сублимируются в еще более высокую концепцию, тяготеющую к научному мистицизму, как теоретическому, так и практическому. Теперь мы уже можем говорить о постепенном одухотворении Ордена и его превращении — в будущем, о близости или, напротив, отдаленности которого сейчас вряд ли можно гадать, — во врата, ведущие к более совершенному пониманию священных мистерий. Как предсказал Великий Мастер, неизбежно наступит то время, когда Вселенскому Отцу будут поклоняться иначе, нежели ныне поклоняются на этой «горе», так, как не поклоняются сейчас ни в одном Иерусалиме, ни в Ордене и ни в одной из церквей, но по-иному и мистически — то есть в духе вечных мистерий. «Ибо спасение принадлежит иудеям», — добавляет Он; а мы уже объясняли, что под «иудеями» следует понимать посвященных в сии мистерии, действующих под началом самого Великого Мастера, названного некогда «Царем Иудейским».

Церкви, таким образом, могут и должны продолжать исполнять положенную им службу. Но если кто-то почувствует потребность в более конкретной науке, в несколько иной и, пожалуй, более богатой пище, нежели предлагаемая церковным учением, он может обрести искомое в древнем Гнозисе, вход в который лежит через франкмасонство. Следуя по пути, который начинается сразу за этим входом, он может прийти к более глубокому познанию самого себя и секретов своего бытия: ведь именно для этой и только для этой цели когда-то и был создан масонский Орден.

Братство наше может быть только таким, каким мы сами его сделаем. Если мы будем видеть в нем только церемониальную сторону, таким оно и останется; и все наши посвящения будут совершаться лишь на словах, а не на деле. Но если мы постараемся разглядеть и принять в себя тот живой дух и стремление, что прячутся за внешними ритуалами и формальными обрядами, драматический поиск Света и потерянного Слова рано или поздно завершится для нас благословенным обретением того, что мы неизменно провозглашаем. И тот, кто прежде всех достигнет цели, сможет указать путь к ней всем прочим ищущим; и они тоже последуют по проложенному пути, пока Орден не будет признан всеми своими детьми и не станет, как это и предполагалось, подлинным лучом Света в темном царстве.

ПОСТСКРИПТУМ

Настало время завершить эту книгу, закрыть ее, как закрывают Ложу — в мире и согласии со всеми братьями и с древнею молитвой, что просит Бога защитить Орден и укрепить его приверженцев всеми добродетелями.

Если написанное здесь о масонстве покажется кому-то чересчур возвышенным, в свое оправдание я могу сказать только, что следовал примеру наших древних Братьев, которые, возводя очи к горам, с коих нисходит сила, свершали свои масонские труды на высочайших вершинах разума и взирали на мистерии Ордена не глазами плоти, но всевидящими глазами духа. Именно они сохранили для нас — своих преемников — масонский Орден и его учение, правильно истолковав и применив которое мы сможем достичь тех же высот, что и они, и с вершины той же самой Горы Прозрения увидеть всё, что было видно им.

Вряд ли многим удастся взойти на сии высокие горы прямо сейчас, в наш слишком беспокойный и мрачный век. Но некоторые уже готовы и исполнены желания начать восхождение, и книгу эту я написал прежде всего для них. Каждый из нас — кто раньше, кто позже — непременно достигнет вершины. Но в настоящее время во всех наших общественных институтах господствует дух материализма. Мудрость стала редкостью, люди губят себя из-за собственной слепоты, и поиск Света осложняется самыми неблагоприятными условиями. Но мистерия тьмы столь же важна, как и мистерия Света; в созидających руках Великого Архитектора, возводящего Дом Жизни, тьма и Свет равноценны. Они — те самые колонны-близнецы, на которых, как на самом прочном основании, зиждется весь Дом.

Следовательно, к тем, кто пока еще не готов к восхождению на вершину по тропе понимания высших истин масонского учения, мы должны относиться с неизменным терпением и милосердием и говорить о них с надеждой и верою. Ведь все мы — белые и черные, глупые и мудрые, ученые и невежественные, — хотя и отличаемся друг от друга своими способностями и возможностями, являем собою неразделимую шахматную доску, обрамленную барьером

единого на всех Провидения; надо всеми нами распростерты одни и те же Могучие Руки; Свет и тьма, хаотически перемешанные в каждом из нас, постепенно выстраиваются в упорядоченное сооружение, возносящее нас к небесной Мудрости, в которой все мы были, есть и будем едины, даже если это единство осознается сейчас лишь единицами. И коль скоро сия Мудрость в конце концов будет признана всеми ее детьми, у нас нет причин жаловаться на неисповедимость ее путей, следование которыми может затянуться на многие столетия, сопровождаясь порою пугающими и мучительными противоречиями, подобными тем, что в избытке окружают нас сейчас.

Двадцать четыре века назад, в эпоху не менее мрачную и упадочную, нежели нынешняя, старый провидец и сладкоречивый поэт, посвятивший всю свою долгую жизнь постижению древних мистерий Света и Мудрости, тоже сетовал на невозможность передать смысл сих мистерий миру, не подготовленному к их восприятию; но тем не менее он признавал, что даже в погрязшем во мраке духовного невежества мире божественное предназначение продолжает следовать своим извечным путем. А потому мне хотелось бы завершить эту книгу, где мистерии масонства изложены в свете, который, несомненно, очень многим прочитавшим ее покажется призрачным и нереальным, словами именно этого древнего поэта, призывающего спокойно и благосклонно относиться к возможному неприятию того, что кажется нам простым и естественным, ибо мы знаем, что тьма не может вечно скрывать от людей Свет истины:

«Знание, я ли не дружен с тобой?

Я ль не стремлюсь к тебе самозабвенно?

Только вот мир для нас — словно чужой;

Мчится он прочь от тебя неизменно.

Путь его, впрочем, подобен кольцу:

Преодолев тьмы и света смешение,

Ложных законов нагромождение,

Жизнь возвратиться велит беглецу,

Чтобы, отринув свои заблуждения,

Снова воспеть славу Богу-Творцу».

Эврипид. «Вакханки»

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ ТЕРМИНОВ

Coram populo (лат.) — «перед толпой».

Disciplina arcani (лат.) — тайная, сокровенная дисциплина.

Experto crede (лат.) — «Если верить специалистам».

Ipso facto (лат.) — «В силу самого факта».

Ite, Missa est! (лат.) — Таково отпущение.

«Nihil labor; hoc opus est» (лат.) — Здесь труд; сие есть творчество.

Per se (лат.) — само по себе, как таковое.

Sensorium (лат.) — сенсорий, центральный орган чувств.

Savoir faire (франц.) — сметливость, сноровка, ловкость.

Meum et tuum (лат.) — мое и твое.

Ignorantia Legis neminem excusat (лат.). — «Незнание закона не освобождает от ответственности».

Aula Latomorum — Дворец Каменщиков; aula (греч.) — двор, зал, дворец, царство; latomorum (лат.) — каменобоец, каменоломня.

Domine, non sum dignus (лат.) — «Господи, не достоин сего».

«Ecce Agnus Dei, qui tollis peccata mundi!» (лат.) — «Се Агнец Божий, искупающий прегрешения мира!» слова из католической литургии, обращенные к Иисусу Христу.

«Sub umbra alarum Tuarum, Jeheschuah!» (лат.) — «Под сенью защиты Твоей, Иешуа!»

«Ave, Frater, atque Vale!» — «Vale, Frater, atque Ave!» (лат.) — «Здравствуй, Брат, и прощай!» — «Прощай, Брат, и будь здоров!». Игра слов: Ave означает здравствуй и радуйся, Vale — прощай, будь здоров.

Prima facie (лат.) — на первый взгляд.

Signa (лат.) — знак, печать, знамение.

Ekklesia (греч.) — церковь.

Перевод Ю. Хатунцева